

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Кожевникова Мария Анатольевна

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЛЬТИЛИНГВИЗМ В ЯЗЫКЕ ПИСАТЕЛЯ-
ЭМИГРАНТА Б. ХАЗАНОВА**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Т.М. Григорьева

Красноярск

2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ХУ- ДОЖЕСТВЕННОГО МУЛЬТИЛИНГВИЗМА.....	12
1.1. Проблематика художественного мультилингвизма в лингвистике XX – XXI вв.....	12
1.2. Иноязычие как компонент художественного мультилингвизма.....	16
1.3. Прагматика иноязычия	24
1.4. Иноязычие в тексте как фактор художественной значимости.....	28
1.4.1. Иноязычие в литературе на русском языке.....	30
ВЫВОДЫ.....	46
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНОЯЗЫЧИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ МУЛЬТИЛИНГВИЗМА В ХУДОЖЕСТ- ВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ Б. ХАЗАНОВА.....	48
2.1. Функции иноязычия как средства выражения художественного за- мысла.....	48
2.1.1. Функция создания национального колорита (предметно- тематическая классификация)	52
2.1.2. Функция создания временного колорита.....	64
2.1.3. Функция характеристики персонажа.....	70
2.1.4. Прогностическая функция иноязычия	76
2.1.5. Иноязычие как компонент языковой игры.....	80
2.1.6. Эвфемистическая функция иноязычия	88
2.1.7. Эмоционально-оценочная функция иноязычия	90
2.1.8. Иноязычные единицы как элементы языковой картины мира писа- теля.....	93

2.2. Основные способы введения иноязычия в текст.....	106
2.2.1. Графико-орфографическое оформление иноязычия.....	106
2.2.2. Морфологические способы введения иноязычия в русскоязычный текст.....	115
2.2.3. Калькирование как средство использования иноязычия.....	121
2.3. Художественный мультилингвизм Б. Хазанова.....	129
2.3.1. Условия и предпосылки формирования художественного мультилингвизма Б. Хазанова.....	129
2.3.2. Эволюция художественного мультилингвизма Б. Хазанова.....	130
2.3.2.1. Качественно-количественный анализ иноязычных элементов в доэмигрантский период.....	131
2.3.2.2. Качественно-количественный анализ иноязычных элементов в эмигрантский период.....	134
ВЫВОДЫ.....	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	146
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	153
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Борис Хазанов. Биографическая справка.....	173
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Словарь графико-орфографических иноязычий в языке Б. Хазанова.....	175

ВВЕДЕНИЕ

Прецеденты взаимодействия разных национальных языков в едином художественном пространстве текста существуют с момента зарождения художественной литературы. В научном освещении такой феномен получил определение литературный, художественный или творческий мультилингвизм. Распространенный в мировой литературной практике, художественный мультилингвизм реализуется в разных формах и способах, среди которых можно обозначить и иноязычные единицы, выступающие элементом другой культуры, способом её выражения. Писатели и поэты активно обращаются к этому выразительному средству для достижения различных целей. Отдельное развитие данный феномен получил в художественной литературе русского зарубежья.

Степень научной разработанности проблемы. Иноязычия как компонент художественного мультилингвизма стали предметом изучения многих отечественных исследователей, среди которых В.В. Виноградов [1982], Ю.Т. Листрова [1979], М.П. Алексеев [1981], П.Р. Заборов [1981], А.Г. Коваленко [1986], Э.А. Григорян [1997], Н.Л. Васильев и Е.В. Савина [2000], С.Г. Николаев [2006], Е.В. Макеева [2008], К.В. Западная [2010] и др.

При этом отдельное направление исследования образуют иноязычия как проявление мультилингвизма в языке эмигрантов. Стоит отметить, что изучение функционирования и развития русского языка в эмиграции за последние годы не потеряло своей актуальности. Работы в этой области содержат исследования, направленные, в том числе, на анализ языковых изменений в условиях эмиграции, обусловленных влиянием другой языковой системы [Земская, 1972; Караулов, 1992; Голубева-Монаткина, 1993; Гловинская, 2001].

Изучая художественный мультилингвизм литературы русского зарубежья, лингвисты выделяют следующий круг проблем:

- взаимоотношение двух языковых и культурных систем в литературном языке писателя-би/мультилингва [Балеевских, 2002];

- эволюцию литературного би/мультилингвизма [Ивашенко, 2004];
- синтаксическую интерференцию в письменной речи писателя-би/мультилингва [Григорьев, 2005];
- влияние би/мультилингвизма писателя на литературное творчество [Маслова, 2008].

Существует несколько работ, посвящённых непосредственно анализу иноязычных элементов в языке писателей-эмигрантов [Чигирин, 2002; Тищенко, 2005]. Однако большинство исследований направлено на изучение языковых явлений в текстах писателей-эмигрантов первой волны. Лингвистические же работы, исследующие язык писателей-эмигрантов третьей волны не так многочисленны [Колесова, 2005; Пелих, 2007; Большакова, 2008; Руженцева, 2014], что послужило одной из главных предпосылок обращения к данной теме. Б. Хазанова относят к писателям третьей эмигрантской волны. Его мировосприятие формировалось под влиянием нескольких европейских культур, что не могло не найти отражения в его языке, проявляясь, в первую очередь, большим количеством иноязычий, которые позволяют читателю дополнить представления о мироощущениях автора, т. е. о мире, видимом в особой проекции. Его тексты, таким образом, представляют особую значимость для изучения художественного мультилингвизма.

Актуальность темы обусловлена тем, что проза Б. Хазанова, по мнению Ю. Колкера, «самого образованного писателя современности», остаётся малоизученной, в том числе, и с лингвистической точки зрения [Колкер, URL: <http://boris-chasanow.imwerden.de> – 12.02.2015]. Имеющееся исследование ограничивается отдельными наблюдениями и замечаниями, затрагивающими литературные особенности произведений автора: «отношения литературы и памяти» в эмиграции [Тихомирова, 2000]. Кроме того, язык Б. Хазанова представляет особый интерес как язык эмигранта. В условиях иноязычного окружения русский язык эмигрантов в результате контакта с иноязычным языковым материалом подвержен значительному влиянию. Практически неизбежным в этом случае становится включение

ние в их речь элементов иностранных языков. Анализ иноязычий в языке автора позволяет проследить сложившиеся особенности их использования и оценить степень влияния иноязычного окружения не только на его язык. Помимо выявления общих закономерностей в языке писателя, свойственных ему как представителю третьей эмигрантской волны, исследование направлено на изучение индивидуально-авторской специфики использования иноязычий, проявляющуюся в способности автора раскрыть потенциальные возможности таких единиц, активизируя у них новый, неожиданный смысл.

Материалом исследования стали тексты более 100 повестей и рассказов, созданных в разные периоды творчества, а также тексты 12 романов Б. Хазанова:

- «Час короля» (1976);
- «Я Воскресение и жизнь» (1976);
- «Антивремя» (1985);
- «Нагльфар в океане времен» (1993);
- «После нас потоп» (1995);
- «Хроника N» (1996);
- «Аквариум» (1999);
- «Далекое зрелище лесов» (2001);
- «К северу от будущего» (2003);
- «Вчерашняя вечность» (2008);
- «Плюсквамперфект и другие времена» (2008);
- «Взгляни на иероглиф» (2012).

Общее количество исследуемых иноязычий составило около 900 единиц.

Объект исследования – художественный мультилингвизм как художественно-изобразительный компонент текста.

Предмет изучения – реализация художественного мультилингвизма в языке Б. Хазанова.

Цель исследования – выявить закономерности и особенности художественного мультилингвизма в языке писателя.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- 1) выявить индивидуально-авторскую специфику применения иноязычий как компонентов художественного мультилингвизма;
- 2) определить функциональные особенности иноязычных элементов в тексте, установить причины, способствующие усилению стилистического потенциала иноязычий в исследуемом материале;
- 3) рассмотреть иноязычия в языке писателя как важные составляющие языковой картины мира автора;
- 4) провести сопоставительный анализ компонентов художественного мультилингвизма: проследить динамику процессов в качественно-количественном составе иноязычий в разные периоды творческой деятельности автора;
- 5) определить способы введения иноязычий в текст;
- 6) установить обуславливающие факторы в использовании иноязычий.

Научная новизна состоит в том, что впервые был проведён развёрнутый анализ функций иноязычий в языке Б. Хазанова, дающий реальные представления о существующих тенденциях в русском литературно-художественном языке эмиграции. Помимо этого, были выявлены специфические особенности введения иноязычий в текст, используемые автором как действенный приём для достижения авторского замысла. Одним из результатов данного исследования можно обозначить словарь иноязычий в языке Б. Хазанова. Словарь содержит графико-орфографические иноязычия, не прошедшие фиксацию в русскоязычных словарях иностранных слов. Являясь отражением индивидуальных особенностей автора как языковой личности, корпус словаря раскрывает авторскую самобытность. Ряд языковых единиц, представленных в словаре, передаёт специфику социально-культурной среды писателя. Реализуя функцию комментария к художественной прозе автора, указанный словарь поможет

раскрыть значение многих на сегодняшний момент малоупотребительных иноязычных единиц в языке метрополии.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что проведённое исследование представляет определённую ценность, поскольку связано с изучением художественного мультилингвизма в литературно-художественном аспекте. Могут быть значимы наблюдения и выводы, сопряжённые с анализом мотивов проникновения иноязычий в систему русского языка, а также специфики функционирования иноязычий в художественном тексте. Исследование также освещает явление художественного мультилингвизма в коммуникативно-художественном пространстве представителей русского зарубежья в его социолингвистической обусловленности. Данная работа может послужить основой для дальнейшего изучения языка писателей-эмигрантов.

Практическая ценность работы определяется тем, что результаты её могут быть включены в общие и специальные курсы социолингвистики, психолингвистики, лингвостилистического анализа художественного текста и др. Поскольку работа содержит некоторые наблюдения, связанные с характером художественного применения иноязычий, данное исследование может быть значимо для теории художественной речи.

Методы исследования. В работе используется преимущественно функциональный подход к изучению материала, что позволяет рассмотреть особенности функционирования иноязычий в языке Б. Хазанова. При анализе динамики употребления иноязычий в языке автора для установления закономерностей и изменений, происходящих в качественно-количественном составе иноязычий в разные периоды творчества автора, осуществляется диахронический подход.

В качестве частных методов и приёмов исследования использовались:

- методы морфологического, синтаксического, графо-орфографического анализа иноязычий;

- метод обобщения словарных дефиниций и контекстуального анализа для описания семантики иноязычий;
- прием сплошной выборки практического материала исследования;
- квантитативные методы анализа данных для выявления статистических параметров иноязычий, входящих в состав авторского словаря.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Творчество Б. Хазанова может служить классическим проявлением художественного мультилингвизма.

2. К общим закономерностям, наблюдаемым в языке Б. Хазанова и других представителей литературной эмиграции, можно отнести:

- преимущественное употребление иноязычий в функции создания национального колорита;
- стереотипное использование иноязычий в характерологической функции;
- реализацию интертекстуальными единицами прогностической функции.

3. Индивидуально-авторскую специфику употребления иноязычий формируют:

- актуализация у экзотизмов переносного значения;
- использование терминов для эвфемистических замен;
- калькирование урбанонимов.

4. Широкий спектр проявления личности писателя заключается в использовании терминологии из различных областей знаний. Гармоничное сочетание научных понятий с художественным мировидением образует неповторимый комплекс образного мироощущения.

5. Доминирование иноязычий в исходной графике с нулевой или частичной ассимилированностью к русскоязычному контексту, а также отсутствие производных окказионализмов от иноязычных основ может характеризовать автора как личность с высокой языковой культурой. Это выделяет его среди писателей-эмигрантов третьей волны, проявляя сходство с творчеством писателей-эмигрантов первой и второй волн.

6. Определяющая роль в развитии художественного мультилингвизма автора отводится иноязычной среде, обусловленной эмиграцией.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были изложены в докладах и сообщениях на научных конференциях и заседаниях кафедр:

- Международная научно-практическая конференция, посвящённая 210 В.И. Даля (г. Красноярск, 2011);
- VI Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы изучения языка и литературы: стратегии развития языка, литературы, культуры в системе гуманитарного знания» (г. Абакан, 2011);
- Международная научно-практическая конференция «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения» (г. Москва, 2012);
- Международная научно-практическая конференция «Диалог культур в аспекте языка и текста» (г. Красноярск, 2012);
- Международная научно-практическая конференция «Язык – духовное наследие» (г. Красноярск, 2012);
- Международная научно-практическая конференция «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIV Кирилло-Мефодиевские чтения» (г. Москва, 2013);
- Дни русской словесности «Бессмертие народа – в языке» (г. Красноярск, 2010);
- Всероссийская научно-методическая конференция молодых ученых «Молодая филология – 2015. Языки и литература: прошлое и настоящее» (г. Пермь, 2015 г.);
- Кафедра русского языка и речевой коммуникации (г. Красноярск 2010 – 2012);
- Научно-учебная лаборатория «Международная коммуникация» ИУБПЭ СФУ (г. Красноярск, 2010 – 2016).

Структура работы. Композиционно в работе выделяются введение, две главы, заключение, список литературы и два приложения. Первая глава представляет собой теоретический пласт исследования художественного мультилингвизма и его компонентов (иноязычий). Во второй главе рассматриваются функции иноязычий, основные способы их введения в текст в языке Б. Хазанова. Помимо этого, вторая глава посвящена художественному мультилингвизму Б. Хазанова, условиям и предпосылкам его формирования, приводятся статистические данные о качественно-количественном составе иноязычий в разные периоды творчества автора. В заключении отображены основные результаты исследования. Список литературы содержит 204 источника. Исследование дополнено двумя приложениями, которые включают в себя словарь графико-орфографических иноязычий в языке Б. Хазанова и библиографическую справку.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЛЬТИЛИНГВИЗМА

1.1. Проблематика художественного мультилингвизма в лингвистике XX – XXI вв.

Явление двуязычия и многоязычия в современном мире достигло серьезных масштабов и стало в некоторых ситуациях нормой повседневной жизни. Хотя не так давно было «принято, в том числе и среди лингвистов, рассматривать одноязычие, как правило, а многоязычие – как нечто исключительное» [Вайнрайх, 1972, с. 26].

Тем не менее, первые попытки изучения многоязычия относятся к XIX веку и связаны, в первую очередь, с именами немецких ученых Г. Грюнбаума, Э. Виндиша, Г. Шухардта и др. [Николаев, 2006, с. 34].

В начале XX столетия в связи с активными процессами, происходящими в области разных наук, техники, искусства, экономики и др., а также увеличившейся миграцией населения, геополитическими изменениями, международное общение стало массовым, что потребовало владение наряду с родным языком одним из доминирующих в мировом пространстве языков. Вот что об этом писал К.И. Чуковский: «Сегодня все утро читал Нью-Йоркскую „Nation...” и Лондонское „Nation and Athenaeum...” Читал с упоением: какой культурный стиль – всемирная широта интересов. <...> И главное: как сблизилась все части мира: англичане пишут о французах, французы откликаются, вмешиваются греки – все нации туго сплетены, цивилизация становится широкой, единой» [Чуковский, 2003, с. 186]. Безусловно, эти изменения в мировом сообществе повлияли и на научные интересы исследователей самого широкого профиля, побудив их обратиться к проблемам, связанным с языковыми контактами и мультилингвизма, которые были освещены в работах таких западных учёных, как Л. Блумфильд [1968], У. Вайнрайх [1972] и др. В отечественной филологии вопросами взаимного влияния языков за-

нимались И.А. Бодуэн де Куртенэ [1963], Л.В. Щерба [1958], Б.А. Ларин [1977], М.П. Алексеев [1981], В.Ю. Розенцвейг [1972], Ю.Д. Дешериев [1976], Е.М. Верещагин [1969] и др.

Однако, несмотря на активное изучение многоязычия, всё ещё спорной остаётся относящаяся к этой области базовая терминология. Так, наряду с понятиями «двуязычие» и «многоязычие» продуктивно используются латинские термины «билингвизм» и «мультилингвизм» («плюралингвизм», «полилингвизм»). Очевидно, что «двуязычие» представляет собой кальку от латинского «билингвизм», поэтому споры о предпочтительности одного из них представляются несущественными. В данном исследовании оба термина используются как равнозначные. Всё относится и к понятиям «многоязычие» и «мультилингвизм».

Отдельный вопрос представляет соотношение терминов «билингвизм» и «мультилингвизм». Безусловно, существуют некоторые индивиды, владеющие несколькими языками (мультилингвы) и способные использовать их в речи в зависимости от ситуации. Однако исследователи указывают, что двуязычие является частным случаем многоязычия. Наиболее частое использование термина «двуязычие» или «билингвизм» объясняется широким распространением двуязычных ситуаций как наиболее типичного случая многоязычия. Нередко термин «многоязычие» заменяют на «двуязычие» или «билингвизм» [Багана, 2010, с. 17]. Предпочтительное использование термина «многоязычие» или «мультилингвизм» в данной работе обусловлено рядом причин. Во-первых, указанный термин обладает более ёмкой семантикой, что существенно расширяет границы его употребления. Во-вторых, характеристика Б. Хазанова как писателя-мультилингва (а не билингва) акцентирует внимание на его владение несколькими иностранными языками.

Явление «мультилингвизма» может рассматриваться не только в качестве компонента коммуникации, но и применяться «к эмоциональной и особенно поэтической (эстетической) функциям языка» [Верещагин, 1969, с. 46]. Такая разновидность мультилингвизма именуется в научных кругах художественным (Р.О. Туксайтова), литературным (Н.Г. Михайловская, Е.Г. Иващенко) или инди-

видуальным творческим (С.Г. Николаев) «мультилингвизмом» [Туксаитова, 2005, с. 198–206; Михайловская, 1979, с. 61–73; Николаев, 2006, 49–54]. Художественный мультилингвизм представляет собой сложное явление, которое, как и другие типы многоязычия, может быть рассмотрено в лингвистическом, психологическом и социолингвистическом аспектах.

В лингвистической литературе особое внимание при исследовании художественного мультилингвизма уделяется анализу взаимодействия и взаимовлияния контактирующих языков в художественном тексте, а также лингвистическим характеристикам многоязычной языковой личности. «Результатом взаимодействия языков», указывает Н.А. Колесова, «является отражение» нескольких «языковых систем в языковом сознании» писателя-мультилингва «и функционирование иноязычных слов и словосочетаний в его языке, с помощью которых автор стремится подчеркнуть свою принадлежность к языковому обществу и ассимилированность в нем» [Колесова, 2005, с. 39].

В социолингвистическом аспекте исследуются возникновение и развитие форм художественного мультилингвизма и, «в зависимости от ареала распространения той или иной формы, вычленяются типологические зоны литературного» многоязычия [Туксаитова, 2005, с. 202].

Психологический аспект рассматривает специфику художественного мультилингвизма в зависимости от особенностей творческого процесса, которые, по мнению Т.А. Лупачёвой, обуславливаются различными факторами: видом творчества (оригинальное художественное творчество или перевод), жанровыми разновидностями (проза, поэзия, драматургия) и другими факторами [Лупачёва, 2005, с. 49].

Исследователи выделяют несколько типов художественного мультилингвизма. Необходимо отметить, что большинство классификаций включает перевод как особый вид художественного творчества [Гусейнов, 1972, с. 314–315; Гируцкий, 1990, с. 175; Николаев, 2006, с. 58–63]. Существуют типологии, базирующиеся на других критериях. Т.А. Лупачёва, учитывая соотношение языков и культур, предлагает выделять четыре типа художественного мультилингвизма:

бикультурный монолингвизм, бикультурно-координативный мультилингвизм и бикультурно-субординативный мультилингвизм [Лупачёва, 2005, с. 59].

Несомненно, художественному мультилингвизму свойственен ряд релевантных признаков, отличающих его от других разновидностей, в частности: 1) индивидуальность, «т. е. конкретное лицо, пользующееся» многоязычием «как методом в своей писательской деятельности; 2) принадлежность к информативной сфере языка в отличие от коммуникативной; 3) необязательность непосредственных контактов коммуникативного порядка; 4) ориентация на нормы языка, на котором написаны художественные произведения» [Михайловская, 1979, с. 61]. Обозначенные черты художественного мультилингвизма выявляют характеристики индивидуального языка и стиля писателя-мультилингва, противопоставляя его творчество произведениям писателей, творящих на родном языке.

Художественный мультилингвизм может быть реализован в двух речевых ситуациях. В первом случае писатель вводит в произведение иноязычные элементы, создавая «прецедент „классического” литературного» мультилингвизма [Николаев, 2006, с. 50]. Альтернативная ситуация определяется полным вытеснением родного языка и переходом автора на другой язык.

В связи с этим необходимо отметить, что в ряде лингвистических работ по художественному мультилингвизму исследователями поднимается вопрос о степени владения языками в контексте литературного творчества. В отечественной лингвистике традиционная трактовка художественного мультилингвизма как творчества на неродных языках предусматривает свободное владение писателем как родным, так и вторичными языками [Гусейнов, 1972, с. 305; Михайловская, 1979, с. 61]. Существует, однако, и противоположное мнение, что писатель не может равноценно владеть двумя или несколькими языками. Использование родного языка более полное и глубокое, оно влияет на характер творческого использования иностранных языков [Федоров, 1971, с. 183]. Аналогичную точку зрения высказывает Г.В. Степанов, отмечая, что «знание двух (или тем более нескольких) языков не может быть абсолютно одинаковым и всегда есть возможность установить, какой язык для писателя является основным

(им может быть и „материнский” и „чужой” язык) и какой – вторым, дополнительным» [Степанов, 1976, с. 183].

Безусловно, превосходное знание одновременно двух или нескольких языков сомнительно. Несмотря на то, что многие писатели свободно владеют другими языками, это владение имеет предел. Однако использование неродных языков в литературном творчестве требует от писателя наиболее высокого уровня языковой компетенции, при котором писатель может не просто применять неродные языки в коммуникативных целях, а тонко чувствовать стилистические особенности средств других языков, с точностью пейзажиста определять круг их изобразительно-выразительных возможностей.

Таким образом, художественный мультилингвизм представляет собой значимое в историческом и культурном плане явление «едва ли не столь же древнее, как и художественная литература в целом» [Николаев, 2006, с. 65]. Представленный в культурном наследии многих классических и современных литературных деятелей мультилингвизм способствует знакомству читателей с инонациональной действительностью, бытом, традициями и мировосприятием других народов, приобщая к мировым идеалам и ценностям.

1.2. Иноязычие как компонент художественного мультилингвизма

Компонентами мультилингвизма принято считать языки, которыми владеет полилингвальный человек. В художественной литературе в качестве компонентов художественного мультилингвизма могут рассматриваться иноязычия, поскольку классическое проявление художественного мультилингвизма заключается во введении в художественный текст элементов из иных языков, отличных от языка, на котором творит писатель.

Изучению иноязычных единиц в русском языке посвящено множество работ отечественных и зарубежных лингвистов. Серьезный исследовательский интерес к иноязычной лексике в русском языке, как свидетельствует Л.П. Крысин,

зародился у русских филологов, историков, общественных деятелей примерно во второй половине XVIII в., «когда в недрах Российской академии был задуман первый толковый „славено-российский словарь”» [Крысин, 2004, с. 15]. Тем не менее, вопросы, связанные с этой сферой языка, выходили далеко за пределы узколингвистического интереса и рассматривались «в совокупности с проблемами культурных и социально-экономических контактов», с проблемами «чистоты словаря». И только на рубеже XIX – XX вв. появилось несколько научных трудов, в которых был проведён «объективно-научный (преимущественно этимологический) анализ фактов словаря» [Там же].

Так, в 1904 вышла публикация Е.Ф. Корша «О некоторых славянских словах иноязычного происхождения», в которой приведён этимологический анализ нескольких иноязычных слов. При этом автор разграничил заимствование слов по их внешней форме и смыслу, а также только по смыслу (в современной лингвистике такой вид заимствований определяется как семантическая калька) [Корш, 1904, с. 15]. Между тем, в работах этого периода затрагивались и другие аспекты исследования иноязычных единиц. В частности, в статье А.И. Соболевского «Из истории заимствованных слов и переводных повестей» (1904) уделялось внимание вопросам ассимиляции иноязычных элементов в заимствующем языке и выяснению их языка-источника [Соболевский, 2004, с. 236–238].

Первые попытки системного изучения иноязычной лексики относятся ко второй половине XX века и связаны с такими именами западноевропейских и отечественных учёных, как Э. Хауген [1972], Ю.С. Сорокин [1965], А.А. Леонтьев [1966], А.Н. Бабкин [1966], Л.П. Крысин [1968] и др.

Несмотря на наличие трудов, посвящённых различным аспектам в исследовании иноязычных единиц, среди учёных не было выработано однозначной трактовки для этого лингвистического явления. Так, наряду с термином «заимствование», продуктивно используются термины «иноязычное вкрапление», «варваризм», «экзотизм». У разных лингвистов объём понятий этих терминов варьируется.

Заимствования. На современном этапе развития лингвистической мысли термин «заимствование» используется учёными в широком и узком значении. В широком понимании «заимствование» представляет собой процесс перехода «элементов одного языка в систему другого как следствие более или менее длительных контактов между этими языками» [Крысин, 1997, с. 132]. Согласно узкой трактовке под «заимствованием» принято понимать результат такого процесса, т. е. непосредственно слова, словообразовательные аффиксы и конструкции, вошедшие в язык-реципиент.

Между тем, как уже отмечалось, не существует чётких критериев, дифференцирующих понятия «заимствование», «вкрапление», «варваризм», «экзотизм». Тем не менее, среди учёных не раз предпринимались такие попытки. В том числе Ю.Т. Листрова-Правда основным признаком заимствованной лексики считает «выход иноязычного вкрапления за пределы индивидуальной или групповой речи билингов, когда оно начинает употребляться и монолингвами в их родном языке (без опоры на иностранный)» [Листрова-Правда, 1986, с. 17–22]. Однако подобная установка значительно расширяет круг языковых явлений, которые могут трактоваться как заимствования.

Одним из первых, кто указал на отличительные особенности заимствований, стал Ю.С. Сорокин, считающий заимствованиями лишь те иноязычные слова, которые отвечают следующим условиям:

- 1) формально приспособлены к нормам заимствующего языка, т. е. к его звуковой и морфологической системе;
- 2) широко и интенсивно используются в речи, в разных её стилях, у разных авторов;
- 3) подчинены словообразовательным законам усвоившего языка и имеют производные на почве данного языка слова;
- 4) обладают фразеологической активностью;
- 5) свободны от смысловой дублетности, дифференцированы по значению с близкими синонимами данного языка [Сорокин, 1965, с. 62].

Близкую к этому точку зрения выражает Л.П. Крысин. В работе «Иноязычные слова в современном русском языке» (1968 г.) автор производит разграничение между «заимствованиями», с одной стороны, и «вкраплениями», и «экзотизмами» – с другой, отметив их структурные и функциональные различия [Крысин, 1968]. Для «заимствований» характерно наличие ряда признаков, среди которых выделяется графемно-фонетическая передача «иноязычного слова средствами заимствующего языка, соотнесение его с определёнными грамматическими классами и категориями, <...> употребление не менее чем в двух разных речевых жанрах» [Крысин, 2004, с. 50]. Одним из немаловажных признаков закрепления иноязычной единицы в каком-либо языке представляется её письменная фиксация, поскольку «подавляющее большинство словарей являются нормативными, их словники состоят из наиболее регулярно употребляющихся, укоренившихся в языке лексических средств», и факт регистрации слова в словаре указывает на признание слова к «принадлежащим лексико-семантической системе данного языка» [Крысин, 2004, с. 44]. В то время как «вкрапления» и «экзотизмы», по его мнению, «не теряют ничего или почти ничего из черт, присущих им как единицам языка, которому они обязаны своим происхождением» [Там же, с. 61]. Такие иноязычные единицы не принадлежат системе использующего их языка, поскольку не имеют прочных связей с лексическим и грамматическим строем этого языка. Как очевидно, по основным положениям мнение авторов совпадает.

В данной работе при рассмотрении вопроса о заимствованиях за основу взято определение Л.П. Крысина, отражающее в полной мере признаки заимствований, «которые необходимы и в то же время достаточны для того, чтобы считать то или иное иноязычное слово заимствованным данной лексической системой» [Крысин, 2004, с. 50].

Вопрос разграничения заимствований от других иноязычных элементов представляется важным для данного исследования, поскольку при анализе иноязычий в языке Б. Хазанова такие единицы в силу освоенности их русским языком не учитывались. Между тем, как свидетельствует Л.П. Крысин, и варваризмы, и экзотизмы, и иноязычные вкрапления в процессе частого

употребления в речи могут перейти в разряд заимствованной лексики [Крысин, 2004, с. 60].

Иноязычные вкрапления. Как известно, термин «иноязычные вкрапления» был введён в научный обиход А.А. Леонтьевым в работе «Иноязычные вкрапления в русскую речь» (1966). Тем не менее, Ю. Т. Листрова-Правда отмечает, что в понимании автора термин «иноязычное вкрапление» охватывал не только «нерусские слова <...>, находящиеся за пределами системы русского языка, но и входящие в неё в качестве «заимствований» [Листрова-Правда, 1986, с. 7]. В современной лингвистике термин «иноязычное вкрапление» используется, как правило, для обозначения иносистемных языковых явлений в речи, находящихся за пределами принимающего языка, его лексико-семантической системы [Лупачёва, 2005, с. 21]. Хотя и здесь по некоторым признакам мнения учёных расходятся. Ряд лингвистов определяющим признаком «иноязычных вкраплений» считают их исконный графический облик (см. об этом: Каменева, 1978, с. 54; Сапожникова, 1980, с. 41). Безусловно, оригинальная графика заимствованных слов представляет собой немаловажное условие для отнесения их в разряд «иноязычных вкраплений», однако многие лингвисты отмечают наличие в русском языке определённого пласта иноязычной лексики, употребляемой преимущественно в графике языка-источника, но регулярно воспроизводимой в устной и письменной речи, имеющей интернациональный характер и, более того, зафиксированной в словарях [Листрова-Правда, 1986, с. 12; Крысин, 2004, с. 60]. Такие слова, по мнению некоторых исследователей, не могут считаться «иноязычными вкраплениями». Так, Е.А. Земская указывает на окказиональность «иноязычных вкраплений» как на одно из важнейших условий, т. е. «невоспроизводимость в литературной речи, несоответствие общепринятым нормам, принадлежность отдельному лицу (тексту), а не словарному составу данного языка» [Земская, 1972, с. 20].

В этом отношении представляется более мотивированной и более соответствующей исследуемому материалу идея включить в разряд «иноязычных вкраплений» все слова и выражения, которые автор художественного текста дает в их исконном написании, поскольку кириллический облик иноязычного слова может

служить признаком того, что «пишущий считает подобное слово или выражение своим, а не чужим, таким, которое настолько обычно для его словоупотребления, что нет необходимости отличать его от всех других слов контекста» [Бабкин, 1970, с. 223].

Экзотизмы. Как отмечают исследователи, впервые термин «экзотизм» был использован Л.А. Булаховским в 1937 г. для обозначения заимствований из кавказских языков в произведениях М.Ю. Лермонтова и А.А. Бестужева-Марлинского. Окончательное же утверждение термина произошло после выхода статьи Е.А. Супруна «Экзотическая лексика» (1958 г.) (см. об этом: Филатова, 2009, с. 3–4).

В современной лингвистике экзотизмы традиционно рассматриваются как «слова и выражения, заимствованные из других языков и употребляемые для придания речи особого колорита» [Ахманова, 1966, с. 214]. Исследователи единодушны во мнении, что «употребление и употребительность этих слов зависят от тематики и ситуации речи» [Крысин, 2004, с. 54].

Спорным представляется разграничение «экзотизмов» и «варваризмов». Некоторые исследователи используют вместо термина «экзотизмы» термин «варваризмы» [Реформатский, 1996, с. 137]. У других учёных границы между данными понятиями чрезвычайно размыты, в частности О.С. Ахманова отличительным признаком как «экзотизмов», так и «варваризмов» считает использование таких языковых единиц при описании чужеземных обычаев, быта для создания местного колорита [Ахманова, 1966, с. 70, 214]. Ряд лингвистов, в том числе Л.С. Бархударов, Б.В. Томашевский, А. Зеленин, включают экзотизмы в таксономический класс варваризмов [Бархударов, 1975, с. 71; Зеленин, 2007, с. 444; Томашевский, 1999, с. 21–25].

Однако, дифференцируя понятия «варваризмы» и «экзотизмы», исследователи отмечают у последних такой релевантный признак, как отсутствие дублетов «в русском языке, так как в них отражается то специфическое, что есть в жизни другого народа; их можно перевести на русский язык только описательно», поэтому «обращение к ним продиктовано необходимостью» [Рахманова, 1997,

с. 68, 106].

Некоторые лингвисты как разновидность «экзотизмов» выделяют «речевые экзотизмы» или «окказиональные заимствования» [Листрова-Правда, 1986, с. 19; Виноградов, 2001, с. 59]. Основное их отличие от полноценных, вошедших в словарный состав языка экзотизмов, заключается в малочастотном употреблении в русском языке [Листрова-Правда, 1986, с. 19].

Принимая во внимание тот факт, что подобное различие одного и того же понятия затрудняет его использование и вызывает потребность в более четком определении, данное исследование опирается на мнение, высказанное В.С. Виноградовым. Согласно его трактовке «экзотизмы» – это иноязычные лексемы, номинирующие «понятия и вещи, не связанные с нашей действительностью», но необходимые «для понимания иноязычной культуры и истории». В связи с чем «на фоне русской речи во всех заимствованиях данного типа особо выделяется присущая им локальная информация», привязывающая их «к определенной социогеографической зоне» [Виноградов, 2001, с. 59].

Варваризмы. В современной лингвистике сложилось неоднозначное отношение к термину «варваризмы». Многие трактовки данного языкового явления, как уже отмечалось, нечётки. В частности Л.М. Баш в работе «Дифференциация термина „заимствование“: хронологический и этимологический аспекты» понимает под «варваризмами» «иноязычные слова и выражения, употребляемые в русском языке без перевода, с соблюдением графики и орфографии языка источника» [Баш, 1989, с. 27–28]. Данная трактовка «варваризмов» делает их сходными с «вкраплениями», одним из основных признаков которых, как уже упоминалось, является их иноязычный облик. Ещё более размытое определение предлагают Н.Л. Васильев и Е.В. Савина в научном исследовании «Варваризмы в языке А.С. Пушкина», считая «варваризмами» «иностранные слова и выражения, окончательно обрусевшие в послепушкинское время или же зафиксированные в иноязычной форме в соответствующих словарях современного русского языка» [Васильев, Савина, 2000, с. 99]. Такое понимание «варваризмов» обусловлено диа-

хроническим подходом и не отражает признаков, присущих этим языковым единицам в синхроническом аспекте.

Как отмечает С.В. Гринев, «варваризмы» «не называют иностранных реалий, имеют соответствия в принимающем языке и легко могут быть переведены путём замены соответствиями, т. е. выполняют чисто стилистические или экстралингвистические функции». Главное отличие варваризмов от иноязычных вкраплений, по мнению автора, заключается в регулярности употребления в закреплённых за ними функциональных сферах, тогда как «иноязычные вкрапления» носят окказиональный характер [Гринев, 1982, с. 167].

Между тем, несмотря на обилие трактовок термина «варваризмы», практически все исследователи их важной особенностью называют неосвоенность языком-реципиентом (см. об этом: Реформатский, 1996, с. 130; Крысин, 2004, с. 20; Брагина, 1973, с. 161).

Учитывая это, в данной работе к «варваризмам» будут отнесены заимствованные лексемы в кириллической графике, у которых, тем не менее, существуют синонимы-дублиеты в принимающем языке и у которых наблюдается вариативность в написании.

Для последующего анализа иноязычного материала в данном исследовании будет использоваться термин «иноязычие». Этот термин упоминается в работах В.В. Кабакчи, Т.М. Григорьевой, Е.О. Филинковой [Кабакчи, 1990; Григорьева 1999; Филинкова, 2004] др. Как и при трактовке других указанных выше лингвистических номинаций, среди лингвистов не существует единства, какие факты словаря следует считать «иноязычиями». В.В. Кабакчи под «иноязычием» понимает второй (неродной) язык, который использует при языковом общении мультилингв [Кабакчи, 1990, с. 30–40]. Е.О. Филинкова вводит понятие «графико-орфографические иноязычия» для обозначения иноязычных неологизмов, освоенных иноязычных и исконных русских единиц «разных уровней языковой системы, которые относительно регулярно употребляются в русских текстах в латинской графической форме» [Филинкова, 2004, с. 10]. С.Г. Николаев к «иноязычиям» относит «языковые манифестации» принципиально пребывающие за пределами

системы принимающего языка «вне зависимости от степени возможной ассимиляции» [Николаев, 2004, с. 28]. Принимая во внимание приведённые определения в данной работе термин «иноязычие» рассматривается в широком смысле и охватывает иноязычные языковые элементы, находящиеся вне системы современного русского языка. «Иноязычие» выступает гиперонимом по отношению к таким понятиям, как «варваризм», «иноязычное вкрапление», «экзотизм». В корпус «иноязычий» включены иноязычные единицы в русской и исконной графике, иноязычные термины, историческая лексика иноязычного происхождения, утратившая свою актуальность на современном этапе развития, а также кальки, поскольку в русском окружении они предстают иносистемными элементами. Заимствования в силу их освоенности и полной ассимиляции выходят за пределы понятия «иноязычия» и при отборе материала не учитывались.

1.3. Прагматика иноязычия

Изучение художественного мультилингвизма заключается, в том числе, в анализе его компонентов (иноязычных элементов) и выявлении не только их семантических, но и прагматических характеристик в морфологии, графике и синтаксисе. Прагматический анализ помогает определить, каким образом иноязычия воздействуют на адресата сообщения, как выбор иноязычных элементов может отразить индивидуальные особенности автора произведения, какие цели и задачи преследует автор, используя иноязычные единицы.

В художественном тексте в письменной форме воспроизводится творческий потенциал автора, который реализует свои интенции при помощи определённого набора языковых средств, формируя у реципиента соответствующее отношение к сообщаемому. Полученная информация, указывает В.Н. Комиссаров, может в значительной степени повлиять на реципиента, поскольку, вызывая определённую эмоциональную реакцию, она способна побудить к определённым действиям.

Другими словами, на адресата осуществляется прагматическое воздействие [Комиссаров, 1990, с. 254].

Хотя границы области вопросов, которые исследует прагматика, размыты, мнения большинства исследователей по ключевым моментам совпадают. К примеру, Ю.С. Степанов считает, что прагматика охватывает круг проблем, исследующих отношение субъекта речи к действительности и к тому, что и как он сообщает, а также интерпретацию сообщения адресатом [Степанов, 1981, с. 326]. Другие учёные полагают, что прагматика включает аспекты, связанные с адресантом и адресатом, их коммуникативном взаимодействии, а также ситуацией общения [Арутюнова, Падучева, 1985, с. 3]. Ю.Д. Апресян под прагматикой понимает «закрепленную в языковой единице оценку говорящим следующих трех вещей: действительности, являющейся предметом сообщения, содержания сообщения и адресата» [Апресян, 1995, с. 157].

Помимо этого, исследование прагматики иноязычных элементов в художественном произведении связано с такими категориями как **прагматическая установка и прагматическое значение**.

Прагматическая установка, как полагает Э.С. Азнаурова, – «материализованное в тексте намерение оказать определённое воздействие на адресата», которое достигается за счёт использования соответствующих художественных средств [Азнаурова, 1988, с. 92]. Иноязычные слова в силу своей эмоционально-экспрессивной окраски могут наиболее точно выразить авторскую позицию и привлечь внимание реципиента. Э.А. Китанина отмечает: «Если у исконного слова прагматическая информация зачастую оказывается „впрессованной” в семантическую, то заимствование прагматично уже в силу своей иноязычной природы» [Китанина, 2005, с. 39].

Прагматическое значение. К одной из важных категорий прагматики относится прагматическое значение, которое тесно переплетается с лексическим и стилистическим значениями. Е.Г. Беляевская под «прагматическим аспектом» лексемы понимает часть лексического значения, содержащую информацию об участниках и условиях коммуникации и коммуникативной ситуации: 1) *времени*

и месте ситуации; 2) участниках ситуации; 3) содержании; 4) стиле коммуникативной ситуации [Беляевская, 1987, с. 41–52]. Схожую трактовку предлагает Э.С. Азнаурова. Прагматическое значение, по её мнению, включает оценочный компонент и одновременно характеризуется соотнесённостью с коммуникативно-прагматической ситуацией. Таким образом, прагматический компонент в лексеме формируется под влиянием внеязыковых факторов (фоновых знаний, уровня культуры, мотивированно-оценочного отношения к денотатам, социальным и позиционным статусом), которые постоянно повторяются и становятся типичными ситуациями общения [Азнаурова, 1988, с. 46].

Эти прагматические параметры можно спроецировать и на иноязычные лексемы, которые, безусловно, как и лексемы языка-реципиента, обладают прагматическим значением.

Во-первых, иноязычие способно отражать информацию *о месте и времени коммуникативной ситуации*. При восприятии иносистемных единиц у реципиента возникают основанные на его фоновых знаниях определённые ассоциации, соотносящие иноязычные лексемы с временной и пространственной локализацией данной иностранной культуры. Иноязычные элементы могут информировать о месте и времени действия опосредованно, без каких-либо дополнительных прямых указаний.

Иноязычие может содержать информацию об *участниках коммуникативной ситуации*, характеризуя субъекта и адресата повествования. Автор, как считает В.А. Маслова, всегда ориентируется на потенциального адресата, учитывает его социальные и психические особенности, целенаправленно выбирая из всего многообразного арсенала языковых средств те, которые с максимальной точностью и непротиворечивостью должны выразить его интенции, и наиболее уместны и пригодны для достижения иллокутивной цели, поскольку «литературное произведение оказывает наиболее сильное воздействие на того читателя, психическая организация которого сходна с авторской психической организацией» [Маслова, 2008, с. 24]. Вводя иноязычие в ткань произведения, автор в какой-то степени сужает

круг своего потенциального читателя, руководствуясь принципом избирательности.

Ещё Г.О. Винокур в выступлении «Доклад о Ломоносове» высказывал мысль о том, что «язык писателя может служить также и источником наших сведений о личности писателя» [Винокур, 1997, с. 315]. Развивая и дополняя идею Г.О. Винокура, Э.С. Азнаурова в работе «Прагматика художественного слова» отмечает, что, как и любая другая социальная личность, создатель художественного произведения обладает индивидуальными, неповторимыми качествами, обусловленными биологическими характеристиками (национальная принадлежность, возраст, пол), а также социальными факторами. Создавая художественное произведение, автор отражает в тексте картину действительности, используя при этом определённый набор языковых средств, исходя из индивидуального опыта, знаний, системы оценок [Азнаурова, 1988, с. 91]. Следовательно, иноязычия в художественном тексте способны раскрыть индивидуальные особенности и характеристики писателя.

Содержание коммуникативной ситуации основано на взаимодействии адресанта с адресатом и во многом определяется их социальными ролями и статусами, которые диктуют употребление конкретных языковых средств. В подтверждение этому можно привести мнение А.Д. Швейцера и Л.Б. Никольского, которые отмечают, что «статус определяется совокупностью постоянных социальных характеристик информантов, их местом в социальной структуре, а роль – способом поведения, детерминированным социальной ситуацией». Данные характеристики определяют социальную вариативность языка, маркерами которой могут выступать иноязычные слова, а также иноязычные языковые системы [Швейцер, Никольский, 1978, с. 77].

Что касается информации о *стиле коммуникативной ситуации*, иноязычные лексемы, как свидетельствовал А.Н. Гвоздев, «по сравнению с русскими обычно имеют более книжный характер, а также знакомы более узкому кругу читателей», т. е. содержат стилистическую заданность [Гвоздев, 2009, с. 90]. В свою очередь Е.Г. Беляевская допускает, что «практически каждое слово в языке является сти-

листически маркированным, т.е. содержит прагматическую информацию о стиле, в котором оно может быть употреблено» [Беляевская, 1987, с. 42].

На реализацию авторских прагматических интенций влияет также иноязычная графика слов, которая, как известно, «символизирует национально-культурные особенности тех или иных стран и народов, создавая исторический, социальный и национальный колорит, характеризуя этим место, время и участников действия» [Чепурных, 1986, с. 130]. В свою очередь С.Г. Николаев акцентирует внимание на том, что материальная оболочка иноязычной лексемы графически резко контрастирует с остальной частью текста, привлекая этим повышенное внимание адресата. При восприятии сообщения, которое содержит иноязычные элементы, функционирующие в графическом образе языка-донора, у адресата возникают дополнительные ассоциации [Николаев, 2006, с. 58].

Подводя итоги, можно заключить, что иноязычия обладают прагматической заданностью. Иноязычная графика, прагматическая направленность иноязычий определяет широкий диапазон их функциональных особенностей. Иноязычные элементы формируют прагматический потенциал текста, раскрывая в эксплицитной или имплицитной форме индивидуальные особенности участников коммуникативной ситуации, отражая некоторые пространственно-временные характеристики текста, информируя о его стиле. В руках писателя иноязычия становятся мощным средством, умелое использование которого способно наполнить произведение выразительностью и экспрессивностью, чего порой нельзя достичь лексическими единицами данного языка.

1.4. Иноязычие в тексте как фактор художественной значимости

Художественный мультилингвизм как стилистический приём имеет длительную традицию. К одним из ранних наиболее известных примеров можно отнести древние шумеро-аккадские тексты. В первые столетия второго тысячелетия до н.э. аккадский язык потеснил в разговорно-бытовой сфере шумерский, который

всё же оставался языком шумерской культуры. На этом языке, как и прежде, создавались литературные произведения, переводимые затем на аккадский. Возникали своеобразные шумеро-аккадские тексты, где «шумерская часть сохранялась параллельно с аккадским подстрочником, образуя единое двуязычное» пространство [Николаев, 2006, с. 559].

Принципом смешения греческого и латинского языков в пределах одного стихотворного текста, как отмечает Л.В. Чернец, руководствовался римский поэт Авсоний [Чернец, 2004, с. 6]. В XV в. опыт Авсония переняли итальянцы, создавая стихи, содержащие наряду с латинскими элементами разговорного итальянского языка. Таким образом авторы высмеивали педантичную скучную латынь. Подобные произведения было принято называть «макароническими» [Schmeling, Schmitz-Emans, 2002, S. 16].

Термин «макаронический» восходит к эпосу «Makaronea» (1490), принадлежащему Тифи дельи Одази из Падуи. Однако наиболее значимым макароническим произведением принято считать «Baldus» Теофило Фоленго. Грамматическую и синтаксическую основу этого текста автор позаимствовал из латинского; лексика же была представлена простонародными диалектными элементами. Традиции макаронистов продолжил Мольер, привнесший драматизм в комическое содержание [Там же].

Необходимо отметить, что функции иноязычных компонентов варьировались от текста к тексту в зависимости от того, какие цели преследовал автор в отдельном случае. Уже в Раннее Средневековье в Германии каждый конкретный язык выполнял в художественном тексте определенное задание. На итальянском герои произведений пели, на латинском вели светские беседы. Для пустой болтовни существовал французский. Влюблённые ворковали на испанском. Языком грубиянов был признан английский [Там же].

1.4.1. Иноязычие в литературе на русском языке

В России элементы художественного мультилингвизма можно обнаружить в памятниках ранней славянской письменности, датируемых X – XI веками. Известно, что создателями первых на Руси текстов были церковнослужители, поэтому выбор темы в их произведениях ограничивался преимущественно церковной тематикой. Одним из ранних немногочисленных письменных памятников, содержащим иноязычия, можно обозначить славянский перевод «Хроник» Иоанна Малалы (XII в.) [Чернышева, 1983, с. 223]. И хотя это переводное с греческого произведение, В.М. Истрин отмечал, что «перелагатель» творчески подошёл к своей работе, переводя «не буквально, не слово за словом, как делали большинство славянских переводчиков, но своими словами, в пересказе, сохраняя, однако, верность смысла, по крайней мере – в большинстве случаев» [Истрин, 1994, с. 286]. Как свидетельствует М.И. Чернышёва, русскоязычный вариант «Хроники» Иоанна Малалы содержит иноязычия преимущественно латинского и македонского происхождения, основное назначение которых заключается в акцентировании внимания на отдельных словах – названиях, прозвищах, обращениях [Чернышева, 1983, с. 223].

Со стилистическим приёмом привлечения иноязычий в текст были знакомы и русские паломники-мультилингвы XII вв., совершавшие странствия на Святую землю. Трудности, с которыми сталкивались пилигримы, бытовые пейзажи иных народов воспроизводились в «Хождениях», являвшихся одним из доминирующих жанров тех времён. Неудивительно, что эти произведения содержали многочисленные иноязычия, которые стали жанрово-стилевой особенностью такой литературы. «Иные речения», представленные грецизмами и тюркизмами, для характеристики «иных языцев», указывает В. Сайнбаяр, встречаются в творчестве игумена Даниила (XII в.). Они отражали особенности религиозной жизни и повседневного быта христианского Востока [Сайнбаяр, 2007, с. 12].

В XV в. в силу слабеющего влияния Византийской империи на мировом пространстве, всё чаще целью русских паломничеств становится Западная Европа, что обусловило появление в «путевых записях» западноевропейских иноязычий. Первые изменения, свидетельствующие о начале этого процесса, наблюдаются в «Хождениях» инока Зосимы (XV в.) [Там же].

Вплоть до начала XVII в. русская литература всецело подчинена церкви. Ситуация в корне меняется с приходом к власти Петра I, который не только проводит реформы, затрагивающие культурную, промышленную, социальную, военную, научную сферы, но и предопределяет развитие русской литературы. Постепенно отдаляясь от церкви, русская литература начинает приобретать светский характер. Русский язык испытывает мощное западноевропейское влияние, отразившееся, в том числе в эпистолярном наследии Петра I. В его неофициальных письмах встречается «„недостойный Petrus’’, Piter (в формулах прощания) и Sir как приветствие в письмах официального характера» [Григорьева, 2009, с. 136]. В текстах этой эпохи с церковно-славянскими лексемами сосуществуют новомодные иностранные, придавая произведению неестественность, вычурность и тяжеловесность. Завоевавшая в начале XVIII века популярность «Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли» наряду со славянизмами («*како*», «*зайде*») содержит многочисленные европеизмы («*фамилия*», «*кавалер*»):

- «Молю тя, мой государь, ваша *фамилия* како, сюда зайде из котораго государства, понеже я у них разбойников до сего часу вас не видала, и вижу вас, что не их команды, но признаю вас быть некотораго *кавалера*» [Цит. по: Винокур, 1997, с. 197].

С середины и до конца XVIII в., как свидетельствует Ю.С. Сорокин, в русской литературе господствует пуризм, т. е. «явно преобладает осторожность в прямом заимствовании иностранных слов», так как «неустойчивость самой системы литературного языка постоянно вызывала стремление предохранить русский язык от» иноязычий [Сорокин, 1965, с. 45].

Единичные иноязычные элементы, преследующие цель украсить речь, наделить её изысканностью, выразительностью и высокопарностью появляются в России только в конце XVIII в. в произведениях Д.И. Фонвизина и Н.М. Карамзина [Листрова-Правда, 2001, с. 122].

Распространившееся влияние французской культуры на русскую в начале XIX века обозначило следующий этап широкого распространения художественного мультилингвизма в отечественной литературе. Французский становится языком великосветского общества, социальным знаком, свидетельствующим о «причастности к некоторой закрытой для профанов корпорации» [Лотман, 1983, с. 202].

А.С. Пушкин активно вводит галлицизмы в определённый контекст, разработав принципы их отбора и использования. «Стремясь выработать в своих произведениях нормы простой и выразительной разговорной речи», он ориентируется «на отточенные формы французского языка, не подражая им, но сплавливая лучшие черты французской традиции с богатейшим фондом русской народной речи» [Колосова, 2003, с. 71].

В целом ряде произведений А.С. Пушкина присутствуют не только многочисленные французские, но также латинские и итальянские компоненты: «*ergo*»¹, «*errata*»², «*in folio*»³, «*a parte*»⁴, «*con amore*»⁵, «*bis*»⁶, и др. [Васильев, Савина, 2000, с. 99].

Англицизмы, как указывает О.Г. Сидорова, А.С. Пушкин приводит в большинстве случаев в публицистике и письмах. В художественных текстах они встречаются довольно редко, хотя англицизмы чрезвычайно выразительны и их подбор не случаен. Выполняя художественную задачу, английские лексемы определяют устойчивые представления и стереотипы об Англии. Набор таких иноязы-

¹ лат. итак, следовательно

² лат. ошибки

³ лат. во весь лист

⁴ итал. отдельно

⁵ итал. с любовью

⁶ итал. ещё раз

чий ограничен и включает следующие слова: «*gentleman*»¹, «*comfort*»², «*speech*»³, «*spleen*»⁴, «*vulgar*»⁵, «*blue stocking*»⁶ и др. [Сидорова, 1999, с. 73].

Однако большинство иноязычий на рубеже XVIII – XIX веков вводятся в текст для отрицательной характеристики персонажей [Листрова-Правда, 2001, с. 122]. Смешение французского с русским (по определению А.С. Грибоедов – «смесь французского с нижегородским») образует новое явление – «дамский» язык. Б.А. Успенский характеризует речь светских дам этого периода как «по преимуществу макароническую» [Успенский, 1985, с. 57].

В начале XIX в. писатели и поэты продолжают широкое применение иноязычий, высмеивая неправильное употребление французских слов и искажение русских. И.П. Мятлев, считающийся самым выдающимся представителем макаронического направления в русской литературе, посвящает целую поэму «дамскому» языку «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, *дан л'этранже*⁷» (1840), где он шаржирует тамбовскую барыню, посетившую Париж:

- «Не диковинка, *нететер*⁸,
Так сказать, *се компрометер*⁹.
Ну, приступим: *вуаси*¹⁰
Знатный барин *де Рюсси*¹¹.
Он в плаще, в очках, в фуражке;
Не узнаешь по замашке,
Кто такой. Но вот *малер*¹²...» [Мятлев, 1969, с. 186].

¹ англ. господин

² англ. утешение, успокоение

³ англ. речь

⁴ англ. хандра, уныние

⁵ англ. грубый, пошлый

⁶ англ. синий чулок

⁷ от франц. *dans l'étrange* – в странной

⁸ от франц. *peut-etre* – может быть

⁹ от франц. *se compromettre* – скомпрометировать себя

¹⁰ от франц. *voici* – вот

¹¹ от франц. *de Russie* – из России

¹² от франц. *malheur* – беда

Примеры макаронического совмещения языков можно обнаружить в творчестве М.Ю. Лермонтова, в частности в стихотворении, адресованном А.А. Углицкой (1941) [Чернец, 2004, с. 6]:

- «*Ma chere Alexandrine,*
Простите, *je vous prie,*
За мой армейский чин
Все, что *je vous écris;*
Меж тем, *je vous assure,*
Ich wunsche счастья вам,
Surtout beaucoup d'amour,
Quand vous serez Мадам¹» [Лермонтов, 1954, с. 187].

Традицию сатирического пародирования светского жаргона, как пишет И.Б. Голуб, продолжают другие сатирики [Голуб, 2001, с. 107]. У Н.В. Гоголя в «Мёртвых душах» (1842):

- «Юбка вся собирается вокруг, как бывало в старину фижмы, даже сзади немножко подкладывают ваты, чтобы была совершенная *бельфам*²» [Гоголь, 1964, с. 460];
- «Словом, *скандальёзу*³ наделал ужасного, вся деревня сбежалась, ребенки плачут: все кричит, никто не понимает, ну просто *оррёр, оррёр, оррёр*⁴!» [Там же].

Помимо создания комического эффекта, русские писатели первой половины XIX в. видят в иноязычной лексике необходимое стилистическое средство для отображения быта, культуры, традиций других народов. М.И. Чернышёва указывает, что «экзотизмы появляются в текстах определенной тематики, а также при

¹франц. и нем.: Моя милая Александрина, простите, я вас прошу, за мой армейский чин все, что я вам пишу. Меж тем, я вас уверяю, я желаю счастья вам, а главное много любви, когда вы будете Мадам (перевод Н.Ф. Бельчикова)

²от франц *belle femme* – прекрасная женщина

³от франц *scandaleuse* – скандальное положение

⁴от франц *horreur* – ужас

описании обрядов, быта, домашней утвари, обычаев, одежды и т. п. того или иного народа, той или иной страны» [Чернышева, 1983, с. 221].

Важно отметить, что для создания восточного колорита в таких произведениях, как «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Евгений Онегин» и др. А.С. Пушкин применяет характерную лексику персидского и арабского происхождения: «*гяур*»¹, «*чубук*»², «*шербет*»³ и т. д. [Мохаммади, 2007, с. 700].

М.Ю. Лермонтов, как пишет Л.В. Чернец, в «турецкой сказке», записанной на Кавказе, «Ашик-Кериб»⁴ обращается к многочисленным иноязычным элементам тюркского происхождения («*маулям*»⁵; «*чапра*»⁶; «*анна*»⁷ и др.). Использование иноязычий в произведении оправдывает себя, поскольку поэма является народным эпосом и без тюркизмов, выполняющих роль коннотаций, звучала бы блёкло и невыразительно [Чернец, 2004, с. 51].

Во второй половине XIX в. функциональный диапазон иноязычий значительно расширился. Между тем тенденция привлечения иноязычий для создания комического эффекта сохраняется. Мадам Бальзамина из пьесы А.Н. Островского «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» (1861) размышляет:

- «Вот что, Миша, есть такие французские слова, очень похожие на русские, я их много знаю; ты бы хоть их заучил когда, на досуге. <...> Вот слушай! Ты все говоришь: „Я гулять пойду!” Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: „Я хочу *проминаж* сделать!” <...> Про кого дурно говорят, это *мораль*. <...> А вот если кто заважничает, очень возмечтает о себе, и вдруг ему форс-то собьют, – это *асаже* называется» [Островский, 1959, с. 347].

¹ от тур. *gaugü* – неверующий, немусульманин

² от тюрк. *subuk* – курительная трубка

³ от перс. شربت – прохладительный напиток

⁴ от тур. *Aşık* – влюбленный, возлюбленный, также певец, музыкант; *Garip* – чужеземец, скиталец, бедняк (перевод Л.В. Чернец)

⁵ от тур. создатель

⁶ от тур. занавес

⁷ от тур. *anne* – мать

Примечательно, что указанные «галлицизмы» на самом деле восходят к русскоязычным лексемам: «*проминаж* образовано от глагола *проминаться*; *мораль* – от глагола *марать*; *асаже* – от глагола *осаживать*» [Чернец, 2008, с. 28].

Одним из примеров полифункционализма иноязычий в художественном тексте служит творчество И.С. Тургенева. Смесь русского с французским в романе «Отцы и дети» (1826) получает сатирическое освещение:

- «...военные танцевали усердно, особенно один из них, который прожил шесть недель в Париже, где он выучился разным залихватским восклицаниям вроде *Zut*¹, *Ah fichtrre*², *Pst, pst, mon bibi*³. Он произносил их в совершенстве, с настоящим парижским шиком, в то же время говорил: *si j'aurais*⁴ вместо *si j'avais*⁵, *absolument*⁶ в смысле „непременно“... – словом, выражался на том великорусском-французском наречии, над которым так смеются французы, когда они не имеют нужды уверять нашу братию, что мы говорим на их языке, как ангелы, *comme des anges*⁷» [Тургенев, 1950, с. 684].

Оппозиционное употребление латинизмов и галлицизмов в указанном тексте, отмечает Д.Л. Спивак, акцентируют внимание на противостоянии двух поколений:

- «Вам все желательно шутить, – ответил Павел Петрович. – Я не отрицаю странности нашего поединка, но я считаю долгом предупредить вас, что я намерен драться серьезно. *A bon entendeur, salut!*⁸ – О, я не сомневаюсь в том, что мы решились истреблять друг друга; но почему же не посмеяться и не соединить *utile dulci*⁹? Так-то: вы мне по-французски, а я вам по-латыни» [Тургенев, 1950, с. 144–145].

¹ франц. зют (перевод С.М. Петрова)

² франц. чёрт возьми! (перевод С.М. Петрова)

³ франц. нет, нет, моя крошка (перевод С.М. Петрова)

⁴ франц. я бы (перевод С.М. Петрова)

⁵ франц. если бы я (перевод С.М. Петрова)

⁶ франц. совершенно (перевод С.М. Петрова)

⁷ франц. как ангелы (перевод С.М. Петрова)

⁸ франц. имеющий уши да слышит! (перевод С.М. Петрова)

⁹ лат. полезное с приятным (перевод С.М. Петрова)

Также, как свидетельствует Ю.О. Квартовкина, И.С. Тургенев, обращается к галлицизмам для эфемистической замены. Варвара Лаврецкая в романе «Дворянское гнездо» (1859) выражает свое мнение о Марье Дмитриевне Калитиной вуалирующим смысл галлицизмом: «*Elle n'a pas inventé la poudre, la bonne dame*»¹ [Квартовкина, 2004, с. 16; Тургенев, 1950, с. 427].

Во второй половине XIX в., отмечает Ю.М. Лотман, французский язык выполняет для русского образованного общества роль языка научной и философской мысли. Подобная тенденция прослеживается в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», который изобилует галлицизмами. Характерно, что речь французов в большинстве случаев приводится на русском языке. Иноязычия вводятся лишь в начальных репликах для определения национальной принадлежности персонажа [Лотман, 2001, с. 65].

По словам Н.А. Колосовой, в указанный период в российском обществе происходит уход от стереотипного употребления французского языка, который, получая культурно-бытовое распространение, больше не отражает сословное превосходство. Знание французского становится обязательной характеристикой образованного человека. В подтверждение этому лингвист приводит роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1863), где автор вплетает в ткань текста французские лексемы в виде вывесок на французском языке, названий книг и т. д., подразумевая, что реципиент знаком с данной лексикой и она не требует авторского перевода [Колосова, 2003, с. 75]:

- «На Невском явилась новая вывеска: „*Au bon travail. Magasin des Nouveautés*”²» [Чернышевский, 2010, с. 290].

В начале XX в. иноязычия становятся особенно актуальными в творчестве авангардистов, заполняя затем тексты дадаистов и футуристов, которые не ограничиваются описательными средствами только русского языка. Литература того периода представляет собой некий комплекс, составленный по модульному прин-

¹франц. она не изобрела пороха, эта милая дама (перевод С.М. Петрова)

²франц. магазин, хорошо исполняющий заказы, магазин модных товаров (перевод Н.А. Колосовой)

ципу из нескольких языков. Особенно это характерно для стихотворений, где иноязычные компоненты заставляют текст звучать на разные мотивы и интонации, образуя красочное явление.

Наиболее масштабно, как отмечают О.В. Тищенко и Н.А. Фатеева, иноязычия представлены в заголовках, эпитафиях и непосредственно в текстах поэтических произведений русских поэтов Серебряного века, в частности И. Северянина и А. Блока [Тищенко, Фатеева, 2005, с. 220].

Одно из своих стихотворений И. Северянин озаглавил «*Berseuse*¹ осенний» (1912), где иноязычное заглавие несколько раз появляется уже в тексте в рифмообразующей позиции:

- «День аლოსиз. Лимонолистный лес
Драприт стволы в туманную тунику.
Я в глушь иду, под осени *berseuse*,
Беру грибы и горькую бруснику.
Поёт душа, под осени *berseuse*,
Надёжно ждёт и сладко-больно верит,
Что он придёт, галантный мой Экссес,
Меня возьмёт и девственно озверит.
Иду, иду под осени *berseuse...*» [Северянин, 2000, с. 184].

У А. Блока в качестве эпитафия к «Итальянским стихам» фигурирует надпись под часами в церкви *Santa Maria Novella* во Флоренции:

- «*Sic finit occulte sic multos decipit aetas*
Sic venit ad finem quidquid in orbe manet
Heu heu praeteritum non est revocabile tempus
*Heu propius tacito mors venit ipsa pede*²» [Блок, 1955, с. 661].

¹франц. колыбельная песня

²итал. Так незаметно многих уничтожают годы, / Так приходит к концу все сущее в мире; / Увы, / Увы, невозвратно минувшее время, / Увы, торопится смерть неслышным шагом (перевод А. Блока)

Октябрьские события 1917 г. вызвали огромный поток беженцев из России. Масштабы вынужденной эмиграции были настолько впечатляющими, что в последствие для данного явления возникло понятие «первая эмигрантская волна». Россию покинул «цвет русской литературы»: И. Бунин, Г. Адамович, В. Иванов, В. Ходасевич, М. Цветаева и многие др. (см. Агеносов, 1998, с. 10–12). В результате этого произошло разделение русской литературы на литературу русского зарубежья и советскую. Очевидными стали отличия в отборе и употреблении иноязычий, что наиболее явно проявилось в стихотворных текстах. Русские поэты-эмигранты, стремясь сохранить русский язык в его первоизданном виде, сдержанно относились к иноязычным элементам, часто выводя их на периферию произведения (иноязычные названия и эпиграфы, послетекстовые топонимы), не включая в основную часть русскоязычного текста (см. Николаев, 2005, с. 509). Причём в заглавии могли фигурировать как европейские языки, так и латынь. Иноязычные названия частотны в сборнике «Флаги» Б.Ю. Поплавского, которому, по словам Л.М. Грановской, принадлежало «самое волнующее живое слово в поэзии конца 20-х годов»: «*Paysage d'enfer*»¹ (1926), «*Diaboloque*»² (1926), «*Dolorosa*»³ (1926 – 1927) [Грановская, 2005, с. 344; Поплавский, URL: http://az.lib.ru/p/poplawskij_b_j/ – 23.02.2016].

В послетекстовых топонимах отразилась обширная география зарубежной литературы. Одним из характерных примеров служит сборник В. Ходасевича «Европейская ночь» (1922 – 1927 гг.), содержащий топонимы, расположенные в финальной части стихотворений: «*Saarow*»⁴, «*Chaville*»⁵, «*Causway*»⁶ [Ходасевич, URL: http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/ – 23.02.2016].

В России послереволюционного периода, который известен как период борьбы с низкопоклонством перед Западом, количество иноязычий в художественных произведениях резко сокращается. Часто советские писатели пародируют

¹франц. дорога в ад

²франц. дьявольский

³лат. скорбный

⁴нем. городок в восточной части Германии

⁵франц. пригород Парижа

⁶ирлан. населенный пункт в Ирландии

употребление иноязычных слов, затрудняющих понимание, что наблюдается, в частности, в стихотворении В.В. Маяковского «О фиасках, апогеях и других неведомых вещах» (1923) [Голуб, 2001, с. 116]:

- «Прочли:
– Пуанкаре терпит „*фиаско*”.–
Задумались.
Что это за „*фиаска*” за такая?
Из-за этой „*фиаски*”
грамотей Ванюха
чуть не разодрался!
– Слушай, Петь,
с „*фиаской*” остро держи ухо...» [Маяковский, 2012, с. 202].

Другим показательным примером служит речь Фили из произведения М.А. Булгакова «Театральный роман», наполненная макароническими вставками:

- «– Филя, вы меня совсем забыли, гадкий! – тихо восклицала дама.
– *Нон, мадам, энпоссибль!*¹ – рявкал Филя. – *мэле заффер тужур!*²» [Булгаков, 1991, с. 128].

Ситуация меняется после Великой Отечественной войны, когда возрастает интерес к немецким иноязычиям, реализующим в тексте широкий диапазон задач. Преимущественно немецкая лексика была связана с военной сферой и административной деятельностью захватчиков на оккупированных ими территориях:

- «Эта районная сельскохозяйственная комендатура подчинялась еще более многолюдной окружной сельскохозяйственной комендатуре во главе с *зондерфюрером*³ Глюккером <...>, а эта комендатура, в свою очередь,

¹от франц. non impossible – нет, это невозможно

²от франц. mais les affaires toujours – но всё дела

³от нем. Sonderführer – исполняющие обязанности офицеров лица, обладающие профессиональными знаниями в несвязанных напрямую с армией сферах деятельности (перевод автора – М.К.)

подчинялась *ландвиртшафтсгруппе*¹, или, сокращенно, *группе „ля”* Но и эта группа была только отделом *виртшафтскомандо 9*², или сокращенно „*викдо 9*”» [Фадеев, 1946, с. 50].

Большинство таких иноязычий, отмечает А. Фесенко, «явились чистыми варваризмами, механически пересаженными в русскую речь, изредка с приданием им русской морфологии» [Фесенко, 1955, с. 132].

Вторая мировая волна обусловила новый приток в Европу и США русских эмигрантов, среди которых было немало литературных деятелей (И. Елагин, О. Анстей, Д. Кленовский, В. Синкевич, Б. Ширяев и др.) (см. Агеносов, 1997, с. 383–385). И у каждого складывалось своё отношение к иноязычиям. Одни, оставаясь в эмиграции хранителями русского языка, практически полностью отказывались от использования таких элементов в художественной речи. В. Синкевич даже в текстах на заграничную тематику прибегала исключительно к средствам русского языка. Схожая позиция характерна для И. Елагина и Б. Ширяева. Им можно противопоставить творчество Д. Кленовского. Иноязычные вкрапления используются у него в названиях («*Aufforderung zum Glück*»³; «*Jalousie*»⁴), и непосредственно в корпусе стихотворного текста:

- «Я встречу вас?

В *cafe Regence*⁵, на *rio di Foscari*⁶,

На *rue Gounod*⁷?

В *bois de Boulogne*⁸, в уютном *sleeping car'e*¹» [Кленовский, URL: <http://libatriam.net/read/413410/0/> – 23.02.2016].

¹от нем. Landwirtschaftsgruppe – небольшой отдел, находящийся в подчинении Wirtschaftskommando (перевод автора – М.К.)

²от нем. Wirtschaftskommando – нацистская организация, ответственная за преобразования и внедрение новой экономической политики на оккупированной территории (перевод автора – М.К.)

³нем. призыв к счастью

⁴франц. ревность

⁵франц. кафе в Париже

⁶итал. Рио-ди-Фоскари – канал в Венеции

⁷франц. улица в Ницце

⁸франц. Булонский лес – парк в Париже

В некоторых случаях для соблюдения рифмы иноязычия дополняются русскими конечными флексиями:

- «Вы в *hall'e*² моего отеля
Сегодня были в пять часов» [Там же].

Годы «оттепели» предоставили советским гражданам возможность соприкоснуться с Западом. В литературе того времени «проявляется, казалось бы, забытый пласт дореволюционной культуры» [Колосова, 2003, с. 78]. Так, В.П. Катаев в «Святом колодце», повествуя о своей московской молодости, пишет:

- «У нас это называлось: „Поедем *экютэ ле богемьен*³”» [Катаев, 1969, с. 24].

Именно в этот период началось становление творчества писателей, сформировавших костяк третьей эмигрантской волны. Первоначально никто из них не планировал покидать пределы Советской России. Однако отсутствие коренных реформ в политической и социальной сферах, а также начавшееся с 1963 г. свёртывание прав и свобод, повлекшее жёсткую цензуру, побудило многих писателей к поиску иных путей к читателю – публикации в западных журналах. Это стало причиной гонений, арестов и в результате – вынужденной эмиграции А. Синявского, А. Солженицына, В. Аксёнова, С. Довлатова, и др. (см. Агеносов, 1998, с. 474–477).

За рубежом большое влияние на умы «шестидесятников» оказала новая культура, отражаясь в художественной литературе в виде многочисленных иноязычий, номинирующих понятия, чуждые для прежней советской жизни. Некоторые писатели, например – С. Довлатов, отдавали предпочтение варваризмам («*велфер*»⁴, «*фудстемп*»⁵, «*мани-ордер*»¹) (см. Пелих, 2007, 2007а). Тождествен-

¹англ. вагон-купе

²франц. холл

³от франц. *écouter le bohemian* – слушать цыган (перевод В.П. Катаева)

⁴от англ. *welfare* – благосостояние

⁵от англ. *food stamp* – продовольственный талон (дающий право на получение продовольствия бесплатно или по льготным ценам, в рамках государственной программы предоставления продовольственных талонов)

ным образом вводили в текст иноязычия Д. Рубина («*талит*»², «*милуим*»³) и Э. Лимонов («*басбой*»⁴, «*шузы*»⁵, «*китчен*»⁶) (см. Руженцева, 2014). У А. Жолковского преобладали иноязычия в графике языка-источника – «*organic*»⁷, «*long-term relationship*»⁸ (см. Пелих, 2007).

Для передачи национального колорита писатели активно пользовались калькированием:

- «Рано сделав академическую карьеру, он был уже „полным” профессором⁹ киноведения в Стэнфорде» [Жолковский, 2006, с. 82].

Иногда иноязычие становилось компонентом языковой игры:

- «Исчезновение двух бизнесменов сопровождалось фельетонами в русской прессе. <...> Один из фельетонов назывался: „*Крайм*¹⁰ родной, навек любимый! ”» [Довлатов, 1991, с. 136].

Однако наиболее масштабно и ярко все эти явления представлены в творчестве В. Аксёнова. Множество иноязычий в разных их формах проявления наполняют текст экспрессией, сарказмом, раздувая изображаемую реальность до гротескных величин.

Общеизвестно, что в советский период большинство национальных писателей были мультилингвами. Они в равной степени свободно владели родным и русским языками, что давало им возможность создавать свои произведения на языках предков, переводя их затем на русский. В списке таких писателей Василь Быков, Рустем Кутуй, Юрий Рытхэу, Чингиз Айтматов и другие. Безусловно, одно из главных направлений в их творчестве – описание культуры, быта родного народа, которое трудно преподнести читателю во всей полноте и красочности без

¹от англ. money order – денежный перевод

²от иврит. длинное полотенце с отверстием для головы посередине

³от иврит. краткосрочная служба резервистов

⁴от англ. busboy – помощник официанта

⁵от англ. shoos – туфли

⁶от англ. kitchen – кухня

⁷англ. экологически чистый

⁸англ. долгосрочные отношения

⁹от англ. full professor – профессор, имеющий докторскую степень

¹⁰от англ. crime – преступление

экзотизмов. Повествуя о культуре, традициях, обычаях и сказаниях киргизского народа, Чингиз Айтматов вводил тюркизмы в текст русской прозы:

- «На дворе расположились, у *арыка*¹, под яблоней» [Айтматов, 1989, с. 105];
- «Все теперь видели, какой у него умелый *агай* – старший брат <...>» [Там же, с 107].

Следующий этап применения иноязычий ознаменовался началом перестройки, когда в Россию хлынул поток англицизмов, что отражено в поэтических и прозаических текстах современных авторов. В частности, для романа В. Пелевина «*Empire V*»², как свидетельствует И.В. Кабанова, характерно большое число иноязычий английского происхождения, номинирующих новые социальные явления [Кабанова, 2007, с. 47]. Определяющая задача таких лексем заключается в воспроизведении «духа времени»:

- «Мы с матерью занимали небольшую двухкомнатную квартирку вроде тех, что в закатных странах называют „*one bedroom*»³. В этой самой *bedroom*⁴ я и вырос» [Пелевин, 2006, с. 9];
- «<...> современное рабочее место в офисе – *cubicle*⁵ – даже внешне не похоже на стойло...» [Там же].

Можно заключить, что художественный мультилингвизм существуют в литературе на русском языке с момента появления письменности и до настоящего времени. Его компоненты используются как выразительное художественное средство для достижения различных целей. Как правило, применение иноязычий непосредственным образом зависит от культурных, религиозных контактов России с другими странами и народами, от ситуации, политической и экономической. Необходимо отметить, что к первичным функциям иноязычий постепенно присое-

¹ от кирг. арык – канава

²англ. империя 5 (перевод В. Пелевина)

³англ. двухкомнатная квартира, где одна из комнат – спальня, а вторая гостиная

⁴англ. спальня

⁵англ. кабинка для индивидуальной работы

двинулись новые, которые не противоречили прежним, часто сочетаясь друг с другом или образуя сложные наслоения.

ВЫВОДЫ

Как одна из разновидностей мультилингвизма, художественный мультилингвизм имеет несколько признаков, которые позволяют выявить индивидуальные особенности в языке и стиле писателя-мультилингва, противопоставляя его язык языку писателей, творящих на родном языке. Художественный мультилингвизм представлен в культурном наследии многих классических и современных литературных деятелей. Одним из характерных примеров можно считать язык Б. Хазанова.

Иноязычия как компоненты художественного мультилингвизма становились объектом исследования многих отечественных и зарубежных лингвистов. Однако первые попытки их системного описания приходятся на вторую половину XX века. Проведённый анализ лингвистических работ, направленных на изучение различных аспектов иноязычий, выявил существующее множество подходов при трактовке этого лингвистического явления. Так, наряду с термином «заимствование», продуктивно используются термины «иноязычное вкрапление», «варваризм», «экзотизм». И у разных лингвистов смысловое наполнение этих терминов варьируется. Принимая во внимание, что подобное разночтение затрудняет использование этих терминов, в данной работе была предпринята попытка их более чёткой дифференциации. Помимо этого, для дальнейшего анализа иноязычного материала используется понятие «иноязычие», которое рассматривается в широком смысле и включает иноязычные языковые элементы с различной степенью ассимилированности в современном русском языке: от иноязычных единиц в русской и исконной графике, интернациональных терминов, иноязычных историзмов до калек, поскольку в русском контексте они являются иносистемными элементами.

Отдельную сферу исследования представляет прагматический анализ компонентов художественного мультилингвизма, поскольку в результате такого анализа станет возможным выявить степень и образ воздействия иноязычий на адре-

сата, изучить индивидуальные особенности автора произведения, преследуемые им цели и задачи при включении иноязычий в текст.

В русской литературе практика применения иноязычных единиц появилась с момента зарождения письменности. Причём периоды значительного увеличения числа иноязычий в художественных текстах сменялись их резким уменьшением. И если до начала XVII в. иноязычия были жанрово-стилевой особенностью «Хождений», то ситуация в корне меняется с приходом к власти Петра I, когда литераторами создаются тексты, насыщенные иноязычными единицами.

Следующий всплеск иноязычий в отечественной литературе как результат распространившегося влияния французской культуры приходится на начало XIX века. В начале XX в. иноязычия становятся особенно актуальными для поэтической речи. Резкое сокращение иноязычий в текстах в послереволюционное время обусловлено идейно-политическими причинами. Ситуация несколько меняется после Великой Отечественной войны, когда возникает потребность в немецких иноязычиях. Однако в общей тенденции европеизмы сменяются на иноязычия из республик СССР (украизмы, тюркизмы). Период активного обращения к иноязычиям приходится на начало перестройки, что зафиксировано в поэтических и прозаических текстах авторов.

Иные традиции отбора и употребления иноязычий сложились в литературе русского зарубежья. В ограниченном использовании иноязычных единиц прослеживается попытка писателей первой и второй волн оградить русский язык от иноязычной экспансии, сохранить потомкам исконную русскую речь. Через художественную литературу они стремились подчеркнуть своё происхождение, «русскость». Ситуация полностью меняется с появлением нового поколения писателей – писателей-эмигрантов третьей волны. Неприятие советской власти и советского строя побудило их к скорейшей интеграции в новую языковую среду, что проявилось в языке художественной литературы в виде многочисленных иноязычных вкраплений и варваризмов.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНОЯЗЫЧИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ МУЛЬТИЛИНГВИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ Б. ХАЗАНОВА

2.1. Функции иноязычия как средства выражения художественного замысла

Одним из отличительных свойств, присущее иноязычным единицам, представляется восприятие говорящими их «чужеродности», которая особенно отчётливо проявляется в контексте на фоне русскоязычного окружения. Иноязычный облик, нехарактерный для русского языка звуковой комплекс, порой скрытая для русскоязычного индивида семантика придают иноязычным элементам особую окраску, способствующую реализации потенциала иноязычной лексики и связанную с выполнением в русском языке определённых стилистических функций.

Безусловно, любое слово выполняет некую задачу в тексте, и иноязычные единицы не являются исключением. Исследователи определяют функцию слова как его актуализацию, как «цель и характер воспроизведения в речи данной языковой единицы» [Ахманова, 1966, с. 506]. Стилистическую функцию, в свою очередь, можно обозначить как задание, которое реализует то или иное языковое средство при передаче экспрессивной, оценочной, эмоциональной информации [Арнольд, 2002, с. 81]. Данное определение вполне уместно и по отношению к иноязычным элементам, функционирующим в русскоязычном тексте.

Изучение функциональных особенностей иноязычий в русском тексте представляет собой сферу исследования, к которой проявляется повышенный интерес. В частности, функциональным принципом руководствовалась Е.А. Земская, исследуя американизмы в речи иммигрантов, живущих в США [Земская, 2001, с. 184–196].

В последние два десятилетия данная тема особенно актуальна и привлекает пристальное внимание лингвистов, о чём свидетельствуют многочисленные на-

учные труды, раскрывающие стилистические функции иноязычных элементов в разные исторические эпохи, в различных функциональных стилях (Е.А. Валькова [2000], А.И. Дьяков [2001], В.Р. Богословская [2003], М.Б. Ясинская [2004], Э.А. Китатина [2005], Б.Ю. Ушаков [2009] и др.).

Немало работ посвящено анализу функциональных особенностей иноязычных единиц в художественном тексте (Ю.Т. Листрова-Правда [1979], Н.Л. Васильев, Е.В. Савина [2000], Н.С. Болотнова [2001], Н.В. Колесова [2005], С.Г. Николаев [2006], К.В. Западная [2010] и др.). Традиционно среди стилистических функций иноязычий языковеды выделяют:

- номинативную функцию;
- функцию характеристики персонажа;
- эмоционально-оценочную функцию;
- функцию языковой игры;
- эвфемистическую функцию;
- функцию авторского самовыражения.

Реализуя номинативную функцию, иноязычные элементы номинируют денотаты, отсутствующие в русской культуре. Как правило, это экзотизмы, которые в словесной форме отражают самобытность национальной культуры. Вещественное значение слова в этом случае «отступает на задний план, а коммуникативно релевантными становятся инонациональные коннотации, связанные не столько со значением, сколько с материально языковым обликом и звучанием слова» [Азнаурова, 1973, с. 379]. Отказ от использования экзотизмов не приведет к информативной скудности текста, однако образ инокультурной действительности будет лишён неповторимости. Экзотизмы способны в полной мере отразить национальный быт, воссоздать национальный пейзаж, передать особенности национального характера.

Вместе с тем отличительной чертой иноязычий этой группы является национальный или исторический колорит, поскольку между экзотизмом и обозначаемым денотатом существует тесная связь «с народом (страной), племенем с од-

ной стороны, и историческим отрезком времени, с другой» [Влахов, Флорин, 1980, с. 30]. Из этого следует, что номинативная функция иноязычных единиц сопоставима с функциями создания «местного колорита» и «временного колорита». Таким образом, принимая во внимание этот факт, в данной работе вместо номинативной рассматриваются **1. функция создания «местного колорита» и 2. функция создания «временного колорита».**

3. Функция характеристики персонажа. Как известно, иноязычные единицы способны подчеркнуть самобытность персонажа, акцентировать внимание на некоторых важных, с точки зрения автора, его особенностях. Внутри данной функции стоит выделить **функцию речевой индивидуализации.** Выполняя такую функцию, иноязычные элементы вводятся непосредственно в речь персонажа, передавая его индивидуальные особенности в словоупотреблении. Подобный приём используется писателями для индивидуализации образа, наделению его некими чертами характера, которые несвойственны другим героям произведения. В некоторых случаях иноязычные элементы в речи персонажа служат средством их социальной характеристики. Иноязычие может свидетельствовать о происхождении героя, характеризовать его как деревенского или городского жителя. Немецкие исследователи М. Шмелинг и М. Шмиц-Еманс полагают, что, если герой романа говорит на латыни,— это определяет его как учёного. Использование действующим лицом французского языка позиционирует его как представителя буржуазного общества. Никакое другое стилистическое средство не является таким эффективным при характеристике иностранца, как употребление им иноязычных элементов [Schmeling, Schmitz-Emans, 2002, с. 16].

4. Функция языковой игры. Иноязычные элементы в функции языковой игры становятся способом выражения индивидуального стиля автора, который через различные приёмы реализует свою речевую раскованность. Кроме того, вводя в текст иноязычие, «автор рассчитывает на определенную эстетическую компенсацию: читатель должен включиться в игру и по достоинству оценить прием» [Норман, 2006, с. 124].

7. Эмоционально-оценочная функция. Одной из значимых составляющих процесса коммуникации является выражение отношения адресанта к предмету сообщения или адресату речи. Наличие эмоционально-оценочного компонента в семантике некоторых иноязычий обуславливает их употребление для выражения оценки предмета речи.

8. Эвфемистическая функция иноязычий продиктована потребностью в вуалирующих заменах обычно в области анатомии, физиологии, медицины [Крысин, 2004, с. 188]. Как известно, внутренняя форма у иноязычных слов малоинформативна для человека, не владеющего иностранным языком, поэтому иноязычиями успешно заменяют «нежелательные лексемы».

9. Иноязычия как элементы индивидуальной картины мира писателя. Функция авторского самовыражения связана с индивидуальной языковой картиной мира писателя, поскольку, «создавая художественный текст, писатель моделирует индивидуальную картину мира и одновременно самовыражается как языковая личность» [Матвеева, 2009, с. 3]. Самовыражение проявляется в способе, которому писатель отдаёт предпочтение, описывая мир. Используя иноязычные элементы в художественном тексте, писатель эксплицирует субъективную оценку событий, героев произведения, чтобы вызвать у реципиента соответствующие авторскому замыслу эмоции. А непосредственно иноязычия, являющиеся наряду с другими языковыми средствами структурными элементами языковой картины мира писателя, отражают особенности в индивидуальном мировосприятии. В данной работе предлагается анализ иноязычий как элементов индивидуальной картины мира писателя, поскольку это позволит сформировать представление о личности писателя, его ценностях, интересах, вкусах и предпочтениях.

10. Прогностическая функция. Необходимо отметить, что при анализе иноязычий была выявлена ещё одна функция – **прогностическая** или функция предсказания, на которой другие исследователи ранее не акцентировали внимание. Данная функция, однако, упоминается в работах В.В. Варченко и Т.А.Смирновой, исследующих функциональные особенности интертекстуальных единиц (см. Смирнова, 2005, с. 91; Варченко, 2007, с. 67). Прогностическая функ-

ция, как правило, реализуется иноязычиями в сильной позиции текста (заглавии и эпиграфе), отражая в сжатой форме главную идею, художественный замысел, представляя собой авторскую интерпретацию всего произведения.

2.1.1. Функция создания национального колорита (предметно-тематическая классификация)

Понятие «колорит» включает в себя «отпечаток чего-либо, совокупность особенностей (эпохи и местности)» [Крысин, 2000, с. 488]. С лингвистической точки зрения, как отмечает О.С. Ахманова, колорит – это «особое свойство литературного произведения, речевой характеристики персонажа, обуславливаемое наличием в них слов и выражений, заимствуемых из определённой диалектной среды или какой-либо эпохи, отражающие специфические черты какого-либо языка, реалий какой-либо страны, местности и т. д.» [Ахманова, 1966, с. 200]. Однако такое определение представляется общим и в большей степени является характеристикой не отдельных языковых единиц, а текста в целом. В проекции на иноязычные лексемы, функционирующие в русском контексте, как кажется, более уместна трактовка данного лингвистического явления, предложенная Г.Д. Томахиным, который понимает под колоритом окрашенность слова, приобретаемую благодаря принадлежности его денотата к данному народу, определённой стране или местности, конкретной исторической эпохе [Томахин, 1988, с. 21].

Для достоверного описания инороссийской действительности, быта чужеземных народов авторы прибегают к иноязычиям, которые точно и лаконично отражают местный колорит, своеобразие и самобытность другой страны, мельчайшие житейские подробности, воссоздавая в совокупности многомерный образ иностранной культуры. Помимо этого, они несут информацию о том, что действие происходит вне России, за ее пределами.

В большинстве произведений Б. Хазанова реальность переплетается с ирреальностью, мифическое с обыденным, стираются пространственные и временные

границы. Наиболее точную оценку своему творчеству даёт сам автор. Он пишет, что «проза есть царство разума, но его размывают волны музыки, как ночь размывает день», поэтому «чистота и логическая упорядоченность прозы смешались в писаниях с фантастикой, с хаосом, с искривлёнными зеркалами, с безответственным отношением к времени <...> и сомнением в разумном мироустройстве» [Хазанов, 2009а, с. 8]. Особенно интенсивно это проявляется в рассказе «Костёр»:

- «Нюра стоит в летнем платье <...> у входа в *Hofgarten*. По-русски – Придворный сад, говорю я; а это, – и показываю на тяжёлый портал с гербами <...>, а это *Teatinerkirche*¹, был такой монашеский орден театинцев, холодная, помпезная церковь с гробницами курфюрстов и королей» [Хазанов, 2013, с. 25].

Немецкая действительность здесь смешалась с русской, образуя сложный лабиринт, для полноценной ориентации в котором читатель получает немецкие номинации (*Hofgarten*, *Teatinerkirche*), выполняющие функцию, так сказать, «пограничных» меток.

Традиционно для дифференциации экзотизмов или иноязычных реалий в современной лексикологии используется тематическая (предметная) классификация [Зеленин, 2007, с. 445–452; Томахин, 1988, с. 45]. В данной работе за основу с некоторыми изменениями была принята типологизация С. Влахова и С. Флорина [Влахов, Флорин, 1980, с. 51–56].

Отобранный в ходе исследования языковой материал позволил выделить две большие группы: 1) онимы (урбанонимы, эргонимы, антропонимы, агнионимы) и 2) апеллятивы, т. е. те лексические единицы, которые отражают особенности повседневного быта.

Урбанонимы (названия внутригородских объектов). Несомненный интерес представляют названия внутригородских объектов, основное назначение которых заключается в создании экзотической атмосферы. Среди единиц данной группы большую часть образуют годонимы (названия улиц) и агоронимы (назва-

¹ нем. церковь театинского ордена

ния площадей). Как правило, это мемориальные урбанонимы – названия в честь какого-либо знаменитого человека, которые автор приводит в кириллической графике без существенных изменений, поскольку они обладают достаточно прозрачной семантикой и при восприятии читателем не должны вызвать значительных трудностей:

- «Длинными извилистыми переходами под землёй предбункер соединён с катакомбами под имперской канцелярией, вдоль всего помпезного фасада, по ходу *Фосс-штрассе*¹ до пересечения с *Герман-Геринг-штрассе*²» [Хазанов, 2010, с. 233];
- «Где-то близко должна была находиться станция Штеттинский вокзал, там можно выйти на *Фридрихштрассе*³, по другую сторону фронта, за спиной у всё ещё не сдающихся отрядов» [Там же, с. 242].

По-иному дело обстоит с иноязычными вкраплениями, значение которых скрыто для русскоязычного читателя. Считая необходимым донести основной смысл таких иноязычий, автор сопровождает их русским переводом:

- «<...> со смешным названием *Bateau-Lavoir*⁴, что можно перевести как Корабль-умывальник или Мостки для полоскания белья» [Хазанов, 2009а, с. 36];
- «Итак, я поселился „на Холме“, *à la Butte*, как здесь говорят» [Там же, с. 35].

С этой же целью автор обращается к калькированию для передачи экклезионимов (названий храмов, церквей), номинаций мостов:

- «„Я сам не знаю, кто я“, – добавил он и, взбираясь по крутым улочкам Монмартра к церкви *Святого Сердца*¹» [Хазанов, 2009, с. 217];

¹от нем. Vosstraße – улица в центре Берлина

²от нем. Hermann-Göringstraße – старое название Eberstraße – одной из центральных улиц Берлина

³от нем. Friedrichstraße – улица, расположенная в центральной части Берлина

⁴франц. корабль-прачечная, плавучая прачечная – общежитие на Монмартре, где жили многие всемирно-известные французские художники

- «По набережным Левого берега, по шкафам, лоткам и стендам букинистов – кто только не рылся в них, – по *Мосту искусств*² и *Новому мосту*³, который на самом деле самый старый <...>» [Хазанов, 2009а, с. 38];
- «<...> тусклые отблески дальних огней, и почти невидимую в темноте громаду *Святой Марии Спасения*⁴ по ту сторону *Большого канала*⁵» [Хазанов, 2009а, с. 36].

Примечательно, что в следующем примере в отличие от немецкого слова в русской кальке присутствует оним Богоматерь:

- «На углу Розенталь и *площади Богоматери*⁶» [Хазанов, 2005, с. 191].

Автор пропускает иноязычие через собственные мироощущения и преобразует его, ориентируясь на ассоциативный ряд, характерный для российского национального сознания. В силу чего в русском варианте слово обрастает коннотацией, не свойственной иноязычной единице, и наполняется духовным смыслом, который слабо выражен в немецком эквиваленте.

Схожим образом калькируется название улицы «*König-Heinrich-Strasse*»:

- «За унылыми корпусами социальных квартир прячется тихая и зелёная, вся заставленная улочка короля *Генриха Птицелова*⁷» [Хазанов, 2001, с. 286].

Этот приём позволяет «пробудить» в «окостеневшей» словесной форме образы старины, служившие основой многих средневековых мифов и сказаний. Автор острит внимание читателей на особенности названий улиц в одном из районов Мюнхена, где одним из компонентов уличных номинаций служат антропонимы, заимствованные из легенды о Лоэнгрине. Король Генрих I здесь является одним из ключевых персонажей, однако в сказании упоминается его прозвище Генрих

¹от франц. Basilique du Sacré Cœur – католический храм в Париже

²от франц. Pont des Arts – железный пешеходный мост в центре Парижа

³от франц. Pont Neuf – старейший мост через реку Сена в Париже

⁴от итал. Gesuati / Santa Maria del Rosario – церковь Джезуати или Санта-Мария дель Розарио

⁵от франц. Grand Canal

⁶от нем. Marienplatz – центральная площадь в Мюнхене

⁷от нем. König-Heinrich-Straße – улица в Мюнхене

Птицелов, что и послужило основной мотивацией такой передачи топонима на русский язык.

Эргонимы (названия предприятий, фирм, компаний). Хотя эргонимы являются подвидом урбанонимов, как кажется, целесообразно выделить их в отдельную подгруппу. В исследуемом материале наиболее представительными в количественном отношении оказались названия в транслитерированной звукографической форме:

- «<...> славная чета сиживала в *кафе „Флор“*, в двух шагах отсюда» [Хазанов, 2009а, с. 38];
- «Согласно плану, он должен был отправиться в *музей д’Орсэ*, выстоять очередь перед входом, слушать щебет японок» [Хазанов, 2009, с. 217].

Характерной чертой рассмотренных примеров можно обозначить использование названий с калькированными гиперонимами, раскрывающими «предназначение» указанных предприятий. Так, в исходном варианте «*кафе „Флор“*» имеет форму «*Café de Flore*» (франц. *café* – кафе). Аналогичный пример представляет собой словосочетание «*музей д’Орсэ*», восходящий к французскому «*Musée d’Orsay*» (франц. *musée* – музей).

Следует добавить, что у вкраплений-эргонимом какие-либо пояснения отсутствуют:

- «Он успел всучить мне карточку – фирма с каким-то мудрёным названием – и взял с меня обещание придти во вторник в *Glockenspiel*¹» [Хазанов, 2001, с. 249];
- «Впрочем, он попытается связаться с отделением *Credit Lyonnais*² на Большом острове» [Там же, с. 241].

Вероятно, такая информация представляется здесь лишней, несущественной. Поскольку и кафе «*Glockenspiel*», и банк «*Credit Lyonnais*» достаточно знамениты,

¹нем. *Glockenspiel* – знаменитое кафе в Мюнхене

²франц. Лионский кредит – до 2003 г. – один из трёх крупнейших коммерческих банков Франции

автор рассчитывает, что указанные эргонимы вызовут у русскоязычного читателя правильные ассоциации.

Антропонимы. Вместе с урбанонимами в языке Б. Хазанова широко представлены иноязычные антропонимы, соотносящие действие наряду с другими онимами с тем или иным национальным культурным пространством.

Закономерно, произведения, действие которых разворачивается на территории Германии, содержат многочисленные немецкие антропонимы:

- «<...> полковник *Карл-Дитмар Вернике*¹, стуча тростью, сошёл в преисподнюю» [Хазанов, 2010, с. 231];
- «*Грете*² ответила: не хочу о ней говорить» [Хазанов, 2009, с. 238].
- «Портрет патрицианки. Считается, – сказала она, – что эта *Эльзбет*³... <...> Считается, что я происхожу от нее по линии моей двоюродной бабушки» [Хазанов, 2010, с. 135].

Необходимо отметить, что антропонимам свойственен русский графико-орфографический облик, тем не менее, в русскоязычном контексте проявляется их инородность, заключающаяся в особенностях, специфичных для немецких имён. В первую очередь, это очевидная немецкая этимология. Кроме того, нулевое окончание и окончание -е- у женских имён, перенесённые из немецкого языка (*Грете, Эльзбет*). Традиция давать двойное имя, распространённая в Германии и не столь популярная в России (*Карл-Дитмар*).

Показательным может считаться следующий пример, где в беседе с офицерами немецкой полиции, русскоязычный герой раскладывает фамилию своего соотечественника на входящие в её состав буквы. И для облегчения восприятия информации, а также для наибольшей точности приводит немецкие имена, в которых эти буквы прописные:

- «Тучин. Т, У, Ч, И, Н. *Теодор, Ульрих, Тина, Зигфрид, Цезарь, Хильда, Инге, Николаус*» [Хазанов, 2006, с. 61].

¹от нем. Karl-Ditmar Vernike – немецкое полное имя

²от нем. Grete – сокращённая форма женского имени Margerete, популярная в Германии

³от нем. Elisabeth – немецкое женское имя

Хотя фамилия русская и автор приводит её на русском языке, герой приносит именно немецкое написание данного антропонима, о чём свидетельствуют заглавные буквы немецких имён. Поскольку в немецком языке отсутствует звук [ч'], и соответствующий ему графический знак, при транслитерации обычно прибегают к сходной звуковой комбинации – аффрикате [tʃ], передаваемой в письменной речи сочетанием графем -tsch-.

Однако в отдельных случаях у немецких антропонимов сохраняется их исконная графика:

- «Кто такой? *Herr Ludwig Graf Seydlitz-Gumbinnen*¹ – звучит шикарно, не правда ли?» [Хазанов, 2009, с. 230].

При первичном знакомстве читателя с одним из персонажей автор вводит его полное имя в немецком графико-орфографическом облике, указывая на дворянское происхождение героя произведения, его причастность к древнему германскому роду, первые свидетельства о котором датируются XIII в. [URL: <http://www.se-i-ydlitz.de/>]. Стоит отметить, что в последующих упоминаниях для языковой экономии в текст вводится транслитерированная фамилия:

- «Этот *Зейдлиц* был дальний родственник Ирмы» [Хазанов, 2009, с. 230].

Особый интерес представляют прозвища знаменитого румынского правителя. В тексте приводятся несколько имён данного исторического персонажа: *Влад Цепеш*, *Draculya*. Что касается графического облика этих единиц, автор сохраняет их исконную графику, либо передаёт иноязычие кириллицей. Заметим, что транслитерированный вариант снабжён контекстовым переводом:

- «Вам, вероятно, известно, как переводится слово *Цепеш*? Что-то вроде сажателя на кол» [Хазанов, 2009, с. 201].

Оформление одного из прозвищ средствами иноязычного алфавита оправдывается, вероятно, тем, что этимология этого слова до сих пор спорна. Многие учёные склонны считать, что антропоним восходит к румынскому «*Drăcu*», в переводе на

¹нем. господин Людвиг граф Зейдлиц Гумбиннен – немецкое мужское имя

русский обозначающее «сын дьявола». Однако известен факт, что прозвище «Дракула» Влад Цепеш унаследовал от своего отца, который состоял на службе рыцарского ордена «Драконов». И первоначальное имя звучало не иначе как «Влад Драгонул», т. е. «Влад Дракон». Автор приводит латинское написание данного антропонима, возможно, чтобы акцентировать внимание на статусе героини, которая является прямой наследницей румынского правителя:

- «Влад Цепеш, ещё при жизни прозванный *Draculya*» (*sic*) [Там же, с. 202].

Агионимы (названия предметов и явлений из религиозной сферы). В данной подгруппе были выделены эортонимы (названия церковных праздников), а также названия религиозных молитв, книг. В большинстве случаев это еврейские лексемы, что, вполне закономерно, поскольку автор является представителем еврейской диаспоры. Включение таких названий в текст, с одной стороны, служит одним из способов формирования у реципиента устойчивого образа о культуре и традициях еврейского народа; с другой же характеризует автора как многогранную личность, в которой гармонично уживаются, переплетаясь и создавая новый некий поликультурный сплав, национальные традиции, ментальные особенности, составляющие основу его русско-еврейского сознания.

Предполагая, что подобные иноязычные элементы могут вызвать трудности в понимании, автор часто снабжает их затекстовыми комментариями. Это характерно, в частности, для повести «Чудотворец» и романа «Нагельфар в океане времён», где автор вводит в текст многочисленные онимы, составляющие основу иудаизма: «*Рош га-шан*», «*День Киппур*». Основное значение данных единиц раскрывается в подробном комментарии, расположенном в конце произведения. Таким образом, согласно комментарию «*Рош га-шан*» в переводе с иврита – праздник Новолетия, или Новый год, «*День Киппур*» – День искупления или Судный день [Хазанов, 1993, с. 184].

Закономерно, что в языке Б. Хазанова представлены не только онимы, но и апеллятивы, относящиеся к религиозной сфере. Общеизвестно, что для каждого иудея иудаизм – это не только религия, а национальная система прописанных в

Торе правил и оценок, соблюдение которых помогает развивать в людях положительные черты характера. Стремясь точно воссоздать мир духовной культуры еврейского народа, автор обращается к единицам, которые позволяют глубже и ярче представить быт. В следующем фрагменте описан похоронный обряд, проходящий по еврейским канонам, неотъемлемыми атрибутами которого являются «*нер тамид*»¹ и «*хевра кадиша*»²:

- «Его закопали в песчаной земле Израиля, сняли „*нер тамид*” с крышки гроба – плошку со свечой – и отнесли её домой, она должна была гореть тридцать дней; никаких траурных карет, катафалков – по традиции всё должно быть очень скромно, гроб несли на руках, молча, никаких речей, протянули мне ножницы, и я надрезала платье, кантор запел „*хевра кадиша*”» [Хазанов, 2009, с. 230].

Характерно, что все ивритизмы и идишизмы автор передаёт средствами русской графики. Еврей по происхождению, он владеет ивритом, однако, при включении в текст еврейских лексем оказывает предпочтение русской графике, что может свидетельствовать о приоритетной для автора роли русского языка.

Кроме перечисленных онимов автор вводит в текст гемеронимы (названия журналов), фалеронимы (названия военных наград), порейонимы (названия транспортных средств):

- «Правда, я никогда не видела, чтобы он что-нибудь читал, кроме газет и „*Шпигеля*”³» [Там же, с. 233];
- «Показывает на мундир и *Ritterkreuz*⁴: мало ли что... на всякий случай» [Хазанов, 2010, с. 250];
- «Я редко пользуюсь машиной в городе; обыкновенно оставляю свой *BMW*¹ на стоянке в Пазинге» [Хазанов, 2005, с. 201].

¹ от ивр. נֵר תָּמִיד – светильник, постоянно горящий в синагоге напротив Ковчега Завета. В новое время *нер тамид* называют также светильник, помещаемый у памятников выдающимся людям

² от ивр. אֶשְׁדֵּק הַרְבֵּב – похоронное братство. Кадиш

³ от нем. Spiegel – еженедельный немецкий журнал

⁴ нем. рыцарский крест

Апеллятивы, номинирующие предметы и явления из повседневной жизни. Ономастические единицы этой группы придают тексту наибольшую реалистичность, помогают установить личность героя, время и место действия, описываемое событие.

Ярким примером реализации данной функции могут быть обозначены германизмы «*Termin*»² и «*Hausmeister*»³ в повести «Гости», где только эти лексемы указывают на место действия:

- «*Hausmeister* должен был посыпать крыльцо песком, но как на зло подхватил грипп» [Хазанов, 2009, с. 319];
- «Я должен взять *Termin*?» [Там же, с. 323].

Примечательно, что исходный текст рассказа «Окно, диван, книжная полка», из которого возникла повесть «Гости», не содержит названных иноязычий, вследствие чего установить место действия невозможно, поскольку в рассказе отсутствуют какие-либо сигналы (характерные антропонимы, топонимы и другие языковые элементы), указывающие на географический локус.

Иноязычия данной группы могут быть распределены по следующим подгруппам:

- 1) дом/квартира/жилье;
- 2) обращения, нормы этикета, восклицания;
- 3) объявления, надписи.

Иноязычия подгруппы «дом/квартира/жилье». Иноязычные элементы данной подгруппы первоочередно решают задачу создания местного колорита. Помимо этого, в таких единицах отражается материальное благосостояние действующих лиц. Поскольку автор является эмигрантом, можно судить, насколько проблема жилья актуальна для него как переселенца. Возникает лексическая оп-

¹нем. аббревиатура от Bayerische Motoren Werke – Баварские моторные заводы, немецкая марка автомобиля

²нем. встреча

³нем. дворник

позиция: герои-эмигранты «ютятся» в «социальных квартирах»¹ и «апартаментов»²:

- «Это была так называемая „социальная квартира“. Слово социальный говорит за себя» [Хазанов, 2006, с. 63];
- «Квартирка, по-женски аккуратная, называемая „апартамент“, состояла из кухни и комнаты с нишей и занавеской, там находилось ложе» [Хазанов, 2010, с. 132].

Немецкие же персонажи владеют замками:

- «Ее муж каждый год в это время ездит в Каринтию, у него там *Schlößchen*³, крошечный домик-замок в горах» (*sic*) [Там же, с. 162].

Необходимо отметить, что жильё русских эмигрантов передаётся на русский язык калькированием и транслитерацией. Между тем, иноязычия, номинирующие место проживания немецких граждан, приводятся в графике языка-источника, разграничивая немецкую и эмигрантскую действительности, акцентируя внимание на материальных различиях в этих социальных общностях.

Обращения, восклицания, формулы речевого этикета. Для изображения инонационального быта в текст нередко вводятся обращения (см. Приложение 2). Часто такие единицы не только отражают нормы этикета, принятые на том или ином культурном пространстве, но и содержат оценку адресата, эксплицируют отношение одного персонажа к другому:

- «Страна с большим будущим. Непременно уговорю мою жену снова поехать. Что ты на это скажешь, *Schatz*⁴?» [Хазанов, 2010, с. 144].

Популярное в Германии обращение «*Schatz*» функционирует преимущественно в обиходно-бытовом общении. Его употребление в речи обусловлено высокой степенью близости коммуникантов. Данное условие реализуется в указанном

¹от нем. Sozialwohnung – льготная квартира для малообеспеченных

²от нем. Apartment – квартира в жилом доме гостиничного типа

³нем. небольшой замок

⁴нем. дорогая

контексте, где иноязычие выступает средством выражения отношения персонажа к близкому человеку.

Достаточно часто в языке Б. Хазанова употребляется германизм «*Prost*»¹. Заметим, что это иноязычие встречается как в речи немецких героев, так и русских эмигрантов, выполняя функцию знака-указания на то, что действие происходит в Германии. Знаменательно, что во всех случаях доминирует немецкая графика:

- «– *Prost*, дядя,– сказал я.
– *Prost*, малыш» [Хазанов, 2010, с. 124].

Среди прочего стоит отметить восклицания из повести «Корсар», где место действия, хотя и раскрывается напрямую, малоинформативно для читателя, поскольку название давно устарело:

- «Имя, которое дали этому клочку земли мореплаватели, *Sancta Hilaria*², в честь никому не известной святой, не удержалось» [Хазанов, 2001, с. 221].

Однако по всему тексту рассыпаны подсказки в виде галлицизмов («*Parbleu!*», «*Cheers*», «*Mon Dieu*»), которые свидетельствуют о колониальном прошлом африканской страны:

- «И к лучшему, уверяю вас. *Parbleu*³! Формально мы относимся к Реюньону» [Хазанов, 2001, с. 221];
- «Нигде в мире вы не получите такое блюдо. *Cheers*⁴!» [Там же].

Данные восклицания в совокупности с лексемой «Реюньон» и калькой «Большой остров» позволяют сделать вывод, что события повести разворачиваются на одном из многочисленных островов в непосредственной близости от Мадагаскара.

¹нем. на здоровье!, ваше здоровье!

²лат. святая Илария

³франц. чёрт!

⁴франц. ваше здоровье

Объявления, надписи. В настоящее время невозможно представить повседневную жизнь без рекламных объявлений, различных надписей, которые прочно вошли в современный быт и порой воспринимаются исключительно на подсознательном уровне (см. Приложение 2). Однако в руках писателя они становятся мощным средством создания атмосферы иной культуры:

- «На дверях была вывешена картонка: „*Geschlossene Gesellschaft*”¹, это означало, что зал закрыт для посторонних посетителей» [Хазанов, 2009, с. 176].

В некоторых случаях надписи позволяют идентифицировать объекты действительности. В рассказе «Город и сны» упоминается некий театр и приводится его отвлечённое описание. Автор уходит от подробностей и деталей, что, на первый взгляд, лишает здание конкретности. Однако трудность распознавания данного строения снимается благодаря латинской фразе, которая, как известно, венчает портал Национального театра в Мюнхене:

- «*Apollini musisque redittum*²» (*sic*) [Хазанов, 2001, с. 287].

В заключение, следует отметить, что в номинативной функции задействовано подавляющее большинство иноязычий. Включая иноязычия в текст, автор воссоздаёт образ инороссийской действительности. Иноязычия предоставляют читателям сведения, позволяющие сформировать определенную картину об образе жизни инокультурных народов, указывая на национальные особенности в различных их бытия сферах. Наряду с функцией создания национального колорита иноязычные единицы этой группы реализуют частные задачи. В случаях, когда отсутствуют конкретные географические обозначения объектов, иноязычия становятся фактически единственным средством, указывающим на место действия событий, придавая тексту наибольшую достоверность. Также иноязычия выступают свидетельством материального неравенства персонажей, акцентируют внимание на их социальных статусах. В некоторых иноязычиях проявляется информация о

¹нем. закрытое общество

²лат. возвращено Апполону и музам (перевод Б. Хазанова)

межличностных отношениях действующих лиц. Лексические единицы из иврита, воспроизводящие особенности духовной сферы иудеев, выступают средством характеристики самого автора, проявляя его причастность к иудаизму.

2.1.2. Функция создания временного колорита

Несомненно, иноязычием свойственна национальная окраска, что, в свою очередь, обуславливает к ним стойкий интерес писателей, которые вводят иностранные слова в текст с целью указания на национальную принадлежность героя или придания национального колорита. Однако для иноязычных элементов характерна и способность создания исторического колорита, поскольку многие иноязычные лексемы соотносятся непосредственно с денотатом, который в большей мере специфичен для конкретной исторической эпохи.

Исследование материала позволяет заключить, что исторический колорит в языке автора создают в большинстве случаев иноязычные архаизмы и историзмы. В рассказе «Идущий по воде» иллюстрируется один из дней Иисуса Христа и его апостолов. Автор не только заимствует сюжет из Нового завета, адаптируя его к современной литературной форме, но и строго следует топонимическим описаниям из Библии, придавая фактам достоверность:

- «Иисус порывисто повернулся к ним. „Перестаньте, – сказал он. – Не тратьте времени. Встретимся в *Капернауме*¹» [Хазанов, 2009, с.186];
- «Это и было *Генисаретское озеро*², которое местные жители называли морем» [Там же, с. 187].

Поскольку географический объект, упомянутый автором в последнем примере, существует и в настоящий период времени, изменилась лишь его номина-

¹ивр. Капернаум (селение Наума) – город, находившийся на западном берегу Тивериадского озера, родной город апостолов Петра, Андрея, Иоанна и Иакова

²другое названия Галилэйского моря, а в современном Израиле озера Кинёрет

ция, речь идёт о топониме-архаизме. В свою очередь астионим «*Капернаум*» исчез вместе с денотатом, что позволяет отнести его к историзмам.

В рассказах с исторической тематикой «Пока с безмолвной девой» и «Ночь Египта» используются латинизмы и грецизмы, характерные для изображаемых эпох:

- «Слуги внесли меня в *атриум*¹, где я полюбовался статуей» [Хазанов, 2005а, с. 523];
- «Сколько виршеплётов пользовалось моим гостеприимством, моим влиянием, моей близостью к *принцессу*², скольких недостойных я вывел в люди!» [Там же, с. 251].

Однако следует заметить, что в своё время такие единицы вошли «в употребление в русский язык», о чём свидетельствует «словотолкователь» иностранных слов от 1885 г. под редакцией И.Ф. Бурдона и А.Д. Михельсона [Бурдон, Михельсон, 1885, с. 1072]. Но, поскольку данные единицы номинируют исчезнувшие предметы и явления, они на сегодняшний день образуют пласт лексики, утратившей свою актуальность.

Хотя в рассказе «Ночь Египта», автор повествует, как уже ясно из заголовка, о событиях в Египте периода правления Птолемеев, иноязычные историзмы представлены грецизмами и латинизмами, из египетских иноязычий встречаются лишь антропонимы. Как известно, большое влияние на все сферы жизни Египта в тот исторический момент оказывала Римская Империя, что оставило печать в языке, который изобиловал греческими и латинскими иноязычиями:

- «Об участниках *диатрибы*³ (которая, как и всё в эту эпоху, была подражанием, в данном случае – беседам в садах Академа) известно следующее <...>» [Хазанов, 2005а, с. 433];

¹от лат. *ater* – темный, черный – закрытый внутренний дворик в центре древнеримского жилища, куда выходили остальные помещения

²от лат. *princeps* – первый в списке древнеримских сенаторов

³от лат. *diatriba*, др.-греч. *διὰ τριβή* – устная или письменная речь, содержащая жестокую, резкую критику

- «Еврей Шимон бен Йохаи, магнат, контролирующий торговлю рабами на рынках Кипра и Малой Азии, владелец <...> фешенебельных *лупанаров*¹ в городах Италии <...>» [Там же, с. 433];
- «Не кто иной, как реб Шимон, предложил *диойкету*², то есть верховному казначею, изменить порядок коммерческих сделок» (*sic*) [Там же, с. 433].

Историзмы частотны в текстах, повествующих о событиях Второй мировой войны. Для формирования картины военной действительности автор вплетает в текст немецкие лексемы, называющие воинские чины, звания. В настоящее время подобные лексические единицы вышли из активного употребления, поскольку с ликвидацией вермахта в 1945 г. эти реалии были упразднены. Стоит отметить, что автор отдаёт предпочтение русской графике, акцентируя тем самым внимание на популярности таких иноязычных элементов среди русскоязычного населения во время Великой отечественной войны, однако в словарях и энциклопедиях данные лексемы зафиксированы не были [Гришина, 2002; Великая отечественная война 1941–1945 гг.: энциклопедия, 1985]:

- «<...> с кубиками *гауптштурмфюрера*³ в левой петлице» [Хазанов, 2010, с. 231];
- «Постовой внешнего караула, с лицом бульдога, в звании *унтерштурмфюрера*⁴» [Там же];
- «<...> в подземной операционной *оберштурмбанфюрер*⁵ и профессор Хазе в заляпанном кровью халате» [Там же, с. 233].

Случаи же оформления иноязычных единиц латиницей носят единичный характер:

¹от лат. *lupanar* или *lupanarium* – публичный дом в Древнем Риме, размещенный в отдельном здании

²от др.-греч. *dioiketes* – управитель административно-финансовая должность в греко-римском Египте

³от нем. *Hauptsturmführer* – капитан войск СС в фашистской Германии

⁴от нем. *Untersturmführer* – лейтенант войск СС в фашистской Германии

⁵от нем. *Obersturmbannführer* – звание в СС и СА, соответствовало званию подполковника

- «Да не слушайте вы его. Разве вы не видите, что это за фрукт. *Sonderkommando*¹, вот кто» [Там же, с. 252];
- «Вот вам и вся *Befreiungsarmee*²» [Там же, с. 236].

Исторические особенности той или иной эпохи способны также раскрыть названия учреждений и организаций. К примеру, лексемы «*Гитлер-югенд*»³, «*СД*»⁴ свидетельствуют о режиме в Германии в годы второй мировой войны. Причём автор проводит параллель с политической ситуацией в СССР, сопоставляя немецкую организацию «*Гитлер-югенд*» и «Комсомол» [Хазанов, 2005, с. 201].

Историческую атмосферу в тексте поддерживают надписи агитационных плакатов, погружая читателей в вереницу военных событий в III Рейхе накануне его «гибели»:

- «*Diese Bestie muss vernichtet werden*⁵» [Хазанов, 2010, с. 249];
- «*Wehr dich oder stirb*⁶» [Там же, с. 249];
- «*Nur das Volk ist verloren, das sich selbst aufgibt*⁷» [Там же, с. 249].

В восприятии русского читателя названные лексемы вызывают чёткую ассоциацию с насилием и террором немецких оккупантов. Однако автор разграничивает вехи немецкой истории, противопоставляя Нацистскую Германию современной стране, осуществившей переоценку ценностей, изменившей отношение в первую очередь к себе и ко всему человечеству в целом. Описания современной Германии содержат иноязычия, отражающие ментальные особенности немцев как нации, которая выбирает путь гуманизма при регулировании межличностных отношений в различных сферах жизни, в отличие от прежних времён, когда идея о

¹нем. спецподразделение СС

²нем. освободительная армия

³от нем. Hitler-Jugend – нацистская молодёжная организация, членами которой были только юноши

⁴от нем. Sicherheitsdienst Reichsführer-SS – внутривластьная служба безопасности

⁵нем. Этого зверюгу надо уничтожить (перевод Б. Хазанова)

⁶нем. Защищайся или умри (перевод Б. Хазанова)

⁷нем. Лишь тот народ погиб, кто сдаётся (перевод Б. Хазанова)

сверхчеловеке и сверхнации распространялась даже на сугубо индивидуальное пространство.

В этой связи стоит отметить иноязычие «*ферейн*»¹. Если в период своего зарождения и становления «*ферейны*» объединяли людей для совместного времяпрепровождения, то в настоящее время внушительная часть таких организаций оказывают безвозмездную помощь социально незащищённым слоям общества, поскольку, как известно, волонтерское движение в Германии получило широкое распространение и активно поддерживается государством:

- «Собственно, это и было главной целью нашего паломничества; Зейдлиц был председателем „*ферейна*“. Я уже упоминала об этом обществе, оно называлось, не помню точно. „*Ферейн*“ по уходу за могилами солдат Второй мировой войны”, что-то в этом роде» [Хазанов, 2009, с. 234].

Ещё одной особенностью современной немецкой нации, на которую указывает автор, можно обозначить толерантное отношение к неизлечимо больным или с ограниченными возможностями людям. В современной Германии функционируют организации, называемые «*Hospiz*»², где больным и их родственникам помимо медикаментозной помощи оказывается психологическая поддержка. Главная задача таких учреждений заключается в создании максимально комфортных условий для больных:

- «И, кроме того, будет приезжать сестра из *Hospiz*. (Это такое полумедицинское заведение вроде приюта)» [Там же, с. 233].

Таким образом, анализ исследуемого материала показал, что функцию создания временного колорита в языке Б. Хазанова реализует примерно 11 % от общего количества иноязычных слов и выражений. Объясняется это тем, что в репертуаре автора насчитывается небольшое количество произведений на историческую тематику. В подавляющем большинстве случаев в данной функции пред-

¹от нем. Verein – организация, союз, сообщество, объединение

²нем. хоспис

ставлены германизмы, восходящие к периоду второй мировой войны, что обусловлено повышенным интересом автора к этой теме.

2.1.3. Функция характеристики персонажа

Несомненно, иноязычия способны проявить некоторые индивидуальные особенности героя художественного произведения, акцентировать внимание на значимых чертах его характера, самобытной внешности, круге общения, увлечениях. В рассказе «Праматерь» иноязычная лексема «*Landsknecht*»¹ свидетельствует о социальных различиях героев:

- «Звук боевого рога, похожий на автомобильный клаксон, огласил поле сражения, первым шагнул вперёд через два квадрата солдат в круглом шлеме и сошёл лицом к лицу с чёрным *ландскнехтом*» [Хазанов, 2001, с. 138].

Традиционно «пешка» в немецком языке обозначается лексемой «*Bauer*». Однако в период Средневековья мастера шахматного дела заменяли символические фигуры, лишённые какой-либо самобытности, статуэтками, изображающими людей [Flammhorst, 1843, S. 12]. Подобной традиции придерживаются и по сей день, создавая сувенирные наборы с высокой стоимостью. Фигуры королей и ферзей здесь представлены маленькими копиями реальных «королевских особ», а прототипами пешек служат образы наёмных средневековых солдат – «*ландскнехты*». В рассказе «Праматерь» шахматы с этими фигурами отражают «незнакомое благосостояние» действующего лица – Кищука; они источают «запах свежего лака», символизируя классовое превосходство. Помимо этого, иноязычие «*ландскнехт*» вводится в оппозицию с «солдатом в круглом шлеме», выявляя противостояние двух персонажей, которое первоначально проявляется в игре, а впоследствии переносится в реальность.

¹от нем. Landsknecht – наёмный солдат

Между тем, иноязычия могут вводиться непосредственно в речь персонажа. Бесспорно, одним из основополагающих элементов, способных в полной мере представить героя художественного текста как определенную индивидуальность, можно обозначить его речь. В частности, Л.Я. Гинзбург в своей работе «О литературном герое» указывает на особое значение внешней и внутренней речи действующих лиц, поскольку «все остальное, что сообщается о персонаже, не может быть дано непосредственно; оно передается читателю в переводе на язык слов; только строя речь человека, писатель пользуется той же системой знаков, и средства изображения тождественны тогда предмету изображения; поэтому прямая речь персонажей обладает возможностями непосредственного и как бы особенно достоверного свидетельства их психологических состояний» [Гинзбург, 1979, с. 150]. Схожие идеи отражены в работе Ю.Н. Караулова «Языковая личность», который отмечает, что «зерно содержания художественного образа» составляет «духовный облик личности». Однако «духовная жизнь человека опредмечивается не только в его производственно-материальной деятельности, не только в социально-значимых действиях, не только во внешних проявлениях его характера», но и «в речевых поступках человека, <...> т. е. в текстах им порождаемых» [Караулов, 2010, с. 69].

Иноязычные единицы в речи персонажа выступают маркерами его индивидуальности, выделяя на фоне других, акцентируя внимание читателя на происхождении, воспитании, возрасте, социальном статусе.

Как правило, иноязычными элементами насыщена речь иностранцев (см. Приложение 2). Основополагающая задача таких единиц заключается в указании на национальную принадлежность действующих лиц. Между тем, целые речевые фрагменты на иностранном языке довольно редкое явление. Одним из немногочисленных примеров может служить диалог француженки и главного героя из романа «Вчерашняя вечность»:

- « – Вы, – она запнулась, – *vous êtes donc catholique?*
– *Bien sûr que non.*

– *Alors qui êtes-vous?*

– *Personne.*

– *Que voulez-vous dire?¹*» (*sic*) [Хазанов, 2010, с. 428].

Преимущественно речь иностранных героев содержит единичные иноязычные вкрапления, расположенные либо в начале, в середине или в конце фразы. Данный приём освобождает текст от нагромождённости и позволяет снять трудности в его восприятии. Тем не менее, указание на национальную принадлежность персонажей сохраняется. Данным способом выстроены реплики Сюзанны Антонии и Гарри из романа «К северу от будущего»:

• «– *Na wie geht's²*, – спросил он.

– Завтра уезжаем, – был ответ.

Он рассеянно кивнул.

– Ужасно, – сказала Сузанна Антония. – Мама его разыскала.

– *Also?³*

– *Also nichts⁴*. Это молодой парень, студент. Инвалид без ноги. Мама очень разочарована» [Хазанов, 2004, с. 192].

Несомненно, внутренняя речь действующих лиц, как и прямая, содержит обилие словесных единиц, которые становятся неотъемлемой составляющей речевого портрета, формируя самобытный образ действующих лиц. Внутренняя речь героя повести «Ксения», где повествование ведётся от первого лица, изобилует иноязычными элементами, как правило, немецкого происхождения, которые служат национальной идентификацией персонажа. Однако внутренняя речь содержит преимущественно отдельные субстантивы в исконной графике и орфографии:

¹франц. Разве вы католик?

Нет, конечно

А кто же вы?

Никто

Как это понимать? (перевод Б. Хазанова)

²нем. как дела? (перевод Б. Хазанова)

³нем. и как (перевод Б. Хазанова)

⁴нем. да никак (перевод Б. Хазанова)

- «Мой предок снабжал винами императорский двор, вот откуда *Trinkhorn*¹ с крылышками в нашем гербе» [Хазанов, 2005, с. 190];
- «Молодой человек, брат Франциски: матросская форма, лицо подростка, *Marinehelfer*²» [Там же, с. 198].

В то время как в прямую речь этого героя включены речевые клише на немецком языке, типичные для разговорного стиля, что, безусловно, придаёт наибольшую реалистичность коммуникативной ситуации:

- «– Я здесь проездом, – сказал он.
– *Na und*³?» [Там же, с. 194];
- «– Я, – сказал он, – хочу сделать то, что вовремя не было сделано.
– *Und das wäre*⁴?
– Вызвать тебя на дуэль!» [Там же, с. 196].

Стоит отметить, что кроме вкраплений-германизмов, речи главного героя свойственны галлицизмы, которые характеризуют его в несколько другом ракурсе. Как известно, он участник Второй мировой войны. Данный факт позволяет предположить, что в 20–30 гг. XX века этот персонаж обучался в школе либо получал университетское образование. Однако в начале XX века в Германии французский язык входил в учебную программу лишь частных школ, гимназий и университетов, обучение в которых было в большей мере доступно обеспеченным слоям населения. Свободное владение французским языком свидетельствует об элитном происхождении данного героя.

Иноязычные единицы продуктивно используются в речи русскоязычных действующих лиц. В подавляющем большинстве случаев это галлицизмы в графике языка-источника, которым свойственно стереотипное употребление, поскольку традиционно в русском представлении французский язык связан с аристократией и творческой элитой. Это язык, вызывающий стойкие ассоциации с

¹нем. сосуд для питья в форме рога (перевод Б. Хазанова)

²нем. юнга (перевод Б. Хазанова)

³нем. и что (перевод Б. Хазанова)

⁴нем. и что (перевод Б. Хазанова)

такими понятиями, как светскость, учтивость, утонченность. В речи подобных героев наиболее многочисленны восклицания («*voilà*»¹, «*vraiment*»², «*Mon Dieu*»³; «*parbleu*»⁴, «*mais c'est incroyable*»⁵), обращения («*ma che`re*»⁶, «*taman*»⁷) и этикетные слова («*pardon*»⁸, «*adieu*»⁹). Данные элементы, не обладая существенной информацией, реализуют функцию соотнесения говорящих с великосветским обществом. Такова речь представителей дворянской семьи из романа «Далёкое зрелище лесов» и Анны Яковлевны Тарнкаппе из романа «Вчерашняя вечность»:

- «Не беспокойтесь, *taman*. Я сама принесу» [Хазанов, 2001, с. 334];
- «Наконец, из-за двери послышался голос Анны Яковлевны. Он вошёл. „*Voilà!*”» [Хазанов, 2010, с. 212];
- «*Mon Dieu*, как я всё-таки постарела» [Там же, с. 211].

Французские элементы характерны для речи главного героя романа «Вчерашняя вечность», который по роду своей деятельности писатель:

- «Простите, Анна Яковлевна, – сказал писатель. – *Je craindrais d'offenser vos oreilles*¹⁰» (*sic*) [Там же, с. 337].

Галлицизмы обнаруживают аристократичные черты в поведении этого персонажа, хотя текст содержит указания на его мещанское происхождение. Тем не менее, автор в статье «Понедельник роз» отмечает, что «писатель, каким бы жалким он бы ни выглядел, – аристократ» [Хазанов, 2009а, с. 193].

В некоторых случаях французские элементы в совокупности с другими языковыми средствами формируют ироничное отношение к образу. В частности, вставки из французского языка выступают средством характеристики героя рома-

¹ франц. вот так!

² франц. право же

³ франц. мой бог

⁴ франц. чёрт возьми

⁵ франц. это уму непостижимо

⁶ франц. моя дорогая

⁷ франц. мама

⁸ франц. простите

⁹ франц. прощайте

¹⁰ франц. Боюсь, что это не для ваших ушей (перевод Б. Хазанова)

на «После нас потоп», который непременно пытается возвысить себя в глазах собеседников. Однако при воспроизведении французской фразы «*revenons a nos moutons*»¹ он забывает конец идиомы, о чём свидетельствует многоточие после иноязычия, и произносит её по-русски, что создаёт иронический эффект:

- «Итак, *revenons*²... к нашим баранам» [Хазанов, 2010а, с. 289].

В отдельную группу следует выделить иноязычные элементы, характерные для речи русскоязычных действующих лиц, которые на должном уровне не владеют иностранным языком. Важно отметить, что данные элементы носят единичный характер. Для создания эффекта русскости персонажа автор прибегает к транслитерации:

- «Что поделаешь, *герр полицист*³. Конкуренция большая, а посадочных мест мало!» [Хазанов, 2010, с. 141];
- «„*Яволь. Айн момент*⁴“, – сказал Яша по-немецки и явился через несколько минут с харчами и пивом» [Там же, с. 409];
- «Сперва выпить. Такая, говорю, *селяви*⁵...» [Там же, с. 349].

Итак, реализуя характерологическую функцию, иноязычные элементы как отдельные штрихи к портрету, дополняют образ героя художественного произведения. Графически выделяясь на фоне основного текста, они обладают особым магнетизмом, притягивая и акцентируя внимание читательской аудитории на индивидуальных особенностях действующих лиц. Иноязычие может придать образу самобытный характер, возвышая его либо наполняя иронией и комичностью. Немаловажную роль при формировании образа героя играют иноязычия, включённые непосредственно, в его речь. По мнению Г.О. Винокура, они выявляют специфические черты, «в той или иной мере разобщающие героя с остальными пер-

¹ франц. вернёмся к нашим баранам

² франц. вернёмся

³ от нем. Herr Polizist – господин полицейский

⁴ от нем. Jawohl. Ein Moment – конечно, одну минуту

⁵ от франц. c'est la vie – такова жизнь

сонажами, причем принадлежащие ему как нечто постоянное и непреходящее, сопровождающие его в любом его поступке или жесте» [Винокур, 1959, с. 297].

2.1.4. Прогностическая функция иноязычия

Прогностическую функцию в языке Б. Хазанова реализуют преимущественно иноязычия в исконной графике, расположенные в сильных позициях текста – в заглавии или эпитафии, которые, как правило, содержат сведения о тематическом составе произведения или его проблематике.

Несомненно, заглавие может считаться обязательным компонентом художественного текста. Определяя важную роль заглавия, С. Кржижановский сравнивал его с завязью, которая «в процессе роста, разворачивается постепенно-множающимися и длинящимися листьями», раскрываясь в книгу: «книга и есть – развёрнутое до конца заглавие, заглавие же – стянутая до объёма двух-трёх слов книга» [Кржижановский, 2006, с. 669].

Названия рассказов «*Veritas*»¹, «*Διαλογοι*»², «*Marche funèbre*»³ в сжатой форме эксплицитно отражают главную идею, основной замысел, представляя собой авторскую интерпретацию всего произведения (другие примеры см. в Приложении 2). Главный герой «*Veritas*» находится в поисках материального объекта «истина». Результаты этого поиска автор проецирует на абстрактные понятия. В основе нескольких рассказов, объединённых под общим названием «*Διαλογοι*» лежат поучительные истории, предлагается в особой форме познание человека и его бытия. Необходимо отметить, что заголовок «*Διαλογοι*» соотносится с названием специфического литературного жанра «диалог», в котором, как известно, происходит развитие философских тем. Похоронный марш из рассказа «*Marche funèbre*» сопровождает ирреальный парад, организованный усопшими знаменитостями.

¹лат. истина (перевод Б. Хазанова)

²греч. диалоги

³франц. похоронный марш (перевод Б. Хазанова)

Иноязычия встречаются в названиях отдельных глав. Так, роман «Вчерашняя вечность» содержит главу «*Unzeitgemäße Betrachtungen*»¹, название которой отсылает к произведению Ф. Ницше «Несвоевременные размышления» [Хазанов, 2010, с. 396]. Иноязычие сигнализирует читателям о небольшом отступлении от сюжетной линии, где приводятся размышления главного героя о литературе, скоротечности бытия, отношении полов.

В 37 главе романа «Нагльфар в океане времён» воспроизводятся знаменитые слова Мефистофеля из произведения В. Гёте «Фауст»: «*Denn alles, was entsteht, ist wert, das es zugrunde geht*»² [Хазанов, 1993, с. 96]. Однако в тексте немецкого писателя у фразы существует продолжение «*Drum besser wär's, daß nichts entstünde*»³. Таким образом, данный отрывок настраивает читателя на отрицание того, что сообщается в главе.

В отдельных случаях сильную позицию занимают перефразированные варианты цитат. Название одной из глав «*Femme de treize ans*»⁴ романа «Нагльфар в океане времён» перекликается с произведением О. Бальзака «Тридцатилетняя женщина» [Там же, с. 111]. Общеизвестно, что драма французского писателя повествует о даме, неповторимые чувства для которой стали доступны лишь в зрелом возрасте. Подобная трансформация сопоставляет эмоциональное состояние угловатой девочки-подростка с переживаниями «женщины бальзаковского возраста».

Иногда в сильную позицию включаются философские понятия. Название «*Horologium Dei*»⁵ заимствовано из теории Р. Декарта и Г. Лейбница об устройстве мира [Хазанов, 2005, с. 458]. Философская идея о божественном начале мироздания, дополненная некоторыми авторскими постулатами, пронизывает всё повествование рассказа. «*Alter ego*»⁶ рассматривается как внутренний голос челове-

¹нем. несвоевременные размышления (перевод Б. Хазанова)

²нем. ибо всё, что возникает, достойно гибели (перевод Б. Хазанова)

³нем. поэтому было бы лучше, если бы ничто не возникало (перевод автора – М.К.)

⁴франц. тринадцатилетняя женщина (перевод Б. Хазанова)

⁵лат. часовой механизм Бога (перевод Б. Хазанова)

⁶лат. второе «Я»

ка, определяющий диалогическую природу сознания. Такое заглавие настраивает читателя на психологический поединок между «Я» и «вторым Я» [Там же, с. 510].

Образуя, как и заглавие, сильную позицию произведения, эпиграф считается одним из главных компонентов художественного текста. В сжатой форме эпиграф способен ознакомить читателя с основным содержанием художественного произведения или особенностями развития сюжетной линии, образами главных героев.

В большинстве случаев эпиграфы поясняют заглавия. В рассказе «Граница» цитируется отрывок из четвёртого гимна немецкого романтика Новалиса¹:

- *«Hinüber wall ich,
Und jede Pein
Wird einst ein Stachel
Der Wollust sein²»* [Там же, с. 444].

Общеизвестно, что в основу творчества Новалиса положены мотивы жизни и смерти, бытия и небытия. Учитывая всё это, можно предположить, что эпиграф, дополняя заглавие, указывает на «границу» между миром живых и царством мёртвых.

Схожую функцию реализует эпиграф в рассказе «Ночь Египта», где заглавие конкретизируется цитатой из оды Горация:

- *«Ausa et jacentem visere regiam
Vultu sereno, fortis et asperas
Tractare serpentas, ut atrum
Corpore combiberet venenum³» (sic)* [Там же, с. 425].

Эпиграф, продолжая заглавие, передаёт краткое содержание произведения, в котором повествуется о последней ночи царицы Клеопатры.

В отдельных случаях автор намеренно редуцирует цитаты, преобразуя их исходный смысл. Эпиграф *«entends la douce nuit qui marche»¹*, введённый в рас-

¹псевдоним Фридриха фон Гарденберга

²нем. Я уйду туда, где всякая боль превратится в укол наслаждения (перевод Б. Хазанова)

³лат. Взглянув бестрепетно на опустевший дворец, смело прижав к себе змей, чтобы выпить телом чёрный яд, решившись погибнуть... (Гораций «Оды, кн. I, 37». Перевод Б. Хазанова)

сказ «Город и сны», заимствован из сонета Ш. Бодлера «Раздумье», в котором французский поэт проводит параллель между наступлением ночи и закатом жизни. Вырванный же из своего контекста, отрывок приобретает другой смысл, вызывая у читателей противоположные ассоциации.

Схожий пример встречается в рассказе «Хроника о Картафил», в котором эпиграфом выступают слова Горация из Оды 1.9:

- «*Quid sit futurum cras, fuge querere et Quem Fors dierum cumque dabit² ...*» (*sic*) [Хазанов, 2001, с. 271].

Цитируя Горация, автор намеренно отказывается от последних строк четверостишия, где латинский поэт призывает к праздной жизни. Изменив этим содержание цитируемого отрывка, автор наполняет его глубоким смыслом о библейском смирении и терпимости к жизненным перипетиям.

Отдельный интерес представляют иноязычия, функционирующие в сильных позициях романа «К северу от будущего», где эпиграф заимствован из поэтического текста «*In den Flüssen nördlich der Zukunft*»³ П. Целана:

- «*In den Flüssen nördlich der Zukunft werf ' ich das Netz aus, das du zögernd beschwerst mit von Steinen geschriebenen Schatten⁴*» [Хазанов, 2004, с. 8].

Стоит отметить, что и название романа восходит к упомянутому произведению, вступая с эпиграфом в диалогические отношения. Однако автор применяет эквивалентный перевод, создавая тем самым алфавитно-графический контраст. Диалогичность и в то же время контрастность эпиграфа с заглавием демонстрируют основную идею произведения: сложные взаимоотношения Германии и Рос-

¹франц. слушай мягкую поступь ночи (перевод Б. Хазанова)

²лат. Что завтра будет, лучше не спрашивай. Из дней, какой бы рок ни послал, прими во благо... (перевод Ю. Верховского)

³нем. На реках к северу от будущего (перевод Б. Хазанова)

⁴нем. На реках к северу от будущего я забрасываю сеть, и, колеблясь, ты наполняешь, её грузом теней, что написали камни (Пауль Целан «К северу от будущего». Перевод Б. Хазанова)

сии, обусловленные исторически и распространяющие своё безграничное влияния на судьбы рядовых граждан.

Как уже указывалось, прогностическую функцию реализуют преимущественно иноязычные элементы, расположенные в заглавии или эпиграфе. Однако в единичных случаях подобная роль свойственна иноязычиям, включённым непосредственно в текст произведений. Фрагмент католического гимна «*Stabat Mater*»¹ из рассказа «Возвращение» прогнозирует кончину одного из персонажей:

- «И два волшебных женских голоса запели:

Мать скорбящая стояла, вся в слезах, а на кресте...

Профессор, лёжа на спине, дирижировал, устремив взор в потолок.

*Dum endebat Filius*²» [Хазанов, 2005, с. 81].

Таким образом, прогностическую функцию в языке автора выполняют преимущественно иноязычные элементы, расположенные в заглавии или эпиграфе, в краткой форме отражая программу литературного произведения. В отдельных случаях такую роль играют иноязычия, введённые в корпус текста. Для реализации прогностической функции, в том числе, используются интертекстуальные единицы (цитаты и философские понятия), поскольку они способны акцентировать внимание на главной идее текста, выявить новый смысл, возникший в результате наложения и смещения прежних смыслов. Часто для изменения исходного смысла цитаты подвергаются преобразованиям и редукции. В прогностической функции задействовано относительно небольшое количество иноязычий (5 %).

2.1.5. Иноязычие как компонент языковой игры

Исследование лингвистического явления «языковая игра» нашло отражение в работах многих современных учёных. И у каждого лингвиста за термином «языковая игра» закреплён разный объём понятия. В.Г. Санников под «языковой иг-

¹лат. Стояла Мать (перевод автора – М.К.)

²лат. когда на нем висел Сын (перевод Б. Хазанова)

рой» понимает «языковую шутку» [Санников, 2002, с. 14]. Схожую трактовку этого феномена предлагают И.Н. Горелов и К.Ф. Седов, указывая, что языковая игра «имеет установку на комический эффект», воплощая в себе «веселую, смеховую грань речевой деятельности человека» [Горелов, 2001, с. 181]. Такой подход, как кажется, существенно сокращает функциональный репертуар языковой игры, которая, помимо комического эффекта, может реализовать эмотивную функцию языка, «может иметь изобразительный характер» [Земская, Китайгородская, 1983, с. 174]. Близкой точки зрения придерживается А.П. Сковородников, понимая под языковой игрой «творческое нестандартное использование <...> языковых единиц и категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера» [Сковородников, 2003, с. 802]. На основе приведённых определений применительно к данной работе вслед за А.П. Сковородниковым языковая игра будет трактоваться как творческое нестандартное использование иноязычий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера.

Анализ языкового материала был произведён на основе классификации средств и приёмов языковой игры, предложенной Е.А. Земской, М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, которые выделяют две основные группы: балагурство и острословие; в свою очередь каждая из них включает другие частные подгруппы [Земская, Китайгородская, 1983, с. 175]. Классификация была использована в проекции на разговорную речь, однако авторы обращают внимание на то, что острословие и балагурство «свойственно явлениям языковой игры, наблюдаемым в художественной литературе» [Там же].

Необходимо отметить, что балагурство не распространено в языке автора. Однако язык его изобилует **острословием: цитация, метафорические номинации, приём стилового контраста, сравнение и словообразовательная игра.**

Цитация. Среди приёмов языковой игры, характерных для авторского словоупотребления, доминирующее положение образует цитация. Обращение к цитации обусловлено тем, что «цитата – это своего рода сигнал, вызывающий целый комплекс ассоциативных представлений; игра строится на столкновении объёма

информации, стоящего за определённой цитатой, и конкретной ситуацией общения» [Там же, с. 205].

В романе «После нас потоп» автор использует итальянский элемент, заимствованный у А.С. Пушкина:

- «Воздвигнут объединенными стараниями приближенных и вдов. *Perché la grande regina n'aveva molto!*¹ У хана их было много» (*sic*) [Хазанов, 2010а, с. 281].

В следующем после иноязычной цитаты предложении фактически даётся её перевод, изменён лишь субъект действия. Тем не менее, смысл контекста остаётся достаточно завуалированным. Раскрыть полное значение фразы помогает первоисточник цитаты – повесть А. С. Пушкина «Египетские ночи», где итальянскому вкраплению предшествует русское предложение: «о каких любовниках здесь идет речь» [Пушкин, 1981, с. 134]. Позволяя соответствующим образом интерпретировать контекст в романе Б. Хазанова, иноязычная цитата обнаруживает некоторые факты личной жизни персонажа.

Другим приёмом можно обозначить трансформацию исходного заимствованного фрагмента:

- «*Poor*² Жорик. Его подняли. Он въехал мне на живот и молотнул еще раз» [Хазанов, 2006, с. 54].

Как очевидно, цитата восходит к трагедии У. Шекспира «Гамлет» и представляет собой знаменитые слова принца «*Poor Yorick!*»³, подвергшиеся некоторым изменениям. В данном случае языковая игра основана на созвучии английского и русского имён. Для наибольшего сходства с английским антропонимом к русскому имени автор добавил диминутивный суффикс -ик-, что усилило комический эффект.

Вместе с тем, источниками заглавий могут быть названия книг и фильмов:

¹итал. Потому что у великой царицы было много... (А.С. Пушкин «Египетские ночи»)

²англ. бедный

³англ. бедный Йорик (У. Шекспир «Гамлет»).

- «И отвечал, стаскивая в сених заляпанные глиной сапоги: Россия. *Ex Oriente lux!*¹» [Хазанов, 2004, с. 76];
- «Я увидел её как-то раз. Потом снова увидел. Ты будешь смеяться, но мне показалось, что это та самая женщина. *Frau meiner Träume*²» [Там же, с. 196].

В первом примере, хотя не даётся никаких указаний на первоисточник иноязычия, предположим, что фраза восходит к произведению В. Соловьёва «*Ex Oriente lux*», в котором приводятся размышления о судьбе России, её великом предназначении. Стилистический эффект основан на контрасте между мнимым возвышенным образом России, сформированным героем, и отражением убогой неприглядной реальности российской глубинки, которое не имеет ничего общего с этим идеалом.

Во втором случае источником иноязычного вкрапления «*Frau meiner Träume*» послужил одноимённый немецкий кинофильм³. Иноязычный элемент свидетельствует о неравенстве в социальном и культурном статусах персонажей.

Метафорические номинации. Как известно, в целом для художественной прозы характерно употребление слов в их переносном значении. Вслед за Н.Д. Арутюновой можно отметить, что в метафоре «заключено имплицитное противопоставление обыденного видения мира необычному, вскрывающему индивидуальную сущность предмета» [Арутюнова, 1990, с. 18]. Таким образом, метафора реализует в художественном тексте функцию создания неповторимого образа. В метафоре, по мнению Н. Д. Арутюновой, «противопоставлены отстраненная от человека действительность и мир» автора, «разрушающего иерархию классов, способного не только улавливать, но и создавать сходство между предметами» [Там же]. Авторские метафорические переносы, основанные на неожиданном и ярком образном сравнении, являются украшением художественного текста, по-

¹лат. Свет – с Востока! (перевод Б. Хазанова)

²нем. девушка моей мечты (перевод Б. Хазанова)

³режиссёр – Георг Якоби, в главной роли – Марика Рёкк (комментарий автора – М.К.)

зволяя автору акцентировать внимание читателей на определённой, имеющей основополагающее значение детали.

При структурном анализе метафор были выделены **субстантивные и генитивные метафоры**.

Субстантивные метафоры. Одна из особенностей языка автора заключается в употреблении экзотизмов (преимущественно названий мифических существ) в переносном значении. Как правило, это «освоенные реалии», восходящие к античной и германской мифологии. В романе «Антивремя» главный герой уподобляет своего друга распутному демону – «*инкубу*»¹ из-за порочной связи с родной сестрой:

- « – Ты его не знаешь, а я знаю, – проговорила Вика.
– Нет, знаю, знаю! – хотелось мне крикнуть. Знаю! Лунный оборотень! *Инкуб!*» [Хазанов, 1991, с. 215].

В метафоре «*инкуб*» заключена двойная позитивно-негативная авторская оценка, в соответствии с которой лучший друг сопоставляется со злом, а его сестра представляется невинной жертвой сложившейся ситуации.

Герои романа «Нагльфар в океане времён» становятся невольными участниками любовного треугольника. Сравнивая себя с опытной Верой, юная Люба осознаёт свои недостатки, которые воплощаются в иноязычиях «*кобольд*»² и «*андрогин*»³ [Хазанов, 1993, с. 73]. Знаменательно, что сам Бахтерев сравнивает Любу с «*суккубом*»⁴ [Там же, с. 176]. Лексема свидетельствует о безудержном чувстве, которое пробуждает в главном герое неприметная девочка-подросток.

Мифические номинации применяются автором для описания абстрактных понятий, оживляя их и создавая запоминающийся образ. В романе «Вчерашняя

¹от лат. *incubus, incubare* «возлежать сверху» – демон в образе мужчины, являющийся женщине для интимного контакта против её воли

²от нем. *Kobold* – в германской мифологии – нечистый дух, вроде русского домового (комментарий Б. Хазанова)

³от греч. *υδρογυνος*: от *υδρας* (муж, мужчина) и *γυνή* (женщина) – мифологическое двуполое существо, наделённое внешними признаками обоих полов (комментарий Б. Хазанова)

⁴от лат. *succubare* «лежать снизу» – дьявол в женском облике, демоница, приходящая ночью к мужчинам для интимного контакта (комментарий Б. Хазанова)

вечность» Борман сопоставляет коррупцию с драконом «*Фафнером*»¹, намекая на невозможность искоренить эту социальную проблему:

- «Цивилизация зашла в тупик. В этот тупик её загнала коррупция, власть золота, тот самый дракон *Фафнер*» (*sic*) [Хазанов, 2010, с. 246].

Отдельно стоит отметить метафоризацию в языке автора биологических номенклатур:

- «Вот почему не было неожиданностью, когда культовым певцом популярнейшего поп-ансамбля стал крупный гамадрил, иначе плащеносный павиан *Pario hamadryas*» [Там же, с. 347].

В приведённом примере автор дублирует русское словосочетание латинским, указывая на реальное существование подобного животного. Метафора основана на внешней идентичности денотатов, поскольку для самцов данного вида обезьян характерно наличие на голове длинной шерсти, что проявляет их сходство с некоторыми современными певцами.

Генитивные метафоры составляют абсолютное большинство в языке Б. Хазанова. Подобная тенденция характерна для многих писателей, поскольку, как полагает известный исследователь в области метафоры О.И. Глазунова, «генитивные конструкции сочетают в себе компактность формы с полнотой выражения содержания» [Глазунова, 2000, с. 156].

Структура генитивных конструкций, как правило, двухкомпонентна, где термины образуют коннотативное ядро, выступая в роли определяемого слова («*диминуэндо шеи*», «*форшлаг сосков*», «*кантилена живота*», «*гипертрофия памяти*» и др.).

В романе «После нас потоп» автор уподобляет изгибы женского тела проникновенной мелодии с её неповторимым рисунком, построениями и периодами. Благодаря такому приёму автор, подобно гениальному художнику, передаёт читателю всю красоту и прелесть женского начала:

¹Фафнир – в скандинавской мифологии один из двух братьев-карликов, убивший отца, чтобы завладеть золотым кладом. Фафнир принял образ дракона и стал хранителем золота

- «Вот: круглый, слегка подтянутый к нижней губе подбородок, затем плавное *диминуэндо*¹ шеи, переходящее в проникновенную песнь, в торжествующий дуэт грудей, который завершает легкая *фиоритура*², *форшлаг*³ сосков, при этом второй форшлаг как бы эхом звучит позади первого. <...> После чего мелодия, нисходя, делает небольшой ритмический перебой: вы слышите *синкопу*⁴, теплая тяжесть молочных желез <...> переходит в задумчивую, прохладную *кантилену*⁵ живота» [Хазанов, 2010а, с. 292].

Хотя для неискущённого читателя семантика большинства таких терминов останется сокрытой, уже формальные особенности данных лексем позволяют сформировать запоминающийся яркий образ.

Следует заметить, что другие приёмы острословия, в состав которых входят иноязычные компоненты, не распространены в языке автора и носят единичный характер. Среди них можно отметить **приём стилового контраста, сравнение и словообразовательную игру.**

Приём стилового контраста. Стилиевой контраст основан на перемещении слова или выражения из одного стиля в другой, что «порождает резкий диссонанс, который <...> используется как средство комизма» [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993, с. 186]:

- «Окончен краткий *спич*⁶ духовного лица, взметнулся, помахивая семо и овамо, просторный рукав чёрной шёлковой рясы» [Хазанов, 2010, с. 415].

В данном контексте резкий контраст обусловлен столкновением иноязычия «*спич*» и русского словосочетания «духовное лицо», вследствие чего происходит пейорация русского слова, снижение его характеристик. Использование этой лек-

¹от итал. *diminuendo* – постепенное уменьшение силы звука

²от итал. *fioritura* – цветение – музыкальное украшение в вокальной или инструментальной партии, один из способов аранжировки

³от нем. *Vorschlag* – вид мелизма, представляющий собой один или несколько коротких звуков, стоящих перед основным (украшаемым) звуком)

⁴от греч. *συνκοπή* (*синкопé*) – смещение ритмической опоры (акцента) с сильной доли такта на слабую

⁵от итал. *cantilena* – широкая, свободно льющаяся напевная мелодия

⁶от англ. *speech* – речь

семьи неслучайно, поскольку на примере отдельно взятой бытовой ситуации автор попытался охарактеризовать негативные процессы в российском обществе и в духовно-нравственной сфере в частности.

Сравнение. Воплощая в сравнении зрительное сходство между предметами и явлениями, автор фокусирует внимание читателя на их важных свойствах.

В романе «Вчерашняя вечность» один из персонажей сопоставляется с «*инсектом*»¹:

- «А между тем он спокойно сидел за двойной дверью, <...> словно *инсект*, покачиваясь, как в гамаке, посреди своей сети, слабо поблескивающей в оловянном свете луны» [Хазанов, 2010, с. 415].

В данном случае, несмотря на традиционную синтаксическую структуру сравнительной конструкции, которая вводится в предложение союзом «словно», выразительность сравнения достигается за счёт развёртывания объекта сравнения, его усложнения.

Словообразовательная игра. В рассказе «Ксения» автор обыгрывает имя одной немецкой девушки «*Лизбет*», поменяв местами слоги в слове, что привело не только к формальным изменениям, но и преобразило содержательную сторону лексемы, поскольку в немецком языке слово «*Bett*»² обладает самостоятельной семантикой и в составе композита в препозиции имеет значение «постельный». И новая лексема может быть переведена как «постельная Лиза»:

- «Этот Филипп когда-то посадил в крепость одного нашего предка, который тоже был стихотворцем, автором сатирических куплетов о некой даме по имени Лизбет, наложнице ландграфа. При этом он называл её *Беттлиз*³» [Хазанов, 2005, с. 196].

Итак, автор продуктивно использует иноязычные компоненты в составе языковой игры как действенный стилистический приём. Важно отметить, что яв-

¹от лат. *insecta* – насекомые

²нем. *Bett* – постель

³от нем. *Bettlise* – игра слов: постельная Лиза (перевод Б. Хазанова)

ления языковой игры в языке автора не только реализуют комический эффект, но и привлекают своей выразительностью внимание читателей к наиболее значимым в содержательном плане, порой завуалированным, элементам. Выполняя эмотивную функцию, явления языковой игры служат для создания запоминающегося образа, а также для характеристики героев, описания и оценки ситуаций. Общее количество иноязычий в качестве компонентов языковой игры составляет 5% по отношению к другим функциям. Среди приёмов языковой игры, характерных для авторского словоупотребления преобладающее большинство образуют цитация и метафорические номинации. Причём нередко метафоризации подвергаются абстрактные понятия, что привлекает внимание к таким значимым в содержательном плане элементам.

2.1.6. Эвфемистическая функция иноязычия

В одном из своих произведений Б. Хазанов писал, что «на чужом языке можно говорить о вещах, которые на своем родном невозможны», поскольку «слова не так обжигают, как на родном языке» [Хазанов, 2010а, с. 171]. Это высказывание раскрывает ещё одну особенность иноязычных единиц – возможность их использования в эвфемистической функции.

Как известно, эвфемизации подвергаются предметы и явления, в том числе, затрагивающие интимную жизнь людей. Однако в интерпретации автора «маскируются» те денотаты, относящиеся к мужской интимной сфере, которые отражают мужскую слабость. Для прочих используются прямые номинации:

- «*Locus minoris resistentiae*¹» (*sic*) [Хазанов, 1991, с. 98].

Характерно, что и перевод медицинского термина не даёт полного представления о болезни героя. Это своеобразный намёк, способный вызвать у читателя определённую догадку, которая затем подкрепляется контекстом.

¹лат. место наименьшего сопротивления, слабое место

В произведениях автора прослеживается явное преклонение перед красотой женского тела. И, безусловно, возвышенный образ женского начала не может быть разрушен «банальными» физиологическими процессами, присущими женскому организму, поэтому для смягчения их сущности автор обращается к иноязычным эвфемизмам, в виде специализированной медицинской лексики:

- «Вы хотите сказать – если у жены *регулы*¹?» [Хазанов, 2001, с. 223].

Очевидно, в данном случае автор отказывается от медицинского термина «менструация», перешедшего в современном русском языке в прямое наименование, и производит эвфемистическую замену на другую узкоспециализированную лексему «*регулы*», вуалирующую в некоторой степени названное явление.

Непрямая номинация встречается при обозначении наркотиков. Характерно, что автор включает её в речь персонажа, указывая на психологические причины использования камуфлирующего наименования:

- «– Эх, милый. Да если б не *штоф*²...

– *Штоф*.

– Ну да. Он там живёт, он живой, а ты не знал? Спит в ампуле, всё равно как ребёнок в материнной утробе. Ты его впусти в кровь, он проснётся. Если бы не он, я бы давно уже лапти откинула, ручкой махнула бы всем вам» [Хазанов, 2010, с. 339].

Эвфемизм «*штоф*» свидетельствует о нежелании героя признать свою зависимость от наркотического вещества. Помимо этого, употребление данного иноязычия вызвано потребностью в конспирации.

Таким образом, для эвфемизации денотатов автор привлёк лишь три иноязычных элемента. В целом эвфемизмы редки в языке автора, поскольку даже для предметов и явлений из интимной сферы используются прямые номинации. Ис-

¹от лат. *regula* – менструация

²от нем. *Stoff* – наркотик

ключение представляют мужские заболевания и физиологические процессы, свойственные женскому организму.

2.1.7. Эмоционально-оценочная функция иноязычия

Немаловажным компонентом коммуникации представляется выражение отношения говорящего к предмету сообщения или адресату речи. Традиционно, отношение к обозначаемому предмету или явлению передаётся эмоционально-оценочными языковыми единицами, содержащими в своём значении эмотивную и оценочную составляющие. При этом эмоциональный компонент коннотации слова, как свидетельствует Ж.А. Вардзелашвили, «отражает факт эмоционального переживания субъектом определенного явления действительности». В свою очередь, «оценочный компонент <...> заключается в выражении одобрительной/неодобрительной оценки предмета речи» [Вардзелашвили, 2000, с. 18].

Безусловно, эмоционально-оценочные составляющие присутствуют в семантике некоторых иноязычных слов. Эмоциональная оценка может быть одним из компонентов значения иноязычия либо проявляться в новых условиях употребления иноязычного слова под влиянием русскоязычного контекста.

Среди иноязычных слов, у которых эмоционально-оценочный компонент включен в семантическое значение, ведущую позицию в языке автора занимают специализированные лексемы. Общеизвестно, что термины обладают рядом особенностей, среди которых однозначность и стилистическая нейтральность. Однако в пределах ненаучного текста термины могут подвергаться полной детерминологизации, приобретая несвойственные им прежде коннотации, расширяя при этом не только границы полисемии, но и свой функциональный репертуар.

В следующих примерах автор персонифицирует такие неодушевлённые понятия, как «память» и «русский язык», наделяя их некоторыми свойствами живого организма:

- «*Гипертрофия*¹ памяти – старческий недуг наподобие *гипертрофии* предстательной железы» [Хазанов, 2010, с. 199];
- «Русский язык болен, уважаемая. Болезнь сопровождается приступами лихорадки <...>. Достаточно взглянуть на засохшие извержения языка 20-х годов, на эти пятна рвоты <...>. Все симптомы того, что врачи называют *пиемией*², гноекровием» [Там же, с. 430].

В рамках научного стиля медицинским терминам, номинирующим недуги, свойственна нейтральность, поскольку их главное назначение заключается в передаче значимой объективной информации. Пейоративная модальность в ненаучном тексте связана с особенностью в ассоциативном восприятии таких лексем, которые, как правило, у простых обывателей вызывают негативные эмоции. Усилению пейоративной оценки способствует дополнительный пример с указанным термином «*гипертрофия предстательной железы*», где автор пользуется соответствующим приёмом, когда недуги «ниже пояса» связаны у реципиентов с ещё большей антипатией. С этой же целью во втором примере медицинский термин сопровождается русским переводом (*пиемия – гноекровие*).

У некоторых терминов иноязычного происхождения можно обнаружить **контекстуальную оценку**:

- «Может быть, они толкались вместе с нами в метро и пригородных поездах, числились на разных работах, <...> на самом деле все они были социальным *детритом*³, все были нулевой класс» [Хазанов, 2010 с. 380].

Определение «социальный» указывает на новую сферу употребления биологического термина «*детрит*», который в нехарактерном для него окружении не только обозначает общественный феномен, но и даёт ему отрицательную оценку.

¹от др.-греч. ὑπερ- «через, слишком» и τροφή «еда, пища» – увеличение объёма и массы органа, клеток под влиянием различных факторов

²от лат. pyaemia – гнойное заражение крови

³от лат. detritus – мертвое органическое вещество, которое состоит из останков беспозвоночных животных, выделений и костей позвоночных животных

Нередко оценочный компонент присутствует в обращениях. Обращения с эмоционально-оценочной окраской представляют определённую ценность для писателей, поскольку способны в полной мере выразить отношение одного персонажа к другому. В качестве обращения к русской графине с немецкими корнями в речи персонажа применяется вкрапление «*Frau Baronin*»:

- «*Sie sagen es, Frau Baronin*¹» [Там же, с. 218].

Однако, как пишет немецкий лингвист Л. Райнерс «*Stilfibel: der sichere Weg zum guten Deutsch*» в работе «Азбука стиля: путь к правильному немецкому», такая форма обращения в настоящее время непопулярна [Reiners, 2001, S. 205]. На современном этапе развития немецкого языка при обращении к знатной персоне лексема «*Frau*» опускается, хотя в ранние времена одновременное употребление слова «*Frau*» с титулом акцентировало внимание на больших заслугах индивидуума. Вероятно, в данном случае подобное сочетание лексем является свидетельством глубокого уважения героя к баронессе.

Характерно, что схожая форма обращения в повести «Русский путь» при передаче высказывания косвенной речью переходит в субъект действия, что также отражает почтительное отношение персонажа к героине:

- «Я спросил, не устала ли *Frau Gräfin*²» [Хазанов, 2009, с. 231].

Актуализируя свойство некоторых иноязычий, как эмоциональная оценка, автор предлагает читателю субъективную точку зрения на рассматриваемое явление или предмет, оказывая тем самым определённое воздействие, которое должно вызвать у читателя соответствующие эмоциональные впечатления. В выражении пейоративной оценки доминирующую роль играют медицинские и биологические номенклатуры. Среди иноязычных элементов с мелиоративной оценкой ведущую позицию в языке автора занимают обращения.

¹ нем. совершенно верно, баронесса (перевод Б. Хазанова)

² нем. графиня

2.1.8. Иноязычные единицы как элементы языковой картины мира писателя

Человек познает мир, получая при этом определённые знания о различных предметах, событиях, процессах реальной действительности. На основе этих знаний у него формируется индивидуальное представление об окружающей его реальности, которое исследователи обозначают картиной мира. Человек воспринимает мир, отмечает М. Хайдеггер, как картину [Хайдеггер, 2004, с. 240]. При этом картина фиксирует в себе определенный образ мира, который, однако, не является её точным воспроизведением [Серебренников, Кубрякова, 1988, с. 60].

У разных народов под влиянием культуры и окружающей среды формируется особое видение мира, находящее отражение в языке. Тем не менее, «нельзя на естественном языке описать „мир как он есть“: язык изначально задаёт своим носителям определённую картину мира, причём каждый данный язык – свою» [Падучева, 1996, с. 5–6]. Таким образом, в языковой картине мира запечатлеваются и знания о мире, и «заблуждения относительно того же самого мира, ощущения мира, процесс и плоды созерцания мира, его оценки, фантазии и мечты о мире, вымыслы» [Корнилов, 2003, с. 98].

В современной лингвистике разделяют понятия «национальная языковая картина мира» и «индивидуальная языковая картина мира». Национальная языковая картина мира представляет собой отражение коллективного опыта определённого социума. У каждого народа формируется самобытное, отличное от других мировидение, запечатлённое в языке. Индивидуальная же языковая картина мира поступательно строится в сознании человека в раннем детстве с началом усвоения языка того этноса, к которому он принадлежит. Между тем, языковые картины мира у отдельных индивидов, принадлежащих одному языковому сообществу, не идентичны. Разница эта проявляется в количественном и качественном составе словарного запаса каждого из них. Указывая на уникальность «индивидуальной

языковой картины мира» каждого человека, О.А. Корнилов сравнивает её с неповторимыми отпечатками пальцев или рисунком сетчатки глаза [Там же, с. 114].

Безусловно, в сознании любого писателя как представителя определённого народа складывается национально-специфическая языковая модель мира. Но, в отличие от других, она проходит через художественное осмысление, наполняя язык особой стилистикой, неповторимой тональностью, самобытной метафоричностью.

Языковая картина мира писателя, обладающего более восприимчивой субстанцией, в большей степени подвержена изменениям, которые обусловлены в первую очередь не получением новых знаний о мире, а изменяющимися условиями повседневной жизни. Особенно явно эти процессы, думается, можно наблюдать в языке писателей-эмигрантов.

К языковым средствам, формирующим языковую картину мира, исследователи относят «слова, словоизменительные и словообразовательные формативы и синтаксические конструкции» [Серебренников, 1988, с. 6].

В процессе исследования были отобраны языковые элементы, отражающие мировидение автора и составляющие фрагменты его языковой картины мира, среди которых **цитаты, крылатые слова и выражения, иноязычные термины.**

Цитаты. Необходимо отметить, что в данном исследовании уже были освещены некоторые аспекты цитации, характерные для творчества автора, в частности – цитаты, выполняющие функцию языковой игры. В этом параграфе цитаты рассматриваются в другом аспекте: как отражение индивидуальной языковой картины мира писателя.

Цитаты представляют собой обычное явление в литературе зарубежья. Для языка Б. Хазанова также характерны элементы цитации. Поскольку в произведениях автора представлены фрагменты текстов на разных языках, его можно отнести к художникам, обладающим самобытным поликультурным сознанием. В свои произведения он продуктивно вводит интертекстуальные единицы, которые отсылают к различным историческим эпохам, цивилизациям. Цитаты – это своеоб-

разные маркеры эрудированности, имплицитно отражающие литературные вкусы и предпочтения автора.

Одним из основных источников цитат можно обозначить трагедию В. Гёте «Фауст» (см. Приложение 2). И это не удивительно, поскольку знакомство автора с «волшебными стихами», «мистикой готического шрифта» произошло ещё в детстве, что, безусловно, отразилось на авторском мировосприятии [Хазанов, 2009, с. 11].

Цитатами из «Фауста» пронизан роман «К северу от будущего». Так, автор включает в контекст, где приводится описание здания университета, соответствующее главному университету страны, знаменитые слова из «Посвящения» к «Фаусту»:

- *«Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten!»* [Хазанов, 2004, с. 20].

В данном фрагменте происходит слияние авторской и интериоризованной речи персонажа. А использование немецкого вкрапления сигнализирует о том, что картины, иллюстрирующие интерьеры и экстерьеры университета, представляют собой воспоминания автора, органично вплетённые в речь героя.

Более того, в авторском понимании язык «Фауста» – это своеобразный язык-код, который позволяет собеседникам общаться и не быть понятыми другими лицами:

- «И Марик по внезапному наитию продекламировал из „Фауста“:

„Ich wünsche recht gelehrt zu werden

Und möchte gern, was auf der Erden

Und in dem Himmel ist, erfassen,

Die Wissenschaft und die Natur”².

На что окончательно пробудившийся профессор Данцигер живо ответил:

„Da seid Ihr auf der rechten Spur”¹» [Там же, с. 34].

¹нем. Вы вновь со мной, туманные виденья (В. Гёте «Фауст» Перевод Н. Холодковского)

²нем. Желаю стать настоящим учёным, объять всё, что есть на небе и на земле, постичь природу и все науки)

Стоит отметить, что в другом романе: «Плюсквамперфект и другие времена» – цитата из трагедии В. Гёте, отсылая читателя к первой встрече Мефистофеля и Фауста, имплицитно свидетельствует об особенностях профессиональной деятельности персонажа – профессора Гартмана:

- «*Wozu der Lärm? was steht dem Herrn zu Diensten?*²» [Хазанов, 2009, с. 127].

Многие цитаты заимствуются из французской литературы (см. Приложение 2). Особой симпатией пользуется М. Пруст. Выдержки из произведений французского писателя становятся некими постулатами, определяющими жизненную позицию автора. Следующий отрывок фигурирует в романе «Вчерашняя вечность» дважды:

- «*Il en est ainsi de notre passé. C'est peine perdue que nous cherchions à l'évoquer*³» (*sic*) [Хазанов, 2010, с. 332, 435].

В первом случае фраза раскрывает специфику творчества главного героя, нашедшую отражение «в труде всей его жизни» – биографическом романе, где вымысел смешался с былью, и порой сам персонаж не может определить, какие события произошли с ним наяву. Во втором случае цитата описывает эмоциональное состояние главного героя много лет спустя, когда он встречает «призрак» из прошлого, который воскрешает в его памяти некоторые эпизоды минувших дней, предстающие, однако, в образе фантомов, лишенных чётких очертаний, и растворяющихся в легкой дымке при каждой попытке сознания зацепиться за них.

Так ведёт себя человеческая память по отношению к тем событиям, которые произошли во взрослом возрасте. Иначе обстоит дело с детскими воспоминаниями:

¹ нем. (Мефистофель): В таком случае вы на верном пути. (В. Гёте «Фауст». Перевод Б. Хазанова)

² нем. К чему шум? Что я могу для Вас сделать? (В. Гёте «Фауст». Перевод автора – М.К.)

³ франц. Вот так же обстоит и с нашим прошлым. Попытаться воскресить его – напрасный труд. (М. Пруст «По направлению к Свану». Перевод Б. Хазанова).

- *«Il y avait déjà bien des années que, de Combray, tout ce qui n'était pas le théâtre et le drame de mon coucher n'existait plus pour moi¹» (sic)* [Там же, с. 330].

Как известно, «дом в Комбре» является неким пучком образов, восходящих к детству М. Пруста. В главе, из которой была заимствована цитата, французский литератор описывает, как незначительный предмет способен оживить потускневшие со временем воспоминания о «лучшем времени жизни». Для героя романа «Вчерашняя вечность» таким проводником в прошлое становится девочка-соседка.

Другим источником цитат служит жизнь и творчество Ш. Бодлера:

- *«Viens sur mon coeur, âme cruelle et sourde,
Tigre adoré, monsieur aux airs indolents;
Je veux longtemps plonger mes doigts tremblants
Dans l'épaisseur de ta crinière lourde² ...» (sic)* [Хазанов, 2010 б, с. 344].

Важно отметить, что Б. Хазанов приводит заимствованный поэтический текст без ссылки на авторство французского поэта и критика, однако в подстрочном переводе указывается название произведения. Общеизвестно, что сборник стихотворений «Цветы зла» (1857 – 1868) содержит некоторые факты из биографии поэта. Четвёртая глава, из которой заимствовано стихотворение «Проклятые женщины», повествует о грехах и искушениях, увлекших Ш. Бодлера. Принимая это во внимание, можно предположить, что автор выстраивает связи не с самим стихотворным произведением, а с биографией французского поэта.

Помимо этого, автор черпает вдохновение в произведениях О. Бальзака, Р. Киплинга, М. Юрсенар и др. (см. Приложение 2).

¹франц. Уже много лет для меня ничего не существовало в Комбре, кроме подмостков и самой драмы моего отхода ко сну. (М. Пруст «По направлению к Свану». Перевод. Н. Любимова).

²франц. Сюда, на грудь, любимая тигрица, / Чудовище в обличье красоты! / Хотят мои дрожащие персты / В твою густую гриву погрузиться. / В твоих душистых юбках, у колен, / Дай мне укрыться головой усталой / И пить дыханьем, как цветок завялый, / Любви моей умершей сладкий тлен. (Ш. Бодлер «Проклятые женщины». Перевод А. Эфрон)

Таким образом, цитата характеризует личность писателя, так как выбор чужого слова всегда подчиняется воли автора и зависит от его эстетических установок и художественных намерений, то есть цитата выполняет функцию самовыражения автора.

Крылатые слова и выражения. Крылатые слова и выражения функционируют в художественном тексте автора, «как сентенции – носители вечных истин» и охватывают различные аспекты действительности, от интимных – до философских [Земская, 1996, с. 161].

Извлечённые из языкового материала крылатые слова были сгруппированы по областям действительности, с которыми они соотносятся: 1) смысл человеческого бытия; 2) отношения между мужчиной и женщиной; 3) тоталитарный режим; 4) религия.

Смысл человеческого бытия. Большинство крылатых слов носят философский характер и коррелируют с фазами бытия. Как правило, изречения включаются в текст после какой-либо ситуации, подкрепляя в сжатой форме мысль. В рассказе «Старики» автор резюмирует идею о быстротечности жизни отрывком из оды Горация «Увы, о Постум, скоротечных лет подобен ветру», в которой римский поэт размышляет о старости и неизбежности смерти:

- «Продекламировать вдвоем: *Eheu fugaces, Postume, Postume, labuntur anni¹*» (*sic*) [Хазанов, 2003, с. 28].

Этот же фрагмент включён в роман «Вчерашняя вечность». Однако автор редуцирует изречение, выстраивая новый смысловой ракурс, и использует его как вывод к контексту, в котором повествуется о произошедших переменах в доме, где проживает главный герой:

- «*Fugaces labuntur anni!²*» (*sic*) [Хазанов, 2010, с. 359].

¹лат. Увы, летучие, Постум, проносятся годы (Гораций «Увы, о Постум, скоротечных лет подобен ветру. Перевод Б. Хазанов)

²лат. Уносятся быстротечные годы. (Гораций «Увы, о Постум, скоротечных лет подобен ветру». Перевод Б. Хазанов)

Отношения между мужчиной и женщиной. Гендерные отношения составляют предмет повествования многих произведений автора. И часто для их художественного изображения применяются крылатые слова в графике языка источника, которые, с одной стороны, служат средством языковой экономии, поскольку обладают сжатостью; с другой же – носят по сравнению с их русскими эквивалентами более возвышенный характер:

- «В конспиративном заведении Олега Эрастовича смотрины были неким эквивалентом того, что некогда называлось *jus primae noctis*¹» (*sic*) [Хазанов, 2010, с. 359];
- «Это был не то чтобы юношеский роман, а что-то вроде *amitié amoureuse*²» (*sic*) [Хазанов, 2004, с. 231];
- «– Это называется *ménage à trois*³.

Она не поняла.

– Брак втроём. Как ты на это смотришь?» (*sic*) [Хазанов, 2009, с. 182].

Закономерно, что большинство единиц этой группы восходят к французскому языку. Употребление именно галлицизмов обусловлено языковой традицией, берущей начало в XVIII веке, когда, как известно, русско-французское двуязычие было нормой среди высшего общества, и «весьма интенсивное использование французского языка в дворянской среде являлось не только (и не столько) данью моде, но было результатом потребности российского образованного общества в лексически и стилистически богатом и развитом языке» [Блинохватова, 2005, с. 66]. В то время как на русском языке данные понятия попросту отсутствовали.

Тоталитарный режим. Арест, лагерь, постоянные гонения, отсутствие условий для самореализации вынудили в своё время автора покинуть пределы родины и обосноваться в Германии, предложившей массу возможностей.

¹франц. право первой ночи (перевод Б. Хазанов)

²франц. влюблённая дружба (перевод Б. Хазанов)

³франц. брак втроём (перевод Б. Хазанов)

Для этого периода свойственны речения, которые характеризуют условия проживания в тоталитарном обществе. Крылатое выражение «*Un homme averti en vaut deux*»¹ определяет линию поведения граждан в подобных обстоятельствах:

- « – Вот видите, – сказал писатель, показывая глазами на нищего. – Помолчим немного. *Un homme averti en vaut deux*... – Почему вы так резко обошлись с ним? И что вы хотели этим сказать – *un homme averti*²? Он показался вам подозрительным?» (*sic*) [Хазанов, 2010, с. 424].

В следующем примере герой средствами латинского языка предрекает свою трагическую судьбу:

- «*De te fabula narratur*³, сказал себе профессор Данцигер, при этом он моргал, как филин, и поглядывал на сидящих» (*sic*) [Хазанов, 2004, с. 176].

Классический принцип справедливости «*Suum cuique*»⁴ приобретает в романе «Плюсквамперфект и другие времена» негативный оттенок. Венчая ворота печально известного концлагеря «Бухенвальд», крылатое выражение стало в Новейшей истории своеобразным лейтмотивом Третьего Рейха. Через отождествление гитлеровского и сталинского режимов выражается жёсткая критика тоталитаризма.

- «*Suum cuique!* Ты это заслужил. Каждый заслужил свою судьбу... Ты-то хоть понимаешь, что оказался здесь не зря?» (*sic*) [Хазанов, 2009, с. 139].

Религия. Несомненно, религия для автора как представителя еврейского народа является неотъемлемой частью культуры. В своих произведениях автор не раз обращался к религиозной тематике, используя библейские сюжеты. Однако собственно крылатые выражения о Боге в его интерпретации наполнены неким сарказмом и иронией, поскольку выражают отношение к религии не автора, а

¹лат. Бережёного Бог бережёт (перевод Б. Хазанов)

²лат. предупрежденный человек (перевод Б. Хазанов)

³лат. О тебе сказка сказывается (перевод Б. Хазанов)

⁴лат. Каждому своё (перевод Б. Хазанов)

простого обывателя, становясь своеобразными свидетельствами о снижении уровня ценностей, напускной религиозности современного жителя метрополии.

Главный герой рассказа «Возращение» предлагает на ампулах с наркотиками сделать надпись «на целительной латыни»:

- «*Pax in terra et in hominibus benevolentia*¹» (sic) [Хазанов, 2005, с. 81].

Цитата в переиначенной форме заимствована из первой части «Великого славословия»², которая начинается словами из Евангелия от Луки: «*Gloria in excelsis Deo, et in terra pax, hominibus benevolentia*»³. Как отмечает В.В. Серов, эта фраза в обыденной ситуации используется в церковно-славянской версии для иронического выражения чувства глубокого удовлетворения [Серов, 2005, с. 448]. По-видимому, автор иронически отождествляет поклонение Богу с поклонением наркотикам.

В следующем примере крылатому выражению предшествует сцена избивания главного героя. Изречение отражает негативные процессы, происходящие в российском обществе в 90-х гг. прошлого столетия, когда жизненные принципы, основанные на морали и добродетели, подменялись первобытнообщинными законами выживания. И крылатое выражение «*Vox populi, vox Die*»⁴ является неким свидетельством массового «обезбоживания» российского социума:

- « – Ещё раз тебя тут увижу, – зловеще сказал главный, – пеняй на себя.

И голос свыше, как эхо, прогремел:

– Пеняй на себя!

Vox populi, vox Die» (sic) [Хазанов, 2010, с. 438].

Иноязычные термины. Наряду с понятием языковая картина мира используется понятие научная картина мира. Эти явления нетождественны. Влияя друг на друга, они существуют параллельно, сохраняя автономность. В то время как

¹лат. Мир на земле и в человеках благоволение (перевод Б. Хазанов)

²в православном богослужении молитва, входящая в состав утрени и повечерии. В праздничные и воскресные дни великое славословие на утрени поется, в будние – читается

³лат. Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение (перевод В.В. Серова)

⁴лат. Глас народа – глас Божий (перевод Б. Хазанова)

научная картина мира формируется и используется ограниченным кругом людей (учёными), которые постепенно вносят в неё новые элементы знания, что ведёт к неизбежным изменениям; языковая картина мира в целом стабильна, за исключением некоторых периферийных сфер. В этом заключается её основное предназначение – сохранение и воспроизведение из поколения в поколение «обиходного структурирования окружающего мира» [Корнилов, 2003, с. 19]. Первоначально человек познаёт мир наивно, «специфическим языковым сознанием своего этноса». Научные знания о мире закреплены в языке науки, ядро которой составляет «совокупность обозначений научных понятий и категорий, которыми оперирует данная наука» [Там же].

Иноязычные термины в совокупности с другими иноязычиями формируют фрагменты языковой картины мира автора.

Большинство терминов относится к медицинской и биологической сферам. Этому факту легко найти объяснение, поскольку автор в своё время изучал медицину, соответственно владеет терминологическим аппаратом, характерным для данной дисциплины (о биографии Б. Хазанова см. Приложение 1). Термины естественны в его художественной речи. Несмотря на то, что данные языковые единицы употреблены в своём номинативном значении, они, однако, стилистически окрашены, так как обнаруживают причастность к научному функциональному стилю. Поскольку термины являются одним из основных языковых средств научного текста, позволим предположить, что такие узкоспециализированные лексемы содержат стилеобразующие признаки языка науки и уже в художественном тексте отличаются от других языковых единиц отвлечённым характером, точностью и логичностью, позволяя передать оттенки значений, которые не могут быть точно выражены нейтральной лексикой:

- «*Psilocibe mexicana*¹, мне специально привезли... Должен тебе сказать, что и псилоцин, и псилоцибин, и еще два-три индол-алкалоида теперь уже син-

¹лат. галлюциногенный гриб

тезированы, что значительно проще и дешевле экстрагирования из грибов» (*sic*) [Хазанов, URL: <http://boris-chasanow.imwerden.de> – 12.02.2015].

Латинские термины заменяют в художественном тексте широко известные лексемы, так как по сравнению с ними они носят более возвышенный характер. В следующем примере вместо распространённой лексемы «пуп» автор включает в контекст иноязычие «*умбиликус*»¹, фигурирующее в знаменитом латинском высказывании «*umbilicus mundi*»². Однако в русском языке распространён другой перевод этого устойчивого выражения – «пуп земли». И наиболее часто данное словосочетание употребляется в переносном значении для ироничной характеристики заносчивого, самоуверенного человека. Чтобы уйти от стереотипа, автор обращается к латинскому эквиваленту, наполняя термин философским содержанием:

- «Дело дошло до того, что некоторые знаменитые красавицы в эпоху Возрождения – известный факт – зашивали себе *умбиликус* <...>. Вообще пуп как середина и средоточие тела, а значит, и центр мироздания, *umbilicus mundi* у древних римлян, – это интереснейшая тема!» [Хазанов, 2010, с. 293].

Одну из групп специализированных лексем, непосредственно связанных с профессиональной деятельностью автора, образуют филологические термины (см. Приложение 1). Как правило, в текст вводятся слова, номинирующие грамматические категории, не характерные для современного русского языка:

- «Но сидевший напротив него не был похож на военных особистов, он говорил без южного акцента, правильным русским языком, не тыкал, говорил „вы”. Себя называл „мы”. Это была форма, называемая в грамматике *pluralis majestatis*³, множественное величества» [Хазанов, 2010, с. 261].

¹от лат. *umbilicus* – пуп

²лат. центр мироздания (перевод Б. Хазанова)

³лат. местоимение множественного числа, применяемое высокопоставленными персонами вместо местоимения «я»

Очевидно, личные местоимения «вы» и «мы» противопоставляют власть и народ. Однако иноязычный компонент «*pluralis majestatis*» несколько меняет перспективу и выступает средством характеристики уже не целого социума, а отдельно взятого человека в конкретной ситуации, который посредством местоимения «мы» подчёркивает свой статус и привилегированное положение.

Помимо терминов, определяющих профессиональную направленность автора, в его языке встречаются специализированные лексемы, которые свидетельствуют о личных интересах и привязанностях. Среди них шахматные, музыкальные, кулинарные и философские номенклатуры.

В лексемах из области кулинарии проявляется интерес автора к гастрономической сфере. Однако в рассказе «Лигурия» такие термины («*coniglio arrasto alla ligure*»¹; «*abbachio alla romana*»²; «*cima alla genovese*»³ и др.) (см. Приложение 2), несмотря на их высокопарную направленность, приобретают на фоне беседы сниженный характер, поскольку вступают в противоречие с предметом дискуссии, тяготеющего к философии [Хазанов, 2009, с. 51–52].

В повести «Музыка бдения или вполне тривиальный рассказ» музыкальные термины, включённые в структуру текста, определяют временную организацию произведения, на фоне которой происходит раскрытие содержания. Автор выносит термины в заголовки отдельных глав, задавая определённую динамику повествованию («*andante con moto*»⁴; «*presto*»⁵; «*allegro sostenuto*»⁶; «*tempo di minuetto*»⁷ и др.) (см. Приложение 2).

Основной функцией шахматных терминов, используемых в рассказе «Пра-матерь», является придание событиям достоверности:

¹итал. жареный кролик по-лигурийски (перевод Б. Хазанова)

²итал. римский молочный барашек под соусом (перевод Б. Хазанова)

³итал. фаршированный ягненок по-генуэзски (перевод Б. Хазанова)

⁴итал. удобно, непринуждённо, неспеша

⁵итал. быстро

⁶итал. в сосредоточенно-умеренном темпе

⁷итал. в темпе менуэта

- «Мне удалось, под азартное сопение и нетерпеливые возгласы зрителей, дотянуть до *эндшпиля*¹» [Хазанов, 2009, с. 189].

Лаконичность философских терминов расширяет семантические границы текста, отсылая читателей к различным философским теориям и направлениям:

- «Размышления *a posteriori*²» [Хазанов, 2010, с. 216];
- «Скажут, что получается круг, называемый *petitio principii*³: вопрошая, каков облик эпохи, мы уже исходим из представления о некой единой эпохе, а ведь её ещё нет» [Там же, с. 217].

В заключение, стоит отметить, что иноязычные элементы в языке Б. Хазанова, будь то цитаты, крылатые слова или термины, образуя в совокупности с другими языковыми единицами комплекс, воспроизводят неповторимый образ мира, созерцаемый в особой авторской проекции. Немаловажным представляется использование цитат и крылатых выражений, играющих роль культурных символов, которые проявляют уровень эрудированности и «привносят в текст определенные дополнительные смыслы», рождая систему образных средств [Валгина, 1998, с. 114]. По словам Ю.Н. Караулова, «из всего многообразия генерализованных высказываний, афоризмов, крылатых выражений каждая языковая личность выбирает, „присваивает” именно те, что <...> выражают „вечные”, незыблемые для неё истины, в значительной степени отражающие, а значит и определяющие её жизненное кредо, её жизненную доминанту» [Караулов, 2010, с. 52]. Что касается специализированной лексики, элементы терминосистем восходят к областям естественнонаучных, спортивных, музыкальных и др. знаний, что также является отражением языковой личности писателя, его образования и профессиональной деятельности.

¹от нем. Endspiel – «конец игры» – заключительная часть шахматной партии

²лат. основанный на опыте (перевод Б. Хазанова)

³лат. предвосхищение основания (перевод Б. Хазанова)

2.2. Основные способы введения иноязычия в текст

Среди основных способов включения иноязычий в текст, характерных для языка Б. Хазанова, следует обозначить графико-орфографическое оформление, морфологическое приспособление иноязычных единиц к русскоязычному контексту. Своеобразным способом введения иноязычий в художественный текст можно считать калькирование.

2.2.1. Графико-орфографическое оформление иноязычия

Несомненно, графика является неотъемлемой составляющей любого текста. Намеренное использование графических средств в тексте «привлекает внимание читающего к форме высказывания», которая становится значащей и, вступая во взаимодействие со значением графически-выделенной лексической единицы, семантически осложняет её [Чепурных, 1986, с. 124]. Изучение графических способов оформления иноязычных элементов в языке Б. Хазанова представляет собой специфическую область исследования, поскольку учитывает как основные принципы, так и частные приемы авторской передачи иноязычных слов в русских текстах.

Отобранный в ходе исследования языковой материал показал, что среди наиболее распространённых графических приёмов, применяемых автором, являются:

- 1) *введение иноязычий в текст в исконном графическом облике;*
- 2) *транслитерационный и транскрипционный способы передачи иноязычий;*
- 3) *сочетание латинской и кириллической графики в пределах одной лексемы.*

Среди других графических приёмов, основное назначение которых заключается в дополнительном выделении иноязычий, можно обозначить:

- 4) *кавычки;*

5) курсивную передачу слов;

б) капитализацию (написание слова с прописной буквы или прописными буквами).

Рассмотрим каждый из них подробнее:

1. Введение иноязычия в текст в исконном графическом облике. На особое значение исконной графики иноязычий в пределах текста на русском языке указывают многие филологи, в частности Ю.Т. Листрова-Правда в монографии «Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX в.» пишет, что «в восприятии иноязычных вкраплений в письменной речи важен контраст их графического изображения с привычной графикой родной речи; стилистический эффект их применения находится в прямой зависимости от степени контраста» [Листрова-Правда, 1986, с. 23].

В исконной графике Б. Хазанов преимущественно передаёт цитаты из других языков (см. Приложение 2). В научных трудах зарубежных и отечественных филологов можно найти множество подтверждений тому, что цитаты в графике исходного языка обладают особой прагматической направленностью. В частности, Ю.М. Лотман в статье «Текст в тексте» указывал, что «чем резче выражена неперебиваемость кодов текста-вкрапления и основного кода, тем острее семиотическая специфика каждого из них» [Лотман, 2001, с. 72]. Его утверждение поддерживают другие учёные. Н.А. Белова полагает, что иноязычные цитаты противопоставлены тексту-реципиенту «формально-семантически». Семантический аспект иносистемного элемента заключается во введении в текст новых референтов, формальный же выражается в иноязычной графике [Белова, 2008, с. 122]. Таким образом, графическая оболочка иноязычной цитаты контрастирует на фоне принимающего языка, придавая дополнительную выразительность контексту:

- «*Er stand vom Schreibtisch auf... Th. Mann. Schwere Stunde*¹» [Хазанов, 2009, с. 65].

¹нем. Он встал от письменного стола... (Т. Манн «Трудный час». Перевод Б. Хазанова)

Помимо цитат, в исконной графике продуктивно используются крылатые слова. Характерно, что в русской орфографической традиции за подобными элементами закреплено латинское написание, о чём свидетельствуют «Словарь иноязычных выражений и слов» под ред. А.М. Бабкина, В.В. Шендецова и «Словарь латинских крылатых слов и выражений» под ред. Н.Т. Бабичева и Я.М. Боровского, что является основной предпосылкой сохранения за такими единицами иноязычного облика [Бабкин, Шендецов, 1981; Бабичев, Боровской, 1988]:

- «*Tu eram ego eris*¹» [Хазанов, 2009, с. 303].

В языке автора присутствует обилие иноязычных терминов в графике языка-источника, среди которых наиболее распространены медицинские и биологические номенклатуры:

- «*Pavor nocturnus*², ночные страхи, сказал невропатолог, с которым Линда, хоть и сумела увидеть в том, что случилось, смешную сторону, но всё же сочла нужным посоветоваться» [Хазанов, 2009, с. 179].

Следует добавить, что графико-орфографические нормы допускают оба варианта написания [Богданова, Криничанский, 1991, с. 11, 31]. Однако выбор в пользу латинской графики, вероятно, обусловлен следующим: автор, как правило, включает в контекст русский перевод термина. Такая организация предложения проявляет сходство со словарной статьёй в двуязычном лексиконе. Данный приём позволяет сконцентрировать внимание читателей на термине и его значении.

Высокочастотны случаи графико-орфографических экзотизмов, поскольку иноязычные графемы отражают национальную самобытность других народов, создают временной колорит (см. Приложение 2):

- «Показывает на мундир и *Ritterkreuz*³: мало ли что... на всякий случай» [Хазанов, 2010, с. 250].

¹лат. я был тобой, ты будешь мною (перевод Б. Хазанова)

²лат. ночной испуг – особая форма расстройства сна

³нем. рыцарский крест (перевод Б. Хазанова)

2. Транслитерационный и транскрипционный способы передачи иноязычных элементов. Как известно, транслитерация и транскрипция представляют собой передачу иноязычных слов на русский язык в кириллической графике.

Говоря о транслитерированных элементах, следует учесть тот факт, что в подавляющем большинстве – это иноязычия с уже устоявшимся традиционным написанием. Как правило, к таким словам относятся историзмы, а также некоторые онимы:

- «Офицер с Железным крестом – *фрейгер*¹ фон Z.» [Хазанов, 2005, с. 183];
- «То есть... на *Остзее*²» [Хазанов, 2004, с.148].

В первом примере о транслитерированном написании немецких лексем свидетельствует передача дифтонга «ei» русским буквосочетанием «ей», что до середины прошлого столетия считалось нормой. На транслитерацию во втором случае указывает удвоенный конечный гласный «е». В немецком языке удвоенный гласный отражает долготу фонемы, данное свойство нетипично для русских звуков, поэтому при транскрипции двойные гласные передают одной буквой, однако в транслитерации такой приём достаточно распространён.

Стоит отметить, что большинство транскрибируемых слов представлено экзотизмами. За многими из них уже закреплён определённый графический облик, которым руководствуется автор, используя подобные единицы:

- «Когда его в конце концов забрали в *фольксштурм*³, сдал Марусю в личный дом для офицеров» [Хазанов, 2009, с. 152].

В немецком слове «*Volkssturm*» буква :s: в позиции перед буквой :t: даёт звук близкий к русскому [ш]. Эта особенность зафиксирована в русскоязычной транслитерированной лексеме.

Для передачи антропонимов автор также обращается к транскрипции, что отражает современные тенденции в передаче немецких имён на русский язык, ос-

¹от нем. *Freiherr* – барон

²от нем. *Ostsee* – Балтийское море

³от нем. *Volkssturm* – немецкое народное ополчение, созданное нацистским правительством в последние месяцы Второй мировой войны

нованные на фонетическом принципе (см. Практическая транскрипция фамильно-именных групп, 2004, с. 126–143):

- «„Бербель?..” Он стоит в дверях, оказывается, она успела нырнуть под одеяло» [Хазанов, 2013, с. 67].

В иноязычии «Бербель», образованном от немецкой лексемы «*Bärbel*» отражены особенности в произношении, характерные для немецкого языка. Поскольку в русском языке не представляется возможным подобрать соответствие для немецкой буквы *:ä:*, при передачи на русский язык её заменили на графический знак *:e:*, символизирующий фонему наиболее близкую по звучанию к немецкому эквиваленту. Помимо этого, русский вариант лексемы содержит дополнительную букву *:ь:*, которая в некоторой степени воспроизводит свойство немецкой фонемы *[l]*, обозначаемой в письменной речи буквой *:l:*. Хотя в немецком языке не существует мягких согласных фонем (все согласные твёрдые), в целом немецкие согласные несколько мягче русских. Графически в русском языке на эту особенность указывает буква *:ь:*.

3. Сочетание латинской и кириллической графики в пределах иноязычной единицы. Сочетание латинской и кириллической графики в пределах лексемы получило широкое распространение среди русских эмигрантов (см. Колесова, 2005, с. 103; Пелих, 2007). Об актуальности этого языкового явления в языке метрополии свидетельствуют многочисленные работы российских исследователей. Для обозначения такого феномена существует обилие терминов, в частности гибриды [Григорьева, 2004, с. 239], слова-кентавры [Крысин, 2010, с. 575], полиграфиксаты [Галактионов, Попова, 2011, с. 313] и др.

В данной работе предпочтение отдано термину «слова-гибриды», поскольку, как кажется, он наиболее точно раскрывает природу обозначенного языкового явления.

Показательно, что слова-гибриды несвойственны языку автора, несмотря на то, что он является эмигрантом. Из всего корпуса иноязычных элементов только в

одном случае имеет место сочетание латинской и кириллической графики в пределах лексемы:

- «Поздно вечером в землянке полкового командира мы слушали *C-Durnую*¹ фантазию» [Хазанов, 2005, с. 188].

Русские грамматические элементы (суффиксы и окончания) вводят иноязычное слово в грамматическую парадигму русского языка. Важно, однако, отметить, что приведённый пример не характеризуется индивидуально-авторским употреблением, поскольку слово-гибрид включается в музыкальные тексты и зафиксировано в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в статье о Л. Бетховене [Брокгауз, Ефрон, 1891, с. 556]. Подобный приём употребления терминов распространён среди любителей музыки. Орфографическое оформление в таких случаях не имеет строгой регламентированности (*C-Dur-ный*, *C-dur'ный*), что, вероятно, свидетельствует о преимущественно разговорном употреблении.

Причину отсутствия слов-гибридов в языке автора можно объяснить тем, что, такие языковые единицы нетипичны для речи лиц, владеющих несколькими языками, именно им «свойственна высокая языковая рефлексия» [Земская, 2001, с. 134].

4. Кавычки. Использование кавычек при введении иноязычных элементов в текст в большинстве случаев совпадает с принятыми нормами русского языка. Кавычками автор выделяет названия иноязычных произведений искусства и литературы:

- «Фёдор Владимирович из всей своей парижской библиотеки сохранил лишь горячо любимого им Пушкина, семейную Библию, „*Pensées*”² Паскаля» [Хазанов, 2004, с. 169].

В кавычки заключаются иностранные реалии, как правило, переданные транслитерацией или транскрипцией. Автор использует дополнительные графиче-

¹от лат. *C-Dur* – другое название До мажор

²франц. Мысли (произведение Б. Паскаля)

ческие средства, чтобы заострить внимание читателя на самобытности этих слов, их «чужеродности» для системы русского языка:

- «На ней был „дирндль”¹, что значит деревенская девчонка, любимый фю-рером баварский наряд: белоснежная блузка с короткими рукавами-фонариками, корсаж и просторная юбка из темно-красного муара, клетчатый, болотного цвета *шуриц-передник*²» [Хазанов, 2010, с. 237].

5. Курсивная передача слов. Ещё один способ привлечения внимания к иноязычным словам – их курсивное оформление. Как правило, курсивом автор передаёт эпиграфы, поскольку они, заключая в свёрнутом виде основную идею произведения, обладают определённой самостоятельностью, имея потенциальную способность существовать обособленно от того контекста, куда его включает автор. Возникает сложная структура «текста в тексте», где курсив разграничивает «своё» – «чужое»:

- «*Crebra relinquendis infigimus oscula portis:*

Inviti superant limina sacra pedes.

Oramus veniam lacrimis et laude litamus,

In quantum fletus currere verba sinit:

Exaudi, regina tui pulcherrima mundi,

Inter sidereos Roma recepta polos,

Exaudi, genetrix hominum genetrixque deorum!

*Rutilii Cl. Namatiani. De reditu suo. Laudes Romae*³» (*sic*) [Хазанов, 2010а, с. 272].

В ряде случаев курсивное оформление слов замещает другой знак препинания – кавычки:

¹от нем. Dirndl – баварский женский наряд

²от нем. Schürze – фартук

³лат. Вновь и вновь я целую ворота города, который придется покинуть. Как неохотно переступают ноги священный порог! Обливаюсь слезами, молю о прощении, воздаю хвалы, внемли, царица, моим словам, звучащим сквозь рыдания, ты, прекрасней которой нет в мире, подвластном тебе. Рим, вознесшийся к звездам! (Рутилий Клавдий Намациан «О моем возвращении! Похвала Риму». Перевод Б. Хазанова)

- «Польское *nary* известно с конца XVI столетия» [Хазанов, 2010, с. 296];
- «Латинское *fatum*, сказал он, это причастие от архаического глагола *fari*, „говорить“, „вещать“, „предрекать“» [Хазанов, URL: <http://boris-chasanow.imwerden.de> – 14.05.2015].

Использование подобного приёма оправданно, поскольку автор вводит в контекст иноязычие и его русский перевод. Все переводы заключены в кавычки, в соответствии с принятыми нормами. В свою очередь, выделение иноязычных единиц курсивом производит градацию контекста, избавляя его от нагромождённости элементами одного порядка.

Курсивом также выделяются иноязычные слова, которые образуют центр композиции и всего художественного замысла произведения:

- «Смеркалось, шёл снег, <...>; он увидел трамвайную остановку, подошёл к вагоновожатому и спросил <...>, как доехать до *Plata de veritat*. Вы, наверное, имеете в виду *Plaasa d'feritaat*? – сказал водитель <...>. Вам, наверное, до *Plaizza ed veritaa*, поправил его шофёр» [Хазанов, 2009а. с. 74].

В приведённом примере особое внимание уделяется названию площади в одном из европейских городков. Автор приводит несколько агоронимов с необычным сочетанием графем, которое нехарактерно ни для одного из европейских языков. Тем не менее, все эти слова обладают сходным звучанием, на чём базируется основная идея рассказа. Несмотря на контраст иноязычных слов, обусловленный их самобытным обликом, с принимающим текстом, автор применяет дополнительные графические средства, проявляющие ещё в большей степени диссонанс между иноязычными элементами и обрамляющим их контекстом.

6. Капитализация¹. Заметим, что капитализация – нераспространённый графический приём, используемый автором в совокупности с иноязычными элементами. Как и другие графические средства, автор применяет его для достижения определённого стилистического эффекта. В следующем примере внешнее

¹термин введён в научный обиход А.Н. Барановым и П.Б. Паршиным в статье «Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфематики» [Баранов, 1989, с. 41]

оформление иноязычия передаёт функционально-стилистическую информацию. Капитализация и позиция немецких лозунгов в тексте позволяет воспринимать их как плакаты, которые помещены в литературное произведение:

- «Плакаты на рекламной тумбе, на стенах домов с выбоинами от осколков. *WEHR DICH ODER STIRB*¹
*NUR DAS VOLK IST VERLOREN, DAS SICH SELBST AUFGIBT*²» [Хазанов, 2010, с. 249].

Однако в некоторых случаях написание иноязычных слов с прописной буквы обусловлено их первоисточником:

- «И ты догадываешься, что это твоя заблудившаяся душа, и тут уже начинается какая-то мистика, ностальгическая одержимость, то самое *Dahin! Dahin!*». [Там же, с. 227].

Хотя «*dahin*»³ в немецком языке пишется со строчной буквы, поскольку капитализации подвергаются только существительные, очевидно, что автор сохраняет иноязычию то оформление, которое ему свойственно в стихотворении Ф. Гёте «Миньон». Таким образом, графические особенности иноязычия свидетельствуют о его цитатном происхождении.

Как очевидно³, наиболее представительны в количественном отношении в языке автора графико-орфографические иноязычия, среди которых основной массив образуют цитаты, крылатые слова и выражения, термины. В то время как широкоупотребительные в художественных текстах писателей эмигрантов третьей волны слова-гибриды, в языке автора выражены слабо. Иноязычные историзмы и экзотизмы передаются транслитерацией и транскрипцией. К дополнительным приёмам графического выделения иноязычий, распространённым в языке автора, можно отнести капитализацию, курсив, кавычки.

¹нем. Защищайся или умри (перевод Б. Хазанова)

²нем. Лишь тот народ обречён, кто сдаётся (перевод Б. Хазанова)

³нем. туда

2.2.2. Морфологические способы введения иноязычия в русскоязычный текст

В языке Б. Хазанова иноязычные элементы проявляют разную степень морфологической адаптации. С этих позиций в них можно выделить три группы.

Первую группу образуют **неосвоенные русским языком иноязычия**, включённые в текст в своём исконном графическом облике. Прежде всего, это самостоятельные иноязычные предложения, введённые в русский текст без каких-либо изменений:

- «*Veillez avoir l'obligeance de ne pas trecer vos pieds sur le canapé*¹. Я на нём сплю» (*sic*) [Хазанов, 2010, с. 193].

Кроме того, в данную группу входят обращения, восклицания, этикетные слова и выражения в исконной графике. Обособленность и грамматическая самостоятельность подобных элементов обусловлены отсутствием сочинительной или подчинительной связей таких вокабул с другими словами в русском предложении:

- «*Domnule professor*², я человек несуетерный» [Хазанов, 2001, с. 194];
- «„Нигде в мире вы не получите такое блюдо. *Cheers*³!” – возгласил он» [Там же, с. 194].

Важно, однако, отметить, что помимо иноязычных предложений, обращений и восклицаний были выявлены отдельные иноязычные существительные в графике языка-источника, которые абсолютно не адаптированы к русскому языку и в русском окружении проявляют нулевую степень ассимилированности, что делает невозможным определения у такого рода слов грамматических категорий, свойственных словам русского языка:

¹франц. Убедительная просьба не забираться с ногами на диван (перевод Б. Хазанова)

²рум. уважаемый профессор (перевод Б. Хазанова)

³англ. будем здоровы (перевод Б. Хазанова)

- «Последние слова были, очевидно, произнесены *aparte*¹» [Хазанов, 2009, с. 394].

В состав **второй группы** входят **иноязычные вкрапления в исконной графике**, которые, однако, частично подверглись грамматической ассимиляции. Как правило, это существительные. Стоит отметить, что формальными признаками грамматической формы у иноязычных существительных этого типа выступают вспомогательные русские лексемы (прилагательные и местоимённые прилагательные), с которыми они вступают в грамматическую связь:

- «Развенчание шаблонов, пресловутой *poésie de la nuit et du tombeau*², а заодно и развенчание романтических представлений о самих романтиках» (*sic*) [Хазанов, 2004, с. 182];
- «Вот то, чем я хотел бы предварить – или заключить – мой *récit*³» [Хазанов, 2010, с. 6].

Маркерами морфологических категорий иноязычных лексем могут служить сказуемое-глагол в форме единственного числа прошедшего времени и краткое причастие в составе именного сказуемого, что иллюстрируют следующие примеры:

- «Перед нами, как живой, стоял *pavo cristatus*⁴» [Хазанов, 2005, с. 292];
- «К сожалению, до сих пор невозможен *experimentum crucis*⁵ паспортистики – сравнение результатов чтения паспортного кода с расшифровками, хранящимися в государственных канцеляриях и архивах» [Хазанов, 2005, с. 292].

Показательно, что в большинстве случаев определение рода иноязычной единицы базируется на реальной семантике существительных, номинирующих лица женского или мужского пола:

¹ франц. реплика в сторону

² франц. поэзия ночи и могилы (перевод Б. Хазанова)

³ франц. рассказ, повествование

⁴ лат. павлин обыкновенный

⁵ лат. опыт креста – эксперимент, в результате которого определяется верность теории

- «Если она всего-навсего горничная, обыкновенная *femme de chambre*¹» [Хазанов, 2010, с. 337];
- «Администратор рассказал о том, как один турист <...> не мог забыть свою *hostess*² и присылал ей изделия своего предприятия» [Хазанов, 2009, с. 236].

Поскольку иноязычные вкрапления «*femme de chambre*» и «*hostess*» называют живые существа женского пола, то и род у них, соответственно – женский.

У ряда иноязычных существительных определяется тот род, который свойственен их русским эквивалентам:

- «И опять отупелое сидение в кресле, перед звездным небом на экране, под наркотическую *Space music*³» [Хазанов, 2009, с. 236].

Хотя в английском языке существительное «*music*» относится к среднему роду, автор отдаёт предпочтение женскому, который характерен для аналогичного английской лексеме русского слова «музыка».

Однако для некоторых иноязычных вкраплений при включении в грамматическую парадигму русского языка приоритетен род, свойственный им в исконном языке:

- «<...> обратный путь <...> вел ко второму *château*⁴, как две капли воды похожему на первый» [Хазанов, 2004, с. 336].

Так, французское вкрапление «*château*» в русскоязычном окружении сохранило мужской род.

Тем не менее, в некоторых случаях род иноязычных слов устанавливается на основе формальных показателей. По аналогии с русским языком, иноязычные существительные, оканчивающиеся на согласный, относятся к мужскому роду:

¹ франц. горничная

² англ. хозяйка гостиницы, пансионата

³ англ. космическая музыка

⁴ франц. замок, дворец

- «В Чикаго, с его *downtown*¹, <...> хоть ты и бываешь там чаще, чем в Москве, остаешься чужестранцем» [Хазанов, 2009а, с. 37].

У существительных с конечной гласной буквой род, соответственно, женский:

- «Вот вам и вся *Befreiungsarmee*²» [Хазанов, 2010, с. 236].

Третья группа объединяет иноязычные существительные в кириллическом облике и русском грамматическом оформлении. Подобные элементы полностью адаптированы к русской грамматике, являются носителями морфологического значения рода, числа и падежа, которые могут быть выражены либо синтагматически, либо морфологически.

Синтагматическое выявление морфологических категорий основывается на окружении существительного в предложении:

- «Мы вышли из вокзала, дядя Юлиан буркнул: „Не будем тратить время, это какой-то *мешугенер*³»» [Хазанов, 1993, с. 146];
- «История эта касается одного богатого коммерсанта из Лемберга, а главную роль в ней сыграл *шамес*⁴» [Хазанов, 1993, с. 146].

Критерием для определения морфологического значения рода иноязычного существительного в первом примере выступает падежная флексия определяемого слова (местоимённое прилагательное «какой-то»). Во втором случае на род иноязычия указывает сказуемое-глагол в форме единственного числа прошедшего времени («сыграл»).

В основе морфологического выражения категорий существительных лежит флективная система падежных форм, которая, соответственно, определяет число, падеж и род иноязычного субстантива:

¹англ. деловая часть города

²нем. армия – освободительница (перевод Б. Хазанова)

³от идиш. מ'ישוגענער – сумасшедший

⁴от идиш. שמש – служитель при синагоге

- «Постовой внешнего караула, с лицом бульдога, в звании *унтерштурмфюрера*¹ <...> переводил взгляд с фотографии на командированного, с командированного на фотографию» [Хазанов, 2010, с. 231].

В ряде случаев о полной ассимиляции иноязычий свидетельствуют русские суффиксы с модификационными значениями. Некоторые иноязычия приобретают русский суффикс -ш-. Подобные слова выражают «значение лица женского пола» и в современной разговорной речи употребляются, как правило, с неодобрительной или иронической экспрессией [Арутюнова, Бондарко, 1980, с. 202].

- «Знает ли об этом г-жа *Бисмарк*? – Разумеется; она мне вас рекомендовала. Недели через две *Бисмаркша* приехала навестить нас в Бад-Тёльц, и этот граф с ней» [Хазанов, 2009, с. 231];
- «Подошла *кельнерша*² с блокнотиком» [Там же, с. 175].

Как очевидно, в первом примере суффикс -ш- свидетельствует о разговорности ситуации, либо о довольно пренебрежительном отношении героини к г-же *Бисмарк*.

Что касается второго случая, существительное «*кельнерша*» не является авторским неологизмом. Как свидетельствует А. Зеленин в работе «Язык русской эмигрантской прессы», оно было создано в конце XIX в. по словообразовательной модели на -ш- для номинации профессии женского рода типа «кассирша», «билетерша» и др. Слово не было активным, функционируя преимущественно в художественных текстах при описании иноязычных реалий. Однако иноязычие получило широкое распространение среди русских эмигрантов, причём в «эмигрантском узусе оно употреблялось в прямой номинативной функции» [Зеленин, 2007, с. 277]. Автор отдаёт предпочтение данному иноязычному элементу, поскольку он не только реализует функцию создания национального колорита, но и выступает

¹от нем. Untersturmführer – звание в СС, соответствовавшее званию младшего лейтенанта в вермахте

²от нем. Kelnerin – официантка

средством характеристики главного действующего лица, находящегося в эмиграции.

Отдельно стоит упомянуть лексему «*остовка*»¹ [Хазанов, 2005, с. 215]. Иноязычие происходит от германизма «*остарбайтер*», который был популярен на оккупированных территориях, что послужило предпосылкой для его письменной фиксации. Но из-за громоздкости, а также из-за потребности в номинации лиц женского пола, иноязычие подверглось ряду преобразований, и в первую очередь – редукции, обусловленной стремлением к языковой экономии. У немецкого композита была усечена вторая основа, обладающая, как известно, в немецком языке денотативным значением. Оставшуюся часть преобразовали путём добавления русского суффикса -овк-, который придал существительному модификационное значение женскости. Между тем, иноязычие «*остовка*», несмотря на «обрусевший» характер, осталось на периферии и не прошло регистрации в словарях.

Среди иноязычных элементов особое место занимают иноязычные аффиксы, которые автор интегрирует в корпус русской лексики. Между тем, необходимо отметить, что такие элементы немногочисленны. Среди них наиболее частотен словообразовательный компонент «*лейб*»:

- «<...> комнаты *лейб-профессора* медицины Штумпфеггера, комнаты *лейб-овчарки* Блонди» [Там же, с. 231, 232].

Префикс «*лейб*» восходит к немецкой лексеме «*Leib*». В русской языковой традиции подобная единица продуктивно сочеталась с другими словами и имела значение «состоящий при особе государя». Однако в авторской интерпретации этот элемент находит нетипичное для себя словоупотребление. Лексема «*лейб-профессор*» образовано по аналогии с немецким словом «*Leibarzt*»². Автор делает акцент на том, что фюрера лечит не рядовой врач, а светило медицины. Тем саркастичнее звучит сочетание префикса «*лейб*» с лексемой «*овчарка*».

¹от нем. Ostarbeiterin – обозначение женщин из восточной Европы, использованных в качестве рабочей силы на территории нацистской Германии

²нем. личный врач

В следующем примере иноязычный суффикс акцентирует внимание на социальном статусе одного из героев романа:

- «Из машины выскочил *лейб-шофёр*¹ в усах, как ниточки над губой <...>» [Хазанов, 2010а, с. 396].

Отдельный интерес представляет аффикс немецкого происхождения «*эрзац*»², употребляемый в русском языке в значении «неполноценный заменитель, суррогат». Данный элемент автор включает в текст для характеристики предмета, некоего подобия зимней обуви, используемой в лагерной жизни:

- «*Эрзац-валенки*» [Хазанов, URL: <http://boris-chasanow.imwerden.de/> – 08.03.2015].

Оценочная сема, содержащаяся в немецком элементе, придаёт слову пейоративный оттенок, выводя его в разряд языковых средств, участвующих в реализации иронического эффекта.

Итак, иноязычная лексика подвергается несущественным изменениям в языке автора. Как правило, из всего многообразия иноязычий предпочтением пользуются вкрапления, слабо адаптированные к грамматическому строю русского языка. Индивидуальное словотворчество на основе иноязычной лексики, активно используемое писателями-эмигрантами третьей волны, не характерно для автора и представлено единичными случаями.

2.2.3. Калькирование как средство использования иноязычия

В отличие от прямого заимствования иноязычий, когда из языка-донора переносится форма вместе со значением, при калькировании значение передаётся средствами принимающего языка. И, хотя кальки не всегда легко поддаются идентификации, в некоторых случаях адресат воспринимает их так же «остро»,

¹от нем. Leib – личный – личный шофёр

²от нем. Ersatz – замена

как и другие иноязычия [Арапова, 2000, с. 8]. Причина заключается в том, что в кальках, как отмечает И.П. Крысин, «реализуются какие-то нехарактерные, неорганичные для данного языка черты – либо в формальной, либо в содержательной стороне слова и словосочетания» [Крысин, 2004, с. 222]. Это позволяет художнику использовать кальки как действенный стилистический приём, поскольку такие лингвистические явления предполагают обращение к внеязыковой действительности, знакомя адресатов с самобытностью другой страны.

Ещё одна немаловажная особенность калек, на которую указывает Э.Ф. Володарская в своей работе «Заимствование как отражение русско-английских контактов», заключается в «сближении образов мышления двух народов и их восприятия языковой картины мира» [Володарская, 2002, с. 100].

Поскольку автор является писателем-эмигрантом третьей волны, его язык обладает рядом особенностей, обусловленных влиянием иноязычного окружения. Стоит, однако, отметить, что кальки в его языке не столь распространены в сравнении с другими видами иноязычий.

Исследование явлений калькирования в языке автора проведено в ориентации на традиционную классификацию, предложенную О.С. Ахмановой, которая выделяет лексические, фразеологические и синтаксические кальки [Ахманова, 2004, с. 188]. Следует заметить, что существует два основных пути возникновения лексических калек: словообразовательный и семантический. Это будет учитываться при анализе текста, т. е. будут выделены следующие типы калек: **словообразовательные, семантические, фразеологические и синтаксические.**

Словообразовательные кальки. Словообразовательные кальки образуют абсолютное большинство по отношению к калькам других видов и представлены переводом немецких композитов:

- «Пал за *Великогерманию*¹» [Хазанов, 2010, с. 356].

Здесь автор передаёт немецкий определительный композит на русский язык сложным словом с подчинительным отношением основ, где опорный компонент

¹от нем. Großdeutschland – неформальное обозначение нацистской Германии

представлен существительным, а предшествующая основа, выполняющая конкретизирующую функцию, выражена прилагательным. Стоит отметить, что такое калькирование наиболее точно и в полной мере соответствует понятию «словообразовательная калька». Данный способ передачи иноязычия создаёт стилистический эффект, поскольку сложное слово «*Великогермания*» является результатом авторского словотворчества. Во время Второй мировой войны слово «*Großdeutschland*» было популярно на территории нацистской Германии для неформального обозначения III Рейха. Иронический эффект обусловлен столкновением слова, номинирующего несуществующее государство, с возвышенным словом «пал».

Немаловажно отметить, что в художественной прозе автора встречается другой вид калек, который можно лишь условно отнести к разряду словообразовательных, поскольку немецкое сложное слово переводится на русский язык словосочетанием. Среди подобных калек преобладает перевод определительных двухкомпонентных композитов, основы которых находятся в отношении подчинения. Стержневое слово в таких конструкциях расположено в постпозиции и выражено существительным. Зависимое слово, представленное, как правило, либо прилагательным, либо существительным занимает препозиционное положение. Однако на русский язык такие композиты передаются автором преимущественно адъективно-субстантивными и субстантивно-субстантивными словосочетаниями. Между тем, согласно существующей традиции к словосочетанию прибегают лишь при переводе многоосновных немецких слов, поскольку трехосновные русские слова воспринимаются неоправданно громоздкими:

- «Это была так называемая „социальная квартира”¹. Слово социальный говорит за себя» [Хазанов, 2006, с. 65].

Следует выделить такие случаи трансформации с немецкого на русский, где в процессе перевода автор заменяет нейтральные лексемы на более экспрессивные, что позволяет увеличить выразительную составляющую текста:

¹ от нем. Sozialwohnung – льготная квартира для малообеспеченных

- «Безумец в волчьей норе¹, в лесах Восточной Пруссии» [Хазанов, 2005, с. 209].

В кальке «*волчья нора*» автор намеренно уходит от прямого перевода лексемы «*Schanze*» – логово, замещая его идеографическим синонимом – «нора». В результате этого русское словосочетание обрастает пейоративной коннотацией.

Семантические кальки. Как известно, семантическая калька – это передача исконными средствами иноязычной семантики, т. е. уже существующее слово в принимаемом языке приобретает новое содержание, сохраняя при этом свою звуко-графическую форму [Арапова, 2000, с. 44]. Стоит отметить, что, по наблюдениям лингвистов, кальки этого типа активно возникают в русской речи эмигрантов [Земская, 2001, с. 125]. Данное утверждение верно и по отношению к языку Б. Хазанова. Так, было выявлено пять случаев семантического калькирования: «*тигры*»²; «*вещь*»³; «*карта*»⁴ и др.

Общим признаком у всех семантических калек, на который обращают внимание исследователи, является то, что процесс калькирования значения возможен лишь при наличии у иноязычного и русского слов одинакового первичного значения [Арапова, 2000, с. 201].

- «...Вы *приглашены*⁵, – сказала она <...>. Это означало, что она собирается за меня платить» [Хазанов, 2010, с. 151];
- «Это, конечно, сугубо между нами. У меня тут появилось *одно знакомство*⁶» [Хазанов, 2010, с. 151].

Калькирование в первом случае стало возможным, поскольку немецкая лексема «*einladen*» наряду с первичным значением «приглашать» приобрела производно-номинативное – «платить за кого-либо, угощать кого-либо». Семантиче-

¹нем. Wolfsschanze – главная ставка фюрера и командный комплекс Верховного командования Вооружёнными силами Германии в лесу Гёрлиц

²от нем. Tiger в значении «танки»

³от нем. Stück в значении «музыкальное произведение»

⁴от нем. Karte в значении «проездной билет»

⁵от нем. einladen – приглашать, платить

⁶от нем. Bekanntschaft – круг знакомых

ский сдвиг обусловлен общепринятыми нормами этикета в Германии. В обязанности человека, который приглашает другого на обед, входит непременно оплата счёта. Эта исторически сложившаяся социальная норма, регулирующая общественные отношения, отражена в немецком фразеологизме: «*Wer einlädt, zahlt*»¹. Помимо этого, в контексте противопоставляется русское слово «угощать» и немецкая калька «приглашать» для акцентирования внимания на национально-культурных различиях в этих двух социумах.

Во втором примере «одно знакомство» – производное от немецкого слова «*eine Bekanntschaft*». В русском языке лексеме «знакомство» свойственно отвлечённое значение. Между тем, в немецком языке лексема «*Bekanntschaft*» многозначно и наряду с абстрактной семантикой обладает конкретным предметным значением «знакомый», которое автор переносит на русский язык.

Фразеологические кальки. Включая подобные элементы в текст, автор преследует цель отобразить особенности инороссийской действительности, мировосприятия, поскольку фразеологизмы очень стабильны, и, существуя в языке столетиями, обнаруживают связь с историей народа, отражая его самобытное сознание. Как отмечает Э.Ф. Володарская, фразеологические кальки представляют собой органичное соединение собственно заимствования, оригинального словотворчества и лексической передачи национальных концептов [Володарская, 2002, с. 101].

В повести «Возвращение» Автор приводит фразеологическую кальку «*бросать цветок*»:

- «Между прочим, – холод шампанского почувствовался в её голосе, – от- вернуться от *дамы*, когда она *бросает вам цветок*, это ... по меньшей мере невежливо» [Хазанов, 2010, с. 172].

Фразеологизм «*Blume werfen*» возник на основе известного библейского изречения «*Perle vor die Sau werfen*» – метать бисер перед свиньями. Изменения в устойчивом выражении произошли в процессе перевода с латинского языка, где

¹нем. Кто приглашает, тот и платит (перевод автора – М.К.)

слову «*Perle*» соответствовало «*margaritae*». Однако некоторые средневековые переводчики ошибочно переводили эту лексему на немецкий язык как «*Margerite*», т. е. «маргаритка». Затем слово «*Margerite*» было вытеснено лексемой «*Rose*», обладающей в католицизме особым сакральным смыслом. Символизируя чистоту, белая роза находится в явной оппозиции к «нечистоплотным свиньям». Впоследствии «*Rose*» стали замещать гиперонимом «*Blume*» [Röhrich, 1978, S. 715]. В устойчивом словосочетании отображаются «благие намерения» немецкой героини по отношению к русскому любовнику, нежелание которого принять помощь сопоставляется со «свинством».

В описаниях военных событий второй мировой войны нередко присутствует военный фразеологизм «*попасть в котёл*», который восходит к немецкой идиоме «*in den Kessel geraten*»¹. Как свидетельствуют немецкие филологи, слово «*Kessel*» перешло в военную терминологию из охотничьего жаргона и обозначало окружённое со всех сторон место, куда загоняли дичь [Kluge, Seebold, 2002. S. 861]. Использование фразеологизма обусловлено стремлением дать авторскую оценку описываемым событиям:

- «Мать написала сыну, что она знает о том, что *он сидит в котле* под „Шталлиградом”» [Хазанов, 2010б, с. 356];
- « – Все *оказались в котле*, не только ополченцы, но и вся 32 армия резервного фронта, и ещё одна, 24-я, и в придачу три армии Западного фронта. – *В котле?*
– Это у немцев так называлось. В окружении» [Хазанов, 2010, с. 369].

Синтаксические кальки. Синтаксическое калькирование заключается в заимствовании грамматической структуры предложения языка-донора. Лингвисты отмечают, что грамматическая подсистема русского языка, по сравнению с лексической и фонологической, наиболее устойчива к интерференции других языков, хотя «калькирование – явление очень активное» [Земская, 2001, с. 125]. Современные исследования свидетельствуют о том, что «в сфере синтаксиса са-

¹ нем. попасть в окружение

мое значительное влияние на русский язык со стороны языка страны обитания состоит в калькировании конструкции с полужнаменательными глаголами» [Земская, 2001а, с. 96]. Подобная тенденция проявляется и в языке Б. Хазанова, для которого характерны кальки с полужнаменательными глаголами «делать» и «сделать», образованные по модели «глагол + абстрактное существительное»:

- «Русские из всего *делают проблему*¹» [Хазанов, 2010, с. 173];
- «Я *сделала* все необходимые *исследования*²» [Хазанов, 2010, с. 164].

В последнем примере калькированный элемент обладает рядом особенностей. В русской лексеме произошло расширение семантического объема, поскольку в отличие от своего немецкого эквивалента «*Untersuchung*» русское слово «исследование» обладает меньшей смысловой ёмкостью и не может быть употреблено в значении «медицинское обследование». Кроме того, в немецком устойчивом сочетании подлежащее является объектом действия, что объясняется наличием в немецкой конструкции глагола «*lassen*», который реализует одно из своих модальных значений. Однако в процессе калькирования на русский язык глагол «*lassen*» утрачивается, так как в подобном значении у него не существует эквивалента в русском языке. Это влечёт изменения в семантике русского словосочетания, где подлежащее становится субъектом действия.

Для более поздних произведений автора характерны случаи калькирования синтаксических конструкций со вспомогательными глаголами, обладающими модальным значением. Такие глагольные структуры распространены в немецком языке, но противоречат правилам русской грамматики:

- «Подросток с глазами рыси *ищет добраться* до луковицы» [Хазанов, 2013, 29];
- «Он *искал вырваться* из расчерченного и распланированного мира <...>» [Хазанов, 2010, с. 132].

¹от нем. ein Problem machen – преувеличивать, утрировать

²от нем. Untersuchung machen lassen – пройти обследование

Калькированный глагол «искать» восходит к немецкой конструкции «*suchen*»¹ + *zu* + *инфинитив*. Значение глагола «*suchen*» в такой структуре эквивалентно значению «*пытаться, стараться*».

Наряду с кальками можно выделить полукальки, основное отличие которых заключается в наличии разноязычных элементов в пределах одной лексемы. При анализе языкового материала было обнаружено лишь одно иноязычие с частичным калькированием, относящееся к словообразовательным полукалькам:

- «<...> из *предбункера* вы попадёте в главное подземелье, называемое бункером фюрера» [Хазанов, 2010, с. 233].

В иноязычии «*предбункер*», восходящем к немецкой лексеме «*Vorbunker*», автор сохранил прочно укоренившийся в русском языке иноязычный элемент «-бункер», для которого сложно подобрать другое соответствие. Переводу подвергся префикс «*vor-*», значение которого равноценно русскому префиксу «*пред-*», функционирующему в словах, номинирующих денотаты, которые располагаются впереди объекта, выраженного мотивирующим словом. Характерно, что в русскоязычных текстах различной стилевой направленности для наименования этого денотата предпочтением пользуется транслитерированное иноязычие «*фор-бункер*», что позволяет считать полукальку «*предбункер*» авторским неологизмом.

Проанализированные примеры свидетельствуют, что калькирование в языке Б. Хазанова не столь распространено. Количество калек не превышает 2 %. Их использование вызвано несколькими причинами: кальки делают контекст более выразительным, усиливая иносказательность; вместе с другими иноязычиями в речи персонажей-иностранцев они акцентируют внимание на национальных особенностях. Ещё одной причиной употребления калек автором можно обозначить языковую интерференцию, как следствие долгого проживания в иноязычном окружении.

¹нем. искать

2.3. Художественный мультилингвизм Б. Хазанова

Художественный мультилингвизм Б. Хазанова имеет определенные художественные и экстралингвистические основания. Представляя собой своеобразный художественный приём, мультилингвизм автора в процессе своего развития подвергался изменениям, которые проявились в особенностях выбора и употребления иноязычий в разные годы. Немаловажное значение при этом отводится экстралингвистическим факторам, оказавшим значительное влияние на становление художественного мультилингвизма автора.

2.3.1. Условия и предпосылки формирования художественного мультилингвизма Б. Хазанова

Факторы, побудившие Б. Хазанова обратиться в своём творчестве к иностранным языкам, обусловлены различными обстоятельствами.

Одной из очевидных причин представляется социальное окружение писателя в детском возрасте, где наряду с русским языком был и немецкий, т.е. формирование личности проходило в двуязычной среде. Немецкий язык изучался в специальной детской группе, организованной жильцами дома, в котором проживал будущий писатель. Специфика занятий заключалась в том, что преподавание велось непосредственным носителем немецкого языка. Кроме того, за всё время нахождения в такой группе воспрещалось разговаривать по-русски. Поскольку обучение происходило в непринуждённых условиях, автор «знал немецкий язык естественно, как ребенок» [Хазанов, URL: <http://boris-chasanow.imwerden.de/> – 08.03.2015].

Дальнейшему совершенствованию немецкого языка способствовало самообразование, не последняя роль в котором была отведена иностранной литературе в оригинале. Необходимо отметить, что произведения немецких авторов оказали мощное воздействие на сознание писателя при его становлении, в частности «Фа-

уст» В. Гёте и «О ничтожестве и страдании жизни» («Von der Nichtigkeit und den Leiden des Lebens») А. Шопенгауэра, знакомство с которыми произошло ещё в детстве. Оставив неизгладимое впечатление в детском сознании, они впоследствии не раз становились источниками цитат в художественных текстах Б. Хазанова.

Ещё одной причиной творческого мультилингвизма можно считать профессиональную деятельность писателя. В своё время автор проходил обучение на факультете классической филологии. Полученные знания по латинскому и греческому языкам открыли автору широкий доступ к первоисточникам древнегреческой и римской литературы. Медицинское образование способствовало появлению в языке автора большого количества медицинских терминов. Б. Хазанов дал им новую жизнь, выведя за пределы научного стиля.

Однако наиболее важной предпосылкой формирования мультилингвизма автора можно считать эмиграцию. Нет сомнения в том, что иноязычное окружение оказало значительное влияние на художественное видение мира и язык писателя. Адаптация в новых условиях предполагала неизбежное погружение в иностранную языковую и культурную среду, что впоследствии нашло отражение в создаваемых им произведениях.

2.3.2. Эволюция художественного мультилингвизма Б. Хазанова

Как уже отмечалось, использование иноязычий в художественной прозе автора детерминировано различными факторами, среди которых наиболее значительным можно считать эмиграцию. Таким образом, представляется необходимым провести сравнительный анализ иноязычных единиц в разные периоды творчества автора, поскольку такое исследование позволит проследить динамику в качественно-количественном составе иноязычий до и после погружения писателя в новую среду.

В творческом пути писателя можно выделить 2 периода: доэмигрантский и эмигрантский. Очевидно, что число произведений, созданных в эти два периода, совершенно различно, поэтому в данном исследовании учитывалось количество иноязычных единиц по отношению к одной странице печатного текста.

2.3.2.1. Качественно-количественный анализ иноязычных элементов в доэмигрантский период

Безусловно, расцвет творческой деятельности приходится на период эмиграции. Именно в это время были созданы многочисленные рассказы, повести, романы. Тем не менее, в доэмигрантский период, несмотря на все сложности совмещения основной профессии врача с писательством, всё-таки были опубликованы некоторые произведения:

- рассказ «Дорога на станцию» (1965);
- повести «Взгляни в глаза мои суровые» (1967), «Дороги моря» (1969), «Страх» (1974) и «Запах звезд» (1977);
- романы «Час короля» (1976), «Я Воскресение и жизнь» (1976).

Всё это стало своеобразной «пробой пера» автора, и уже в них наметились основные языковые и стилистико-текстовые особенности (в том числе принципы отбора и употребления иноязычий), которые нашли дальнейшее развитие в последующих художественных произведениях.

Необходимо отметить, что рассказ «Дорога на станцию», а также повести «Страх» и «Запах звезд» свободны от каких-либо иноязычных единиц. Подобный факт, вероятно, обусловлен темой текстов – изображение лагерного быта и жизни в тоталитарном обществе. Однако уже при воссоздании инороссийской действительности в повести «Дороги моря» и романе «Час короля» автор активно использует иноязычную лексику. Между тем, наблюдаются существенные различия в качественном отношении. Повесть «Дороги моря» в силу своей исторической направленности содержит больше экзотической лексики (9), и лишь одно вкрапле-

ние. В романе же «Час короля» фигурирует относительно одинаковое количество вкраплений (12) и экзотизмов (9).

Отдельно стоит отметить роман «Я, Воскресение и Жизнь» и повесть «Взгляни в глаза мои суровые», содержащие несколько варваризмов (4), которые отсутствуют в других произведениях. Их употребление продиктовано функциональной необходимостью, исторически сложившейся тенденцией использования варваризмов для характеристики персонажа.

Немаловажен тот факт, что для большинства иноязычий-вкраплений (более 90 %) характерно индивидуально-авторское применение, т. е. такие единицы практически не встречаются в языке метрополии и не зарегистрированы в русскоязычных словарях (см. Бабичев ..., 1988; Бабкин ..., 1981).

Иначе дело обстоит с экзотизмами, где индивидуально-авторские единицы составляют примерно половину от общего числа (50 %) (Диаграмма 1):

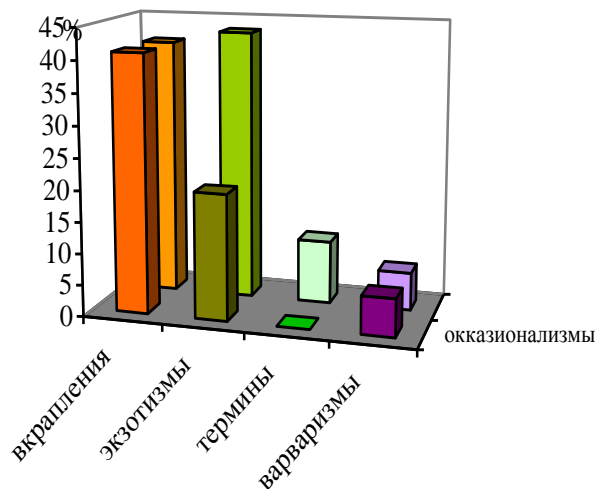

Диаграмма 1. Доля индивидуально-авторских слов в общем количестве иноязычий (доэмигрантский период)

Вероятно, находясь в русскоязычной среде, автор предъявлял особые требования к отбору экзотизмов, отдавая предпочтение уже ассимилированным (устойчивым) в русском языке иноязычным единицам, в написании и произношении которых отсутствовали вариации.

Говоря об этимологии иноязычий, фундаментальную часть образуют германизмы (16), второе место занимают иноязычные элементы из иврита (8). Далее следуют галлицизмы (5) и латинизмы (5). И замыкают эту группу англицизмы (Диаграмма 2):

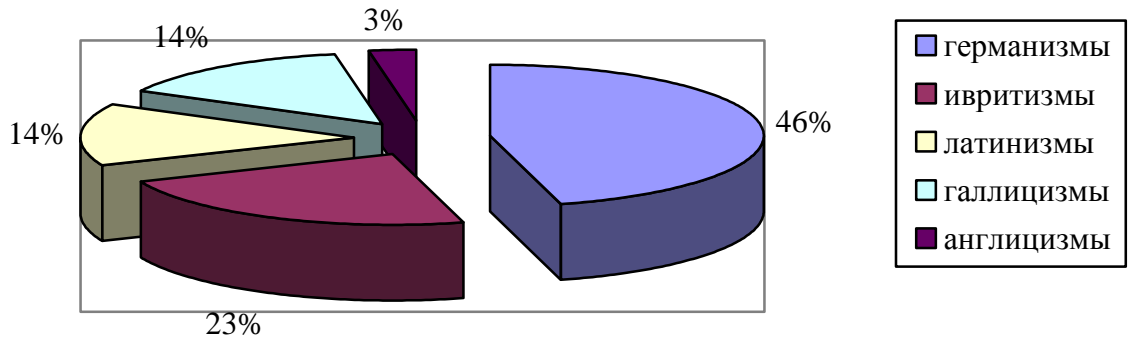

Диаграмма 2. Этимологический состав иноязычий (доэмигрантский период)

В подобном соотношении прослеживается прямая зависимость от темы произведений. Так, в романе «Час короля», на долю которого приходится наибольшее количество германизмов, повествуется о немецкой оккупации некоего европейского государства. В свою очередь, повесть «Дороги моря», изобилующая словами из иврита, предлагает читателю историю, базирующуюся на евангельской притче.

Исходя из сказанного, можно заключить, что в доэмигрантский период как качественный, так и количественный состав иноязычий определяется, в первую очередь, сюжетной линией повествования, т. е. иноязычные единицы включены преимущественно в текст тех произведений, которые отражают этнокультурную ситуацию. Общее количество иноязычных элементов составляет 37, среди них 15 вкраплений, 17 экзотизмов, 4 варваризма и 1 термин (Диаграмма 3):

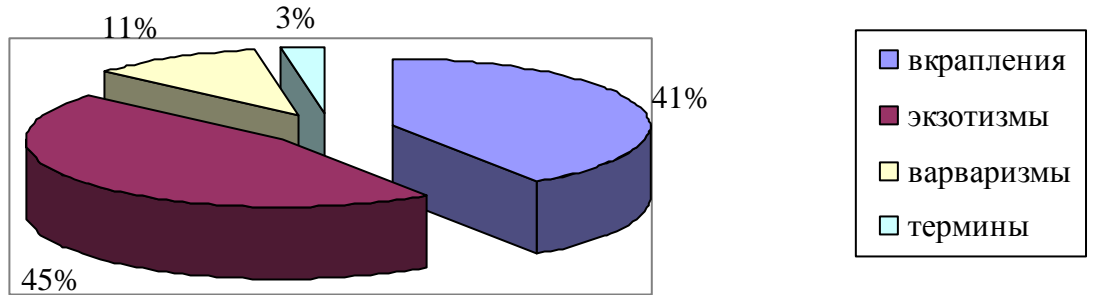

Диаграмма 3. Распределение иноязычий по разновидностям в доэмигрантский период

На одну страницу печатного текста приходится 0,16 иноязычных включений, в том числе 0,065 вкраплений, 0,07 экзотизмов, 0,02 варваризма и 0,004 термина.

2.3.2.2. Качественно-количественный анализ иноязычных элементов в эмигрантский период

Эмиграция в Германии, вне всякого сомнения, оказала на автора существенное влияние, изменив в некоторой степени образ его мышления. Русский язык писателя подвергся мощному воздействию со стороны иноязычного окружения, что не могло не отразиться на языке его произведений.

Нельзя не заметить, что в эмигрантский период список произведений заметно расширился. На суд читателей были представлены десять романов «Антивремя» (1985), «Нагльфар в океане времен» (1993), «После нас потоп» (1995), «Хроника N» (1996), «Аквариум» (1999), «Далекое зрелище лесов» (2001), «К северу от будущего» (2003), «Вчерашняя вечность» (2008), «Плюсквамперфект и другие времена» (2008), «Взгляни на иероглиф» (2012), а также 93 повести и рассказы.

Эмигрантский период охватывает более трёх десятилетий. Необходимо отметить, что в зависимости от времени написания текстов прослеживаются некоторые закономерности в употреблении иноязычий, что является предпосылкой

для дальнейшего выделения в эмигрантском периоде нескольких этапов (1. 1981 – 1999; 2. 2000 – 2009; 3. 2010 – 2015).

1. Первый этап охватывает период с 1981 по 1999 гг. Этот большой хронологический отрезок был выбран неслучайно: первое десятилетие эмиграции характеризуется некоторым затишьем в творчестве автора. Был опубликован всего один роман, созданный ещё в Советском Союзе и уже в эмиграции восстановленный по памяти. Второе десятилетие стало более плодотворным в плане создания романов, число которых составляет половину от общего количества (6). Тема всех этих произведений теснейшим образом переплетается с Советской Россией, что, вероятно, обусловило немногочисленные случаи обращения к иноязычиям. Поскольку в текстах приводятся размышления о смысле жизни, судьбе, неудивительно, что большинство вкраплений составляют латинизмы, выполняющие роль сентенций. Относительно большое число экзотизмов, представленных словами из иврита и идиша («мезуза»¹, «шабес-гой»², «фрейлехс»³), в таких романах как «Антивремя», «Нагльфар в океане времен» (7 и 11 соответственно) детерминировано, в первую очередь, изображением еврейского народа в Советском Союзе. Исключением из сложившихся тенденций можно обозначить роман «После нас потоп», где наблюдается разнородный состав иноязычий, употребление которых выходит за пределы уже устоявшихся традиций. Стоит отметить, что некоторые иноязычные средства, представленные в ранних произведениях единичными случаями, приобретают в данном произведении статус устойчивого приёма. Автор включает в текст иноязычные номенклатуры из музыкальной сферы, подвергнув их детерминологизации, что позволило изменить ракурс их восприятия и создать неповторимый образ.

Анализ повести и рассказов, вышедших в данный период, также позволил подтвердить закономерность, обусловленную темой произведений. Все тексты тем или иным образом связаны с эмиграцией либо инороссийской действительностью.

¹от ивр. מְזוּזָה – пергамент со словами молитв, прикрепляемый к косяку двери жилого помещения

²от идиш. שבת גוי – субботний гой, нееврей, нанимаемый евреем для работы в субботу

³от идиш. – коллективный еврейский танец

стью, что определило значительное число случаев обращения к иноязычиям. Помимо иностранной реальности, в текстах представлена тема еврейства. Как и в романах данного периода это позволило привлечь многочисленные экзотизмы из иврита и идиша, что в значительной мере способствовало увеличению общего числа экзотизмов (0,5 экзотизма на одну страницу печатного текста).

2. Второй период (2000 по 2009), без сомнения, в творчестве писателя можно считать более продуктивным с точки зрения употребления иноязычий (Диаграмма 4):

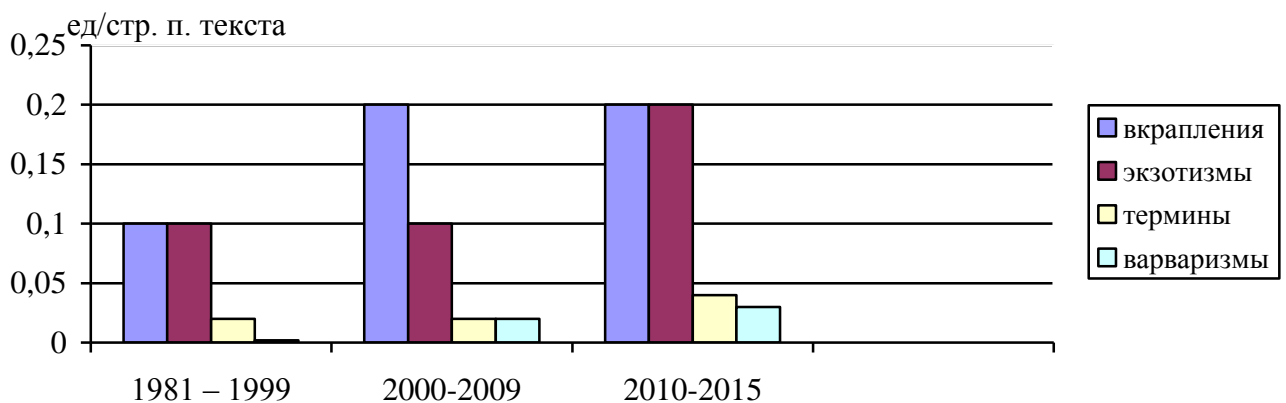

Диаграмма 4. Соотношение иноязычий на разных этапах эмигрантского периода

В это время было создано большинство художественных текстов (романы «Далекое зрелище лесов» (2001), «К северу от будущего» (2003), «Вчерашняя вечность» (2008), «Плюсквамперфект и другие времена» (2008), а также 53 повести и рассказы). Кроме того, расширился круг освещаемых в этих произведениях тем. К темам еврейства, эмиграции, инороссийской действительности, лагерного быта добавились гендерные отношения, возвращение в Россию, медицинская тематика. Тем не менее, сохраняется прочная традиция использования иноязычий в текстах, отражающих особенности иноземного бытия.

Значительный «всплеск» иноязычий приходится на романы «К северу от будущего» и «Вчерашняя вечность». В романе «К северу от будущего» одна из основных линий повествования основывается на взаимоотношениях двух стран: России и Германии. Акцентируется внимание на причинно-следственных связях,

которые переносятся с исторического взаимодействия этих государств на жизненные перипетии представителей этих стран. Когда же повествование идёт об иноязычных странах и персонажах-иностранцах, представляется невозможным обойтись без иноязычных элементов, среди которых абсолютное большинство составляют иноязычные вкрапления (49), что вполне уместно и закономерно.

Роман «Вчерашняя вечность» сравнивают с «историческим полотном» «со многими перегонами, туннелями, станциями (1936... 1945... 1948... 1953... 1955, 1956, 1957...1967... 70-е годы... 90-е...), с довольно обширной «географией» (от Берлина до Москвы)» [Мадден, URL: <http://boris-chasanow.imwerden.de> – 12.02.2015]. Столь частое обращение к вкраплениям и экзотизмам в данном романе также вполне оправданно, поскольку такие единицы используются преимущественно при описании событий Великой Отечественной войны либо для речевой характеристики действующих лиц.

Аналогичные тенденции наблюдаются в повестях и рассказах. Изображение заграницы, эмиграции сопровождается большим количеством иноязычий (122 вкрапления и 74 экзотизма). И, напротив, доля таких единиц в повествованиях на темы побега, лагеря, возвращения на Родину, российского уклада жизни и быта заметно меньше и составляет 22 % от общего числа иноязычий за данный период.

Необходимо отметить, что участились случаи применения иноязычных терминов и варваризмов. Автор расширяет сочетательные возможности терминов, включая их в непривычное окружение, что позволяет акцентировать внимание читателей на новых неожиданных признаках денотата. Происходит очевидное сокращение использования терминов в их прямом значении. Преимущественно это биологические и медицинские номенклатуры, обозначающие виды животных («*pavo cristatus nigripennis*»¹), характеристики человеческого организма («*habitus*»² (*sic*); «*nullipara*»³; «*асцим*»⁴; «*флегмона*»¹ и др.). Варваризмы, как и вкрап-

¹лат. черноплечий павлин

²от лат. *habitus* – телосложение человека

³лат. нерожавшая женщина

⁴от греч. ἀσκήτης – скопление свободной жидкости в брюшной полости

ления с экзотизмами, преобладают в текстах, отражающих особенности жизни за пределами России. Однако такие слова номинируют денотаты, распространённые на российских просторах, и фигурируют, как правило, в речи русских персонажей-эмигрантов, выявляя их противопоставление немецким поданным и гражданам Российского государства.

Важно отметить, что изменилась и география иноязычий. Предпочтением пользуются германизмы (43%) и галлицизмы (40%). Причём в отличие от германизмов, которые обычно вводятся в тексты, иллюстрирующие немецкий уклад жизни, галлицизмы перетягивают на себя роль, выполняемую ранее латинизмами (носители незыблемых истин).

3. Выделение третьего этапа (2010 – 2015) в творчестве автора обусловлено, в первую очередь, особенностью созданных в этот период произведений. Большое число текстов представляет собой биографическое повествование мемуарного типа. Причём воспоминания восходят в большей мере в доэмигрантское прошлое. На этом фоне заметно сокращается число текстов, воспроизводящих иностранную реальность.

Указанные факты должны были бы стать предпосылкой к уменьшению случаев обращения к иноязычиям в текстах указанного периода. Однако наблюдается противоположная тенденция. Хотя число иноязычных вкраплений на один лист печатного текста уменьшилось по сравнению с прошлым периодом (0,16), выросло количество экзотизмов, терминов и варваризмов (см. Диаграмма 5). Подобное соотношение объясняется, в первую очередь, увеличением числа иноязычий в текстах на темы, связанные с изображением гендерных отношений и российской реальности.

Этимологический состав иноязычий также подвергся некоторым изменениям. И хотя, как и в предыдущем периоде, доминирующее положение занимают германизмы, а второе место делят галлицизмы с латинизмами, последние, однако, вернули себе роль жизненных аксиом, тогда как в галлицизмах на первый план выдвигается актуализация экзотического компонента. Важно отметить, что уве-

¹от греч. φλεγμαίνω – острое разлитое гнойное воспаление клетчаточных пространств

личилось число англицизмов. Между тем, сложно проследить какую-либо строгую закономерность в их употреблении. Вероятно, при выборе указанных слов решающим фактором стала их коммуникативная актуальность.

В целом, употребление иноязычий в эмигрантский период отличают ряд закономерностей. От раннего творчества к позднему значительно увеличивается их количество, расширяется круг тем произведений, куда привлекаются иноязычия, меняется их качественный состав, т. е. наблюдается заметное увеличение терминов и варваризмов в поздних произведениях. Помимо этого, отмечаются регулярные изменения в этимологическом составе. Отдельно стоит упомянуть индивидуально-авторские иноязычия. На протяжении всего периода происходят лишь незначительные колебания их удельного веса (60 – 70 %) от общего количества иноязычий (Диаграмма 5):

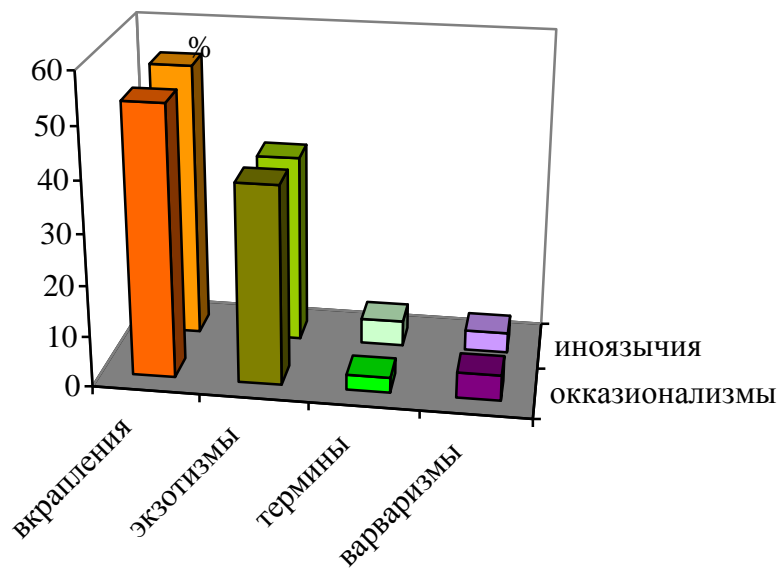

Диаграмма 5. Доля индивидуально-авторских единиц в общем количестве иноязычий (эмигрантский период)

Тем не менее, наблюдаются некоторые изменения по сравнению с доэмигрантским периодом. Так, заметно увеличилось число индивидуально-авторских экзотизмов. На смену ассимилированным в русском языке лексемам пришли иноязычия, номинирующие инороссийские реалии малознакомые русскоязычному обывателю. Безусловно, подобные лексемы не зарегистрированы в русскоязычных словарях. На фоне этого заметно уменьшилось количество индивидуально-

авторских вкраплений. Такие изменения обусловлены, в первую очередь, привлечением большого количества иноязычных цитат из всемирно-известных источников художественной литературы. В употреблении окказиональных терминов также прослеживаются некоторые изменения. И хотя число их в эмигрантский период не превышает 0,006 на одну страницу печатного текста, важным представляется уже их наличие, поскольку в доэмигрантский период такие единицы отсутствовали.

Итак, общее число иноязычий в эмигрантский период составляет более 800 единиц, среди которых: вкраплений – 450, экзотизмов – 291; варваризмов – 46 и 41 термин (Диаграмма 6):

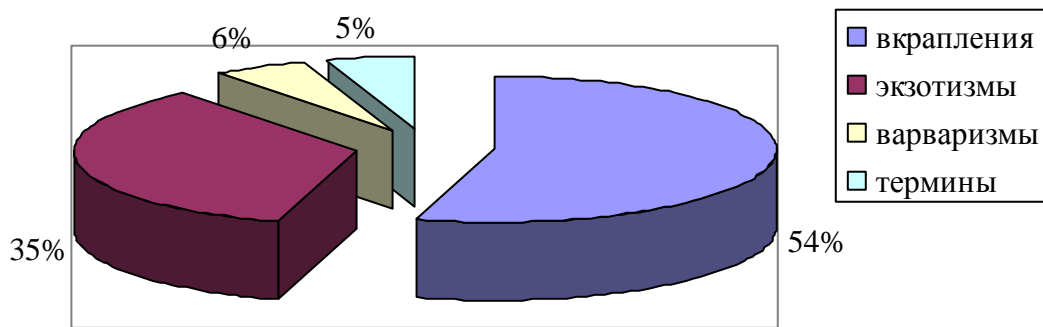

Диаграмма 6. Распределение иноязычий по разновидностям в эмигрантский период

На одну страницу печатного текста приходится 0,3 иноязычных включения, в том числе:

вкраплений – 0,2;

экзотизмов – 0,1;

варваризмов – 0,02;

терминов – 0,02.

Это в значительной мере превышает количество иноязычий в доэмигрантский период: 170 и 0,16 на страницу печатного текста соответственно (Диаграмма 7):

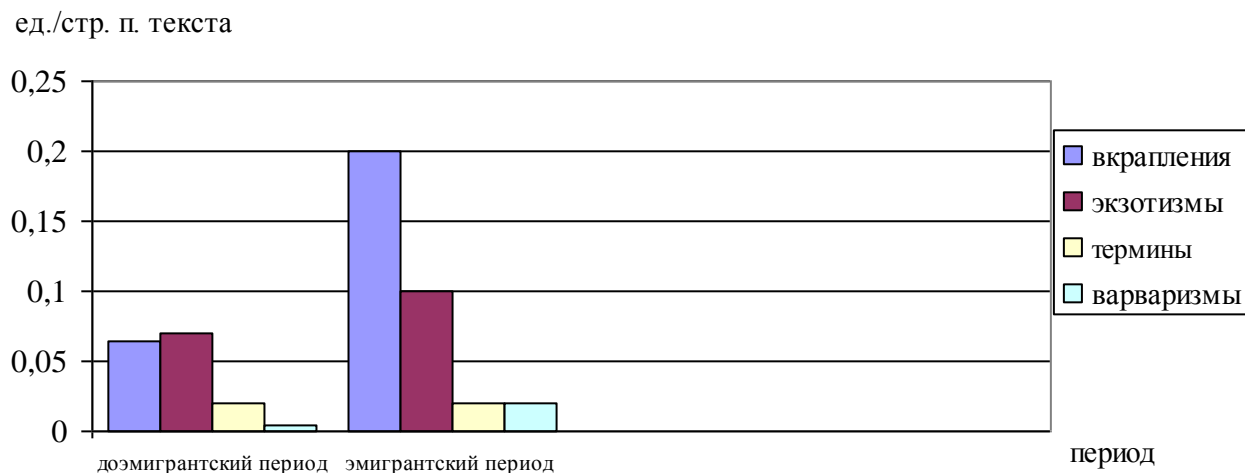

Диаграмма 7. Соотношение иноязычий в доэмигрантский и эмигрантский периоды

Однако прослеживаются общие тенденции: и в эмигрантский, и в доэмигрантский периоды качественный и количественный состав иноязычий обусловлен темой произведений, т. е. иноязычные единицы преобладают в текстах, воспроизводящих иноязычную действительность. Наблюдается существенное доминирование германизмов над иноязычиями из других языков.

ВЫВОДЫ

Поскольку иноязычиям свойственна особая окраска, обусловленная их самобытным обликом, не характерным для русского языка звуковым комплексом либо скрытой для русскоязычного индивида семантикой, существует прочная традиция использования таких единиц для достижения определённого стилистического эффекта. В языке Б. Хазанова иноязычия реализуют несколько функций, среди которых можно выделить: 1) *функцию создания исторического колорита*; 2) *функцию создания национального колорита*; 3) *функцию характеристики персонажа*; 4) *эмоционально-оценочную функцию*; 5) *функцию языковой игры*; 6) *эвфемистическую функцию*; 7) *функцию отражения языковой картины мира писателя*; 8) *прогностическую функцию* (Диаграмма 8):

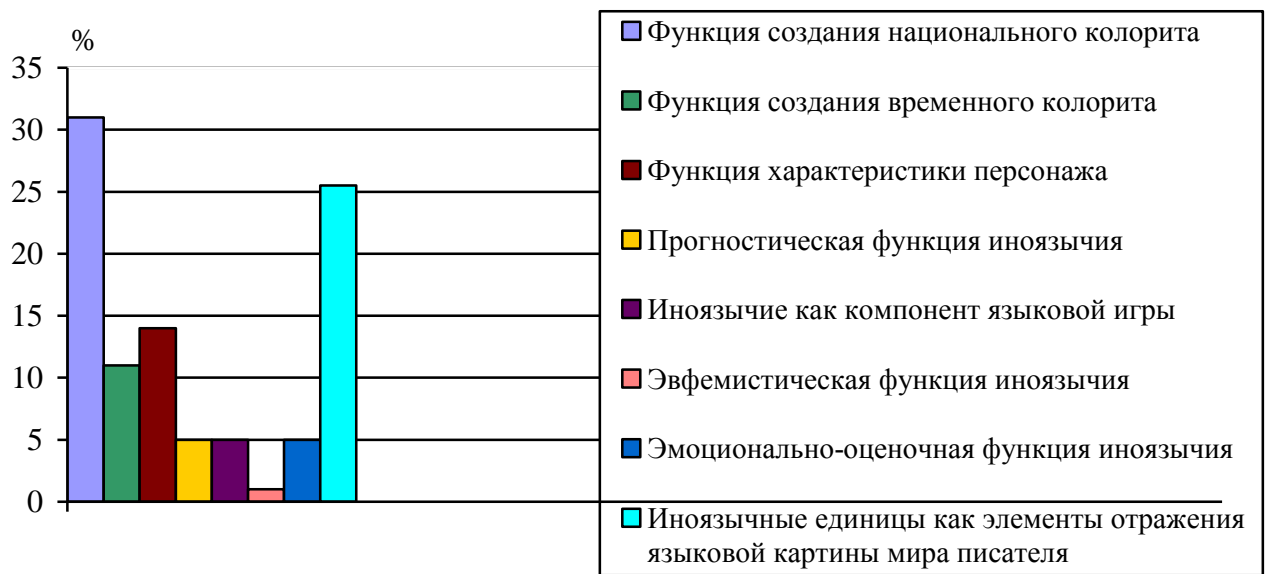

Диаграмма 8. Распределение иноязычий по реализующим ими функциям в художественной прозе Б. Хазанова

На неравномерное распределение иноязычий по реализующим ими функциям повлияло несколько факторов. Наиболее частотны иноязычные единицы в функции создания национального колорита (31 %), что обусловлено большим количеством произведений (примерно 30 %), тема которых соотносится с эмиграцией и жизнью за границей. Этой же темой детерминировано сравнительно частотное использование иноязычий в функции характеристики персонажа (почти

15 %). Небольшое число произведений на историческую тематику определило соответствующее количество иноязычных слов и выражений (11 %) в функции создания временного колорита. Относительно малое число иноязычий (5 %) в прогностической функции обусловлено, вероятно, двумя причинами. Для облегчения восприятия информации в заглавии автор отдаёт предпочтение средствам русского языка, на что косвенно указывают названия-цитаты, восходящие к иноязычным источникам, но переведённые на русский язык. Эпиграфы же в языке автора не столь распространены. Аналогичное количество иноязычий используется в эмоционально-оценочной функции (5 %) и в качестве компонентов языковой игры (5 %). Основное назначение иноязычных единиц этих функциональных групп в художественной прозе других писателей-эмигрантов заключается в акцентировании внимания читателей на особенностях русскоязычных персонажей, проживающих за границей, необычных условиях и ситуациях, которые их окружают. Однако у Б. Хазанова большинство персонажей-эмигрантов являются интеллигентами, которым свойственна высокая степень языковой рефлексии, поэтому иноязычные метаморфозы в их речи отсутствуют.

Поскольку даже для предметов и явлений из интимной сферы автором привлекаются прямые номинации, эвфемизмы редки в его языке. А случаи включения иноязычий для эвфемизации денотатов единичны (0,4 %).

Отдельно стоит отметить, что более четверти иноязычий служит отражением языковой картины мира автора. Объясняется это тем, что доминирующие позиции в его языковой картине мира занимают немецкий и французский языки, представленные посредством многочисленных цитат из художественной литературы. Множество крылатых слов и выражений, соотносимых с определёнными сферами жизни, передают значимость таких явлений для автора. Своеобразие языковой картины мира автора формируют, в том числе, элементы терминологии в художественной прозе.

Одним из способов введения иноязычий в текст можно обозначить калькирование. Кальки передают специфику другой нации, культурные особенности иной страны. Но в некоторых случаях, кальки выступают результатом длительно-

го пребывания автора в иноязычной среде. Эта закономерность прослеживается в произведениях позднего творчества. Необходимо, однако, отметить, что кальки в языке автора – явление не столь распространённое, как другие иноязычия. Общее их число составляет не более 2 %. Такое соотношение объясняется вероятными трудностями в идентификации калек, часто проявляющих сходство с русскими новообразованиями.

При графическом оформлении иноязычий в русском тексте автор руководствуется традиционными принципами: 1) введение иноязычий в текст в исконном графическом облике; 2) транслитерационный и транскрипционный способы передачи иноязычий; 3) сочетание латинской и кириллической графики в пределах одной лексемы. Наиболее частотны иноязычия в их исконном графико-орфографическом облике. Транслитерация и транскрипция в большей степени свойственна иноязычным историзмам и экзотизмам. В языке автора отсутствуют слова-гибриды.

В некоторых случаях применяются дополнительные графические средства для выделения иноязычных элементов: кавычки, курсивная передача слов, капитализация.

Говоря о морфологических способах введения иноязычий в русскоязычное окружение, стоит отметить, что предпочтение отдаётся национальным словам в исходной графике, которые, хотя и включаются в грамматическую парадигму русского языка, сохраняют, между тем, некую автономность. Случаи же образования авторских неологизмов на основе иноязычной лексики не носят системный характер, и скорее представляют исключения.

Одним из главных факторов, побудивших автора к использованию иноязычий, безусловно, является новый языковой контекст. Иноязычная среда оказала очевидное воздействие на художественное видение мира и язык писателя, находя отражение в создаваемых им произведениях.

Диахронический подход к предмету исследования позволяет заключить, что от раннего творчества автора (доэмигрантский период) к позднему (эмигрантский период) значительно увеличивается количество иноязычий, расширяется круг тем

произведений, куда привлекаются иноязычия, меняется их качественный состав, т. е. наблюдается заметное увеличение терминов и варваризмов в поздних произведениях. Помимо этого, отмечаются регулярные изменения в этимологическом составе. При этом прослеживаются общие тенденции: и в доэмигрантский, и в эмигрантский периоды качественный и количественный состав иноязычий обусловлен темой произведений, т. е. иноязычные единицы преобладают в текстах, воспроизводящих иноязычную действительность. Кроме того, наблюдается существенное доминирование германизмов над иноязычиями из других языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Явление художественного мультилингвизма в литературе столь же древнее, как и сама художественная литература. Классическое проявление художественного мультилингвизма в литературе на русском языке, заключающееся в использовании иноязычий, существуют с давних времен и до настоящего времени. Писатели и поэты активно обращаются к этому выразительному средству для достижения различных целей. Отдельное развитие данный феномен получил в художественной литературе русского зарубежья.

Проведенное исследование иноязычных элементов в языке Б. Хазанова позволило выявить как индивидуально-авторскую специфику, так и общие закономерности, характерные для других писателей-эмигрантов.

Анализ иноязычий предоставляет возможность судить о разнообразии функционального репертуара этих элементов в художественных текстах автора. Общей закономерностью (как для представителя третьей волны эмиграции) можно считать подавляющее большинство иноязычий в функции создания национального колорита. Эта тенденция наблюдается в языке В. Аксёнова, С. Довлатова, Д. Рубиной. Бесспорно, что языковая принадлежность основного набора иноязычий определяется страной, в которой пребывает писатель-эмигрант. У В. Аксёнова и С. Довлатова – это американизмы, у Д. Рубиной – лексемы из иврита и идиша. В языке Б. Хазанова в этой функции (при наличии нескольких языков) доминируют германизмы.

Другая общая для автора и писателей-эмигрантов особенность заключается в стереотипном использовании иноязычий в функции характеристики персонажа. Такие единицы, включённые в речь иноязычных героев, указывают на их национальную идентичность. В речи русскоязычных персонажей иноязычия отражают социальное происхождение, причастность к высшему свету либо выступают средством создания иронического эффекта для характеристики героев, слабо владеющих иностранными языками.

Задействование иноязычных интертекстуальных единиц в прогностической функции сближает автора с писателями-эмигрантами первой волны.

К индивидуальным особенностям применения иноязычий в языке автора можно отнести некоторые приёмы языковой игры, в частности – использование экзотизмов (мифические существа из античной и германской мифологий) в переносном значении. Тожественным способом у иноязычных терминов актуализируется эмоционально-оценочный компонент для выражения субъективной точки зрения автора на рассматриваемое явление или предмет.

Ещё одну специфику языка автора образуют термины в эвфемистической функции. Медицинские номенклатуры иноязычного происхождения заменяет «нежелательные лексемы» в области физиологии и медицины. Однако «вуалируются» только денотаты из мужской интимной сферы, которые отражают мужскую слабость, и физиологические процессы, свойственные женскому организму. Для остальных автор использует прямые обозначения.

Являясь важными компонентами языковой картины мира автора, иноязычия образуют с другими языковыми единицами комплекс, через который воспроизводится самобытное видение мира, отражается языковая личность писателя. Одну из доминирующих позиций в этом мире занимает немецкий язык, представленный через призму художественной литературы. Язык В. Гёте – «священный язык», а его произведение «Фауст» – Библия, которая повсюду сопровождает автора. Особое место отводится французской литературе, о чём свидетельствуют многочисленные цитаты из произведений французских классиков. Крылатые выражения, играющие роль культурных символов, определяют сферы, пользующиеся у автора повышенным интересом (*смысл бытия, религия, гендерные отношения, тоталитарный режим*).

Своеобразие языковой картины мира Б. Хазанова формируется применением терминологии в художественной прозе, поскольку автору удаётся органично сочетать научное знание с художественным мировосприятием, что создаёт неповторимую систему образного мироощущения. Филологические термины, медицинские и биологические номенклатуры отражают специфику образования и

профессиональной деятельности автора. Музыкальные термины в совокупности с шахматными и философскими информируют о широком круге его интересов. Номенклатуры из области кулинарии могут характеризовать автора как ценителя изысканных блюд.

Использование калек в языке автора вызвано рядом причин. В кальках отражается самобытность другого народа, культурные особенности иной страны. В речи иноязычных персонажей кальки выполняют характерологическую функцию, передают их индивидуальные особенности. В произведениях позднего творчества кальки обусловлены влиянием иноязычной среды. К особенностям авторского словоупотребления можно отнести калькирование иноязычных урбанонимов, что в языке других представителей третьей эмигрантской волны встречается редко. В процессе калькирования у некоторых русскоязычных единиц возникает дополнительное коннотативное значение, не свойственное исходному иноязычному эквиваленту, что позволяет увеличить выразительную составляющую текста.

Включая в текст иноязычные элементы, автор уделяет большое внимание их графическому оформлению. Абсолютное большинство в языке автора образуют иноязычия в их исконном графико-орфографическом облике, что обусловлено рядом причин. Среди единиц этой группы наиболее частотны цитаты. Поскольку они вводятся в текст для подкрепления авторской мысли, их «чужеродная» для русскоязычного контекста графика фокусирует внимание на наиболее значимом фрагменте. В латинском облике крылатых слов и выражений, а также естественнонаучных номенклатур отражаются сложившиеся традиции их употребления. Транслитерацией и транскрипцией автор передаёт историзмы, прошедшие фиксацию в словарях иностранных слов, а также топонимы и антропонимы. Единицы этой группы менее многочисленны и составляют приблизительно 32 % от общего числа. Слова-гибриды, которые считаются распространённым явлением в эмигрантской среде, в языке автора отсутствуют.

К индивидуальным особенностям можно отнести параллельное применение, несмотря на очевидный контраст между иноязычием и контекстом, дополнительных графических средств: капитализация, курсив, кавычки. Причем к наиболее

частотным следует отнести курсив и кавычки, поскольку основное предназначение этих графических средств заключается в разграничении «своего» – «чужого». На «инородность» для системы русского языка иностранных реалий в кириллическом облике указывают кавычки. Этой же цели служит курсивное оформление иноязычных эпиграфов и цитат. Капитализация иноязычных элементов допускается автором в единичных случаях для функционально-стилистической дифференциации контекста.

Среди морфологических способов введения иноязычий автор отдаёт предпочтение единицам с нулевой или частичной ассимилированностью к русскоязычному контексту. Обособленность и грамматическая самостоятельность у большинства таких иноязычных элементов делают невозможным определения грамматических категорий, свойственных единицам русского языка. Индивидуально-авторское словообразование производных от иноязычной лексики не получило широкого распространения.

Всё это может свидетельствовать о высокой степени речевого самоконтроля автора и сближает его творчество с творчеством писателей-эмигрантов первой и второй волн, выделяя на фоне эмиграции третьей волны.

Формирование художественного мультилингвизма автора происходило поступательно и во многом определялось внешними факторами. В раннем возрасте этому способствовала двуязычная среда, в дальнейшем одну из решающих ролей сыграла профессиональная его деятельность.

Обучение на факультете классической филологии открыли автору широкий доступ к первоисточникам древнегреческой и римской литературы. Медицинское образование способствовало появлению в языке автора большого количества медицинских терминов. Исключительным представляется влияние на развитие мультилингвизма иностранной литературы.

Однако наиболее важной предпосылкой формирования мультилингвизма автора можно считать эмиграцию. Нет сомнения в том, что иноязычное окружение оказало значительное влияние на художественное видение мира и язык писателя. Адаптация к новым условиям предполагала неизбежное погружение в ино-

странную языковую и культурную среду, что впоследствии нашло отражение в создаваемых им произведениях. Данное утверждение подкреплено выводами, полученными в результате сравнительного анализа иноязычий в разные периоды.

В творческом пути писателя выделяется 2 периода: доэмигрантский и эмигрантский. Количество произведений, созданных на этих двух этапах, различно. Число иноязычных единиц рассчитывалось по отношению к одной странице печатного текста. Анализ иноязычий, используемых в указанные периоды, позволил выявить общие закономерности:

- качественный и количественный состав иноязычий определяется, в первую очередь, сюжетной линией повествования, т. е. большое число иноязычий сопровождает произведения, изображающие за границу и эмиграцию. И, напротив, доля таких единиц в повествованиях на темы побега, лагеря, возвращения на Родину, российского уклада жизни и быта заметно меньше;
- наблюдается безусловное доминирование германизмов над иноязычиями из других языков.

Тем не менее, в эмигрантском периоде происходят некоторые изменения в принципах отбора и употребления иноязычий, не характерные для доэмигрантского периода:

- Заметно увеличивается число экзотизмов-окационализмов. На смену ассимилированным в русском языке экзотизмам приходят иноязычия, номинирующие инороссийские реалии, малознакомые русскоязычному читателю, и не зарегистрированные в русскоязычных словарях¹.

¹Бажанов, А.М. Библейская энциклопедия / А.М. Бажанов. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 768 с.
 Великая отечественная война 1941–1945 гг.: энциклопедия / гл. ред. М.М. Козлов. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 832 с.
 Гришина, Е.А. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов / Е.А. Гришина. – М.: Русские словари: АСТ: Астрель, 2002. – 960 с.
 Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Русский язык, 2005. – 1210 с.

- Значительно уменьшается количество окказиональных вкраплений. Такие изменения обусловлены привлечением многочисленных иноязычных цитат из известных источников художественной литературы.
- Возрастает число случаев применения иноязычных терминов и варваризмов.
- Происходит очевидное сокращение использования терминов в их прямом значении. Автор расширяет сочетательные возможности терминов, включая их в непривычное окружение, что позволяет акцентировать внимание читателей на новых неожиданных признаках денотата.
- Общее число иноязычий в эмигрантский период (более 800 иноязычных включения, т. е. 0,3 на одну страницу печатного текста) существенно превышает число иноязычий в доэмигрантский период (170 единиц, т. е. 0,16 на страницу печатного текста соответственно).

Продуктивное применение иноязычий в пределах художественного текста позволяет судить о художественном мультилингвизме писателя, поскольку в его творчестве отразились современные тенденции мультилингвизма: включение в текст иноязычных вкраплений, а не полный переход с одного языка на другой. Это способствует знакомству читателей с инонациональной действительностью, бытом, традициями и миропорядком в других культурах, приобщает к мировым ценностям и характеризует автора как мультилингвальную личность.

Необходимо, однако, отметить, что изучение языка Б. Хазанова не исчерпывается анализом функциональных особенностей иноязычий в художественной прозе автора. Перспективными могут быть исследования, направленные на изучение иноязычий в языке писателя с позиций когнитивного подхода, анализ синонимических и антонимических отношений между иноязычиями. Особый интерес может представлять изучение инвективной лексики. Вместе с этим словарь иноязычий в языке Б. Хазанова может стать отправной точкой для последующего лексикографического описания других единиц, формирующих индивидуальный стиль автора. Полученные результаты такого исследования могут быть реализо-

ваны в форме словаря, что позволит сформировать достаточно полное представление об идиостиле писателя.

Список литературы

1. Агеносов, В.В. Литература русского зарубежья (1918 – 1996) / В.В. Агеносов. – М.: Терра. Спорт, 1998. – 543 с.
2. Азнаурова, Э.С. Очерки по стилистике слова / Э.С. Азнаурова. – Ташкент: Фан, 1973. – 405 с.
3. Азнаурова, Э.С. Прагматика художественного слова / Э.С. Азнаурова. – Ташкент: Фан, 1988. – 122 с.
4. Александрович, Н.В. Интертекстуальный аспект художественного перевода / Н.В. Александрович // Образование – наука – творчество. – 2005. – № 5. – С. 58–63.
5. Алексеев, М.П. Многоязычие и литературный процесс / М.П. Алексеев // Многоязычие и литературное творчество. – Л.: Наука, 1981. – С. 7–18.
6. Апресян, Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. 2. – 767 с.
7. Арапова, Н.С. Кальки в русском языке послепетровского периода: опыт словаря / Н.С. Арапова. – М.: МГУ, 2000. – 319 с.
8. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык / И.В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / И.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – № 16. – С. 3–43.
10. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.
11. Арутюнова, Н.Д. Русская грамматика. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология / Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, Н.Ю. Шведова и др. – М.: Наука, 1980. – Т. I. – 784 с.

12. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. – 1981. – №4. – С. 356–367.
13. Бабкин, А.М. Иноязычные выражения в составе русской фразеологии / А.М. Бабкин // Проблемы современной филологии. – М.: Наука, 1965. – С. 11–15.
14. Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. – Л.: Наука, 1970. – 263 с.
15. Багана, Ж. Контактная лингвистика: Взаимодействие языков и билингвизм: монография / Ж. Багана, Е.В. Хапилина. – М.: Флинта, 2010. – 128 с.
16. Балеевских, К.В. Писатель-билингв: свой среди чужих? / К.В. Балеевских // Педагогический вестник. – 2003. – № 12. – С. 234–240.
17. Балеевских, К.В. Язык как экспликация культурного опыта писателя-билингва (А. Макина): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Балеевских Ксения Викторовна. – Ярославль, 2002. – 229 с.
18. Баранов, А.Н. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемии / А.Н. Баранов, П.Б. Паршин // Проблемы эффективности речевой коммуникации. – М.: ИНИОН, 1989. – С. 41–114.
19. Бархударов, Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
20. Баш, Л.М. Дифференциация термина «заимствование»: хронологический и этимологический аспекты / Л.М. Баш // Вестник московского университета (филология). – 1989. – № 9. – С. 22–34.
21. Белова, Н.А. Филологический анализ художественного текста: реализация интеграции лингвистического и литературоведческого подходов в школе / Н.А. Белова. – Саранск: Мордовский государственный университет, 2008. – 205 с.
22. Беляевская, Е.Г. Семантика слова / Е.Г. Беляевская. – М.: Высшая школа, 1987. – 128 с.
23. Блинохватова, В.М. Русско-французский билингвизм российского дворянства первой половины XIX века: дис. ... док. филол. наук: 10.02.01 / Блинохватова Варвара Михайловна. – Ставрополь, 2005. – 179 с.
24. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.

25. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.
26. Богословская, В.Р. Англицизмы в русской спортивной лингвокультуре конца XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Богословская Виолетта Руслановна. – Волгоград, 2003. – 183 с.
27. Болотнова, Н.С. Художественный текст и языковая личность / Н.С. Болотнова. – Томск: Издательство ТГПУ, 2001. – 181 с.
28. Большакова, Т.И. Иноязычные вкрапления в художественных текстах В.П. Аксёнова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Большакова Татьяна Игоревна. – Воронеж, 2008. – 193 с.
29. Борисова, В.М. Проблема языковой личности автора как категория художественного текста / В.М. Борисова // Вестник Удмуртского университета. – 2006. – № 5–2. – С. 185–190.
30. Брагина, А.А. Неологизмы в русском языке / А.А. Брагина. – М.: Просвещение, 1973. – 224 с.
31. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. – 1972. – Вып. 6. – С. 25–60.
32. Валгина, Н.С. Современный русский язык / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь. – М.: Логос, 2002. – 528 с.
33. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 1998. – 173 с.
34. Валькова, Е.А. Роль заимствований в создании салонных стилей русского литературного языка конца XVIII - начала XIX веков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Валькова Елена Анатольевна. – М., 2000. – 251 с.
35. Вардзелашвили, Ж.А. Коннотация и ее роль в метафоризации / Ж.А. Вардзелашвили // Славистика в Грузии. ТГУ. – 2000. – Выпуск 2. – С. 18–23.
36. Варченко, В.В. Формы и функции цитатной речи в медиа-тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Варченко Виктория Викторовна. – М., 2007. – 163 с.
37. Васильев, Н.Л. Варваризмы в языке Пушкина / Н.Л. Васильев, Е.В. Савина // Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 99–105.

38. Верещагин, Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е.М. Верещагин. – М.: МГУ, 1969. – 160 с.
39. Виноградов, В.В. «Европеизмы» в лексике, фразеологии и семантике пушкинского языка и их национальное оправдание // Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков: Учебник / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1982. – С. 263–169.
40. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение: Общие и лексические вопросы / В.С. Виноградов. – М.: ИОСО РАО, 2001. – 224 с.
41. Винокур, Г.О. Доклад о Ломоносове / Г.О. Винокур // Вопросы литературы. – 1997. – №3. – С. 314–325.
42. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
43. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 341 с.
44. Володарская, Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов / Э.Ф. Володарская // Вопросы языкознания. – 2002. Вып. 4. – С. 96–118.
45. Галактионов, А.П. Морфемные типы номинативных полиграфиксатов-симплексов в современном русском языке / А.П. Галактионов, Т.В. Попова // Вестник ННГУ. – 2011. – № 5 (1). – С. 313–317.
46. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
47. Гвоздев, А.Н. Очерки по стилистике русского языка / А.Н. Гвоздев. – М.: КомКнига, 2009. – 408 с.
48. Гинзбург, Л.Я. О литературном герое / Л.Я. Гинзбург. – Л.: Советский писатель, 1979. – 223 с.
49. Гируцкий, А.А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы / А.А. Гируцкий. – Минск: Университетское, 1990. – 175 с.

50. Глазунова, О.И. Логика метафорических преобразований / О.И. Глазунова. – СПб.: Питер, 2000. – 190 с.
51. Гловинская, М.Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции / М.Я. Гловинская // Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты. – М. – Вена: Языки славянской культуры, 2001. – С. 341–492.
52. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. – М.: Рольф, 2001. – 448 с.
53. Голубева-Монаткина, Н.И. Об особенностях русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции / Н.И. Голубева-Монаткина // Русский язык за рубежом. – 1993. – № 2. – С. 100–105.
54. Горелов, И.Н. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
55. Грановская, Л.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: Очерки / Л.М. Грановская. – М.: Издательство Элгас, 2005. – 443 с.
56. Григорьев, И.Н. Литературный билингвизм в Набокова: синтаксическая интерференция в англоязычных произведениях писателя: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Григорьев Илья Николаевич. – Пермь, 2005. – 200 с.
57. Григорьева, Т.М. Иноязычие в истории русского языка / Т.М. Григорьева // Филология – Журналистика, 99: Сборник материалов научной конференции. – Красноярск: КрасГУ, 1999. – С. 18–23.
58. Григорьева, Т.М. Три века русской орфографии (XVIII – XX вв.) / Т.М. Григорьева. – М.: Эллис, 2004. – 456 с.
59. Григорьева, Т.М. Латиница против кириллицы и vice versa / Т.М. Григорьева // Кириллица – латиница – гражданица: Коллективная монография. – Великий Новгород: МИОН, 2009. – С. 136–151.
60. Григорян, Э.А. «Чужой язык» в русской литературе / Э.А. Григорян // Русская речь. – 1997. – № 4. – С. 73–79.
61. Гринёв, С.В. Терминологические заимствования / С.В. Гринёв // Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – М.: Наука, 1982. – С. 108–136.

62. Гусейнов, Ч.Г. Проблемы двуязычного художественного творчества в советской литературе / Ч.Г. Гусейнов // Единство, рожденное в борьбе и труде. – М.: Известия, 1972. – 157 с.

63. Дешериев, Ю.Д. Проблема создания системы билингвистических понятий и вопросы методики ее применения в исследовании билингвизма / Ю.Д. Дешериев // Методы билингвистических исследований. – М.: Академиздатцентр «Наука», 1976. – С. 20–33.

64. Дьяков, А.И. Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца XX века в функциональном аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Дьяков Анатолий Иванович. – Новосибирск, 2001. – 291 с.

65. Заборов, П.Р. Русско-французские поэты XVIII в. / П.Р. Заборов // Многоязычие и литературное творчество. – Л.: Наука, 1981. – С. 66–106.

66. Западная, К.В. Заимствованные языковые единицы в современной рок-поэзии: структурно-семантический и функционально-стилистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Западная Ксения Владимировна. – Ростов-на-Дону, 2010. – 22 с.

67. Зеленин, А. Язык русской эмигрантской прессы (1919 – 1939) : дис. ... док. филол. наук: 10.02.01 / Зеленин Александр. – Тампера, 2007. – 663 с.

68. Земская, Е.А. Общие языковые процессы и речевые портреты / Е.А. Земская // Язык русского зарубежья. – М. – Вена: Языки славянской культуры, 2001. – С. 27–338.

69. Земская, Е.А. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова. – М.: Наука, 1983. – 328 с.

70. Земская, Е.А. Сорняк или роза? (К вопросу о сохранности русского языка у эмигрантов четвертой волны) / Е.А. Земская // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1972. – Т. 61. – № 4. – С. 37–42.

71. Земская, Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет / Е.А. Земская // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1996. – С. 157–162.

72. Земская, Е.А. Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования / Е.А. Земская // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 114–131.
73. Иванов, В.В. Язык великого братства / В.В. Иванов, Н.Г Михайловская, В.М. Панькин. – М.: Знание, 1986. – 158 с.
74. Иващенко, Е.Г. Эволюция литературного билингвизма в творчестве В. Набокова (взаимодействие стиха и прозы): автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Иващенко Елена Геннадьевна. – Москва, 2004. – 19 с.
75. Истрин, В.М. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе: Репринтное издание материалов В.М. Истрина / В.М. Истрин. – М.: Джон Уайли энд Санс, 1994. – 473 с.
76. Кабакчи, В.В. Прагматика иноязычия / В.В. Кабакчи // Прагматический аспект предложения и текста: Межвузовский сборник научных трудов. – Л.: ЛГПИ имени А.И. Герцена, 1990. – С. 30–40.
77. Кабанова, И.В. Познание гламура дискурсом: язык в романе В. Пелевина «Empire V» / И.В. Кабанова // Известия Саратовского университета. – 2007. – Вып.1. – С. 42–51.
78. Каменева, Л.Н. О передаче иноязычных выражений в немецких текстах при переводе на русский язык / Л.Н. Каменева // Вопросы качества научно-технического перевода. – Челябинск, 1978. – С. 54–57.
79. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
80. Квартовкина, Ю.О. Речь английской и русской аристократии в произведениях художественной литературы XIX века: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Квартовкина Юлия Олеговна. – Волгоград, 2004. – 16 с.
81. Китанина, Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке: дис. ... док. филол. наук: 10.02.01 / Китанина Элла Анатольевна. – Ростов-на-Дону, 2005. – 415 с.

82. Коваленко, А.Г. «Я выхожу на Place de la Concorde». Иноязычная лексика в поэзии В. Маяковского / А.Г. Коваленко // Русская речь. – 1986. – № 5. – С. 36–44.
83. Кожевникова, Н.А. О языке художественной литературы русского зарубежья / Н.А. Кожевникова // Русский язык зарубежья. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – С. 119–287.
84. Колесова, Н.В. Заимствования в идиостиле В. Аксенова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Колесова Наталья Васильевна. – Красноярск, 2005. – 169 с.
85. Колкер, Ю. Писатель земли русской / Ю. Колкер // официальный сайт Б. Хазанова. – Режим доступа: <http://boris-chasanow.imwerden.de>.
86. Колосова, Н.А. Французская традиция в российском культурном пространстве / Н.А. Колосова // Спецкурсы по романской филологии. – Саратов: Изд. саратовского университета, 2003. – С. 67–84.
87. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник для институтов и факультетов иностранных языков / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
88. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
89. Корш, Ф.Е. О некоторых славянских словах иноязычного происхождения. – Харьков: Типо-литография С.А. Шмерковича, 1904. – 10 с.
90. Кржижановский, С. Статьи. Заметки. Размышления о литературе и театре: Собрание сочинений / С. Кржижановский. – СПб.: Симпозиум, 2006. – Т. 4. – 843 с.
91. Крысин, Л.П. Заимствования / Л.П. Крысин // Русский язык. Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 132–133.
92. Крысин, Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л.П. Крысин. – М.: Наука, 1968. – 208 с.
93. Крысин, Л.П. О некоторых новых типах слов в русском языке: слова-кентавры / Л.П. Крысин // Вестник ННГУ. – 2010. – № 4 (2). – С. 575–579.

94. Крысин, Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
95. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – Омск: ОмГУ, 1999. – 268 с.
96. Ларин, Б.А. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы / Б.А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
97. Леонтьев, А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь / А.А. Леонтьев // Вопросы культуры речи. – 1966. – Вып. 7. – С. 60–67.
98. Листрова, Ю.Т. Иносистемные языковые вкрапления в русской художественной литературе XIX / Ю.Т. Листрова. – Воронеж: Издательство ВГУ, 1979. – 155 с.
99. Листрова-Правда, Ю.Т. Иноязычные вкрапления-библейзмы в русской литературной речи XIX-XX вв. / Ю.Т. Листрова-Правда // Вестник ВГУ. Гуманитарные науки. – 2001. № 1. – С. 119–139.
100. Листрова-Правда, Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX-XX вв. / Ю.Т. Листрова-Правда. – Воронеж: ВГПУ, 1986. – 143 с.
101. Лотман, Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин: биография писателя / М.Ю. Лотман. – Л.: Просвещение, 1983. – 250 с.
102. Лотман, Ю.М. Семиосфера. Текст в тексте (Вставная глава) / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2001. – 703 с.
103. Лупачёва, Т.А. Функционирование китайских вкраплений в произведениях американской писательницы Эми Тэн: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Лупачёва Татьяна Александровна. – Владивосток, 2005. – 192 с.
104. Мадден, Е. О «Вчерашней вечности». Рецензия на роман [Электронный ресурс] / Е. Мадден // официальный сайт Б. Хазанова. – Режим доступа: <http://boris-chasanow.imwerden.de>.

105. Макеева, Е.В. Заимствованная лексика западноевропейского происхождения в языке А.С. Пушкина: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Макеева Елена Вячеславовна. – Нижний Новгород, 2008. – 184 с.
106. Маслова, В.А. Современные направления в лингвистике / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2008. – 272 с.
107. Маслова, Ж.Н. Явление билингвизма и англоязычные традиции в поэзии И. Бродского и В. Набокова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Маслова Жанна Николаевна. – Балашов, 2001. – 174 с.
108. Матвеева, Е.Н. Коммуникативно обусловленное эстетическое значение слова в поэзии (на материале поэзии Игоря Северянина): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Матвеева Елена Николаевна. – Барнаул, 2009. – 16 с.
109. Матвеева, Е.Н. Языковая игра в поэзии Игоря Северянина / Е.Н. Матвеева // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – №1. – С. 69–71.
110. Мещерский, Н.А. История русского литературного языка / Н.А. Мещерский. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1981. – 280 с.
111. Михайловская, Н.Г. О проблемах художественно-литературного двуязычия / Н.Г. Михайловская // Вопросы языкознания. – 1979. – № 2. – С 61–73.
112. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис // Семиотика: Сборник переводов. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–89.
113. Мохаммади, З.Й. Восток в языке произведений Пушкина / З.Й. Мохаммади // Материалы III Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». – М.: Издательство МГУ, 2007. – С. 700–701.
114. Напцок, М.Р. Словотворчество в художественной прозе русского зарубежья (первая волна эмиграции: И.А. Бунин, Е.И. Замятин, В.В. Набоков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Напцок Мариетта Радиславовна. – Майкоп, 2001. – 214 с.

115. Николаев, С.Г. Иноязычие как метакомпонент художественного текста (к вопросу о биленгвеме в поэзии) / С.Г. Николаев // Филологический вестник Ростовского государственного университета. – 2004. – № 3. – С. 28–33.

116. Николаев, С.Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Николаев Сергей Георгиевич. – Ростов-на-Дону, 2006. – 559 с.

117. Норман, Б.Ю. Игра на гранях языка / Б.Ю. Норман. – М.: Наука: Флинта, 2006. – 344 с.

118. Падучева, Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е.В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

119. Пелих, Е.А. Социолингвистический статус англицизмов в прозе писателей-эмигрантов / Пелих Е.А. // Человек в современных философских концепциях. – Волгоград : ВолГУ, 2007. – Т.4. – С. 238–244.

120. Пелих, Е.А. Семантическая специфика заимствованной лексики в прозе писателей-эмигрантов / Пелих Е.А. // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2007. – С. 351–359.

121. Практическая транскрипция фамильно-именных групп / Под ред. Р.С. Гиляревского. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. – 224 с.

122. Рахманова, Л.И. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология: Учебное пособие / Л.И. Рахманова, В.Н. Суздальцева.– М.: МГУ; ЧеРо, 1997. – 480 с.

123. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.

124. Розенцвейг, В.Ю. Языковые контакты / В.Ю. Розенцвейг. – Л.: Наука, 1972. – 72 с.

125. Руженцева, Н.Б. Диффузия языка и культуры как когнитивный механизм постижения чужого мира / Н.Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 98–107.

126. Сайнбаяр, В. Иноязычная лексика и особенности её использования в путевых записках Петровского времени: автореф. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Сайнбаяр В. – М., 2007. – 26 с.
127. Санников, В.Г. Русский язык в зеркале языковой игры / В.Г. Санников. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
128. Сапожникова, О.С. К вопросу о переводе иноязычных элементов оригинала / О.С. Сапожникова // Актуальные вопросы теории и практики перевода научно-технической литературы. Тезисы докладов и сообщений областной научно-технической конференции. – Орел, 1980. – С. 40–42.
129. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
130. Сидорова, О.Г. Англоязычные вкрапления в текстах А.С. Пушкина / О.Г. Сидорова // Известия Уральского государственного университета. – 1999. – № 11. – С. 69–74.
131. Сквородников, А.П. Языковая игра // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
132. Скребов, Г.Н. Иноязычные вкрапления в послевоенной художественной литературе (1945 – 1969): дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Скребов Геннадий Николаевич. – Воронеж, 1997. – 165 с.
133. Смирнова, Т.А. Типология и функции цитаты в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Смирнова Татьяна Александровна. – М., 2005. – 180 с.
134. Соболевский, А.И. Труды по истории русского языка. Очерки из истории русского языка. Лекции по истории русского языка / А.И. Соболевский. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Т. 1. – 712 с.
135. Сорокин, Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка (30 – 90-е годы XIX в) / Ю.С. Сорокин. – М.: Наука, 1965. – 565 с.
136. Спивак, Д.Л. Метафизика Петербурга: Французская цивилизация / Д.Л. Спивак. – СПб.: Алетейя, 2005. – 173 с.

137. Степанов, Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи / Г.В. Степанов. – М.: Наука, 1976. – 183 с.

138. Степанов, Ю.С. В поисках прагматики (проблема субъекта) / Ю.С. Степанов // Известия АН СССР. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 325–332.

139. Тихомирова, Е.В. Проза русского зарубежья и России в ситуации постмодерна: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01 / Тихомирова Елена Владимировна. – Иваново, 2000. – 372 с.

140. Тищенко, О.В. Иноязычное слово в поэтическом тексте (на материале русской поэзии XX века): автореф. дис ... кан. филол. наук: 10.02.01 / Ольга Викторовна Тищенко. – Москва, 2005. – 32 с.

141. Тищенко, О.В. Иноязычные элементы в составе заголовочного комплекса и способы их взаимодействия с текстом (на материале русской поэзии XX века) / О.В. Тищенко, Н.А. Фатеева // Поэтика заглавия: Сб. науч. трудов. – М.; Тверь: Лилия Принт, 2005. – С. 209–217.

142. Томахин, Г.Д. Реалии-американизмы: Пособие по страноведению / Г.Д. Томахин. – М.: Высш. шк., 1988. – 239 с.

143. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учебное пособие / Б.В. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 334 с.

144. Туксаитова, Р.О. Художественный билингвизм: к определению понятия / Р.О. Туксаитова // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 39. – С. 198–206.

145. Успенский, Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века / Б.А. Успенский. – М.: Изд-во Московского унив-та, 1985. – 212 с.

146. Ушаков, Б.Ю. Семантика и функции лексических заимствований в современной русской прессе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ушаков Борис Юрьевич. – СПб., 2009. – 202 с.

147. Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности / Н.А. Фатеева. – М.: КомКнига, 2007. – 282 с.

148. Фёдоров, А.В. Индивидуальный стиль автора и случаи писательского двуязычия / А.В. Фёдоров // Очерки общей и сопоставительной стилистики. – М.: Высшая школа, 1971. – С. 167–193.

149. Фесенко, А. Русский язык при Советах / А. Фесенко, Т. Фесенко. – Нью-Йорк: Rausen Bros, 1955. – 222 с.

150. Филатова, М.А. Русская экзотическая лексика во французском языке и французская экзотическая лексика в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Филатова Нина Алексеевна. – М., 2009. – 290 с.

151. Хайдеггер, М. Исток художественного творения: Избранные работы разных лет / М. Хайдеггер. – М.: Академический проект, 2008. – 528 с.

152. Хауген, Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. – 1972. – Вып. VI. – С. 61–80.

153. Чеплыгина, И.Н. Языковые средства экспрессивности в художественной прозе В. Набокова: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01 / Чеплыгина Инна Николаевна. – Ростов-на-Дону, 2002. – 318 с.

154. Чепурных, В.И. Прагматические и стилистические функции графических средств в художественном тексте / В.И. Чепурных // Текст и его компоненты как объект комплексного анализа. – Л.: ЛГПИ, 1986. – С. 124–132.

155. Чернец, Л.В. Иноязычная речь в художественном произведении / Л.В. Чернец // Русская словесность. – 2004. – № 7. – С. 6–12.

156. Чернец, Л.В. Асаже, или Галломания в Замоскворечье (об иноязычных вкраплениях в пьесах А.Н.Островского) / Л.В. Чернец // Русская словесность. – 2008. – № 3. – С. 26–32.

157. Чернышева, М.И. К характеристике славянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы (Роль иноязычных вкраплений) / М.И. Чернышева // Византийский Временник Российской Академии Наук. – 1983. – № 44. – С. 221–226.

158. Чигирин, Е.А. Немецкие вкрапления в текстах М. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чигирин Евгений Анатольевич. – Воронеж, 2002. – 158 с.

159. Чуковский, К.И. Дневник: 1901 – 1929 / К.И. Чуковский. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2003. – Т. I. – 638 с.
160. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н.М. Шанский. – М.: Министерство просвещения РСФСР, 2005. – 332 с.
161. Швейцер, А.Д. Введение в социолингвистику / А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский. – М.: Высшая школа, 1978. – 216 с.
162. Шестакова, Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность / Л.Л. Шестакова. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 464 с.
163. Щерба, Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике / Л.В. Щерба. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1958. – Т. I. – С. 5–24.
164. Ясинская, М.Б. Лексические заимствования в Петровскую эпоху и языковая личность: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ясинская Милена Борисовна. – Москва, 2004. – 24 с.

Иноязычная литература

165. Flammhorst, N.N. Die Wesenheit des indischen Schachspiels und die diesem Urspiel zunächst verwandte Spielweise; eine Variation über das alte Schachspiel / N.N. Flammhorst. – Rürnberg, 1843. – 20 S.
166. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge, E. Seebold. – Berlin; New-York: Walter de Gruyter, 2002. – 1023 S.
167. Reiners, L. Stilfibel: der sichere Weg zum guten Deutsch / L. Reiners. – München: Verlag C.H. Beck, 2001. – 241 S.
168. Röhrich, L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten / L. Röhrich. – Freiburg: Herder, 1978. – Band 2. – 1255 S.
169. Schmeling M., Multilinguale Literatur im 20. Jahrhundert / M. Schmeling, M. Schmitz-Emans. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2002. – 346 с.
170. Seite der Familie von Se(i)ydlitz [Электронный ресурс] // сайт семейного клана Зейдлиц. – Режим доступа: <http://www.se-i-ydlitz.de/>

Словари, энциклопедии, справочники

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Бабичев, Н.Т. Словарь латинских крылатых слов и выражений / Н.Т. Бабичев, Я.М. Боровской. – М.: Русский язык, 1988. – 960 с.
3. Бабкин, А.М. Словарь иноязычных выражений и слов / А.М. Бабкин, В.В. Шендецов. – Л.: Наука, 1981. – 698 с.
4. Бажанов, А.М. Библейская энциклопедия / А.М. Бажанов. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 768 с.
5. Богданова, Л.А. Толковый словарь медицинских терминов / Л.А. Богданова, А.В. Криничанский. – Сочи: Сонет, 1991. – 60 с.
6. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов: 17000. – М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2002. – 960 с.
7. Брокгауз, Ф.А. Энциклопедический Словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб.: Изд. общество Ф.А. Брокгауз, 1891. – Т. 3 А (6). – С. 481–956.
8. Бурдон, И. Полный словарь иностранных слов «115000» вошедших в употребление в русском языке с означением их корней / И. Бурдон, А. Михельсон. – М.: Типография Ф. Йогансон, 1885. – 1072 с.
9. Великая отечественная война 1941–1945 гг.: энциклопедия / гл. ред. М.М. Козлов. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 832 с.
10. Гришина, Е.А. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов / Е.А. Гришина. – М.: Русские словари: АСТ: Астрель, 2002. – 960 с.
11. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Русский язык, 2005. – 1210 с.
12. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
13. Серов, В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В.В. Серов. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 880 с.

Художественная литература

1. Айтматов, Ч. Султанмурат едет в город / Ч. Айтматов // С добрым утром!: Рассказы и стихи о Родине. – М.: Детская литература, 1989. – С. 104–110.
2. Блок, А.А. Стихотворения / А.А. Блок. – Ленинград: Советский писатель, 1955. – 618 с.
3. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита: Романы, пьесы / М.А. Булгаков. – М.: Современник, 1991. – 702 с.
4. Гоголь, Н.В. Избранные произведения / Н.В. Гоголь. – Киев: Дншро, 1964. – 594 с.
5. Довлатов, С. Две повести / С. Довлатов. – М.: Слово, 1991. – 175 с.
6. Жолковский, А. Through a glass, darkly / А. Жолковский // Новый мир. – 2006. – № 10 – С. 71–94.
7. Катаев, В.П. Святой колодец: Трава забвенья / В.П. Катаев. – М.: Сов. писатель, 1969. – 342 с.
8. Кленовский, Д.И. Полное собрание сочинений [Электронный ресурс] / Д.И. Кленовский // libatriam: электронная библиотека. – Режим доступа: <http://libatriam.net/read/413410/0/>
9. Лермонтов, М.Ю. Собрание сочинений в шести томах / М.Ю. Лермонтов. – Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1954. – Т. 2. – 452 с.
10. Маяковский, В.В. Стихотворения: Книга первая / В.В. Маяковский. – М.: Директ-медиа, 2012. – 294 с.
11. Мятлев, И.П. Стихотворения / И.П. Мятлев. – Л.: Советский писатель, 1969. – 647 с.
12. Островский, А.Н. Собрание сочинений: Пьесы 1862 – 1864 / А.Н. Островский. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – Т. 2. – 448 с.
13. Пелевин, В. Empire «V» / В. Пелевин. – М.: Эксмо, 2006. – 416 с.

14. Поплавский, Б.Ю. Собрание сочинений [Электронный ресурс] / Б.Ю. Поплавский // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/poplawskij_b_j/
15. Пушкин, А.С. Пиковая дама. Египетские ночи / А.С. Пушкин. – М.: Художественная литература, 1981. – 140 с.
16. Северянин, И. Лирика / И. Северянин. – Минск: Харвест: М.: АСТ, 2000. – 448 с.
17. Тургенев, И.С. Избранные произведения / И.С. Тургенев. – М.: Московский рабочий, 1950. – 931 с.
18. Фадеев, А. Молодая гвардия / А. Фадеев. – М.: Молодая гвардия, 1946. – 470 с.
19. Фонвизин, Д.И. Бригадир: Недоросль / Д.И. Фонвизин. – М.: Художественная литература, 1972. – 148 с.
20. Ходасевич, В.Ф. Собрание сочинений [Электронный ресурс] / В.Ф. Ходасевич // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. – Режим доступа: http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/
21. Чернышевский, Н.Г. Что делать? / Н.Г. Чернышевский. – СПб: Своё издательство, 2010. – 357 с.

Список источников

1. Хазанов, Б. Час короля. Антивремя: Повесть / Б. Хазанов. – М.: СП «Слово», 1991. – 252 с.
2. Хазанов, Б. Нагльфар в океане времён / Б. Хазанов. – М.: Текст, 1993. – 224 с.
3. Хазанов, Б. Город и сны: Повести рассказы / Б. Хазанов. – М.: Вагриус, 2001. – 428 с.
4. Хазанов, Б. Ветер изгнания / Б. Хазанов. – М.: Возвращение, 2003. – 224 с.

5. Хазанов, Б. К северу от будущего / Б. Хазанов. – М.: Вагриус, 2004. – 255 с.
6. Хазанов, Б. Пока с безмолвной девой: Проза разных лет / Б. Хазанов. – М.: ВагриусПлюс, 2005. – 528 с.
7. Хазанов, Б. Полное собрание сочинений Тучина / Б. Хазанов // Химия и жизнь. – 2006. – № 10. – С. 65–68.
8. Хазанов, Б. Истинная история минувших времён / Б. Хазанов. – СПб.: Алетейя, 2009. – 448 с.
9. Хазанов, Б. Родники и камни / Б. Хазанов. – М.: Новый хронограф, 2009. – 330 с.
10. Хазанов, Б. Вчерашняя вечность / Б. Хазанов. – СПб.: Алетейя, 2010. – 448 с.
11. Хазанов, Б. После нас потоп / Б. Хазанов. – СПб.: Алетейя, 2010. – 448 с.
12. Хазанов, Б. Третье время / Б. Хазанов. – СПб.: Алетейя, 2010. – 448 с.
13. Хазанов, Б. Взгляни на иероглиф / Б. Хазанов. – СПб.: Алетейя, 2013. – 448 с.
14. Хазанов, Б. Глухой неведомой тайгой [Электронный ресурс] / Б. Хазанов // официальный сайт Б. Хазанова. – Режим доступа: <http://boris-chasanow.imwerden.de>.
15. Хазанов, Б. Девушка и фаталист [Электронный ресурс] / Б. Хазанов // официальный сайт Б. Хазанова. – Режим доступа: <http://boris-chasanow.imwerden.de>.
16. Хазанов, Б. Побег [Электронный ресурс] / Б. Хазанов // официальный сайт Б. Хазанова. – Режим доступа: <http://boris-chasanow.imwerden.de>.

Список иллюстративного материала

Диаграмма 1. Доля индивидуально-авторских единиц в общем количестве иноязычий (доэмигрантский период).....	132
Диаграмма 2. Этимологический состав иноязычий (доэмигрантский период).....	132
Диаграмма 3. Распределение иноязычий по разновидностям в доэмигрантский период.....	133
Диаграмма 4. Соотношение иноязычий на разных этапах эмигрантского периода.....	135
Диаграмма 5. Доля индивидуально-авторских единиц в общем количестве иноязычий (эмигрантский период).....	138
Диаграмма 6. Распределение иноязычий по разновидностям в эмигрантский период.....	139
Диаграмма 7. Соотношение иноязычий в доэмигрантский и эмигрантский периоды.....	140
Диаграмма 8. Распределение иноязычий по реализующим ими функциям в художественной прозе Б. Хазанова.....	141

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Борис Хазанов. Биографическая справка

Борис Хазанов (настоящее имя – Гиероним Моисеевич Файбусович) родился в 1928 году. В год окончания войны с аттестатом отличника он поступил на классическое отделение филологического факультета МГУ. В 1949 году накануне ноябрьских праздников его арестовали и приговорили к восьми годам лагеря. Срок писатель отбывал в Унжлаге, располагавшемся на территории Горьковской (ныне Нижегородская) и Костромской областей.

После условно-досрочного освобождения в 1955 году он, блестяще сдав экзамены, был зачислен в медицинский институт в Калинин (ныне Тверь), который закончил в 1961 году.

В конце 1963 года писатель поступил в аспирантуру, завершив обучение защитой кандидатской диссертации.

Но несмотря на успешную карьеру врача, писательство всё больше и больше захватывало его. Первые публикации медицинского характера появились в детском журнале «Пионер». Затем последовали естественнонаучные статьи в ежемесячнике «Химия и жизнь» и этюды о врачевании в журнале «Знания – сила». Весь накопленный опыт в околонушной эссеистике пригодился для написания детской книги по медицине «Необыкновенный консилиум», опубликованной в 1975 г. под псевдонимом Г. Шингарев. Спустя несколько лет писатель занялся переводом писем Готфрида Лейбница.

В 1976 году Б. Хазанов, получив предложение возглавить журнал «Химия и жизнь», окончательно порвал с медициной.

В 1981 г. писатель эмигрировал в Австрию, затем в Германию и обосновался в Мюнхене.

Насыщенная литературная жизнь за рубежом проявилась в публикации на русском языке 10 романов, повестей, рассказов, публицистических текстов, зна-

чительное количество которых переведены на немецкий, французский, английский и другие языки.

В 1998 году Б. Хазанов стал лауреатом премии «Литература в изгнании» имени Хильды Домин. В 2008 году заслуги писателя были оценены в России, где ему была вручена Русская премия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Словарь графико-орфографических иноязычий в языке Б. Хазанова

В данный словарь вошли иноязычные вкрапления, т. е. слова, словосочетания и цитаты в исконном графико-орфографическом облике, характерные для языка Б. Хазанова и не зафиксированные в русскоязычных словарях¹.

Структура словаря. Словарные статьи объединены в группы по языку-источнику. Внутри каждой группы статьи расположены в алфавитном порядке. Непосредственно в структуре словарной статьи можно выделить следующие элементы:

- 1) заголовочное слово;
- 2) сведения о языке-источнике;
- 3) перевод слова, при необходимости приводится энциклопедическая справка;
- 4) для цитат – автор и источник произведения;
- 5) библиографическая ссылка на произведение Б. Хазанова, где упоминается иноязычие.

Сведения о языке-источнике иноязычия приводятся в виде соответствующих помет:

<i>англ.</i>	английский
<i>нем.</i>	немецкий
<i>греч.</i>	греческий
<i>ивр.</i>	иврит
<i>испан.</i>	испанский
<i>итал.</i>	итальянский

¹Бабичев, Н.Т. Словарь латинских крылатых слов и выражений / Н.Т. Бабичев, Я.М. Боровской. – М.: Русский язык, 1988. – 960 с.

Бабкин, А.М. Словарь иноязычных выражений и слов / А.М. Бабкин, В.В. Шендецов. – Л.: Наука, 1981. – 698 с.

<i>польск.</i>	польский
<i>португ.</i>	португальский
<i>рум.</i>	румынский
<i>лат.</i>	латинский
<i>франц.</i>	французский

Немецкий язык

1. Ach, den Blick kannst du nicht sehen, / Der zu dir so glühend eilt, / Und die Seufzer, sie verwehen / In dem Raume, der uns teilt (Alois Isidor Jeitteles. An die ferne Geliebte)	нем. Тебя не достигнет мой взор, устремлённый к тебе с такой страстью, мой вздох исчезнет в пространстве, разделяющем нас (Алоиз Ейтелес «К далёкой возлюбленной». Перевод Б. Хазанова) (Ксения) [Хазанов, 2005, с. 210]
2. Ach was	нем. Ах вот как. (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 196]
3. Also nichts	нем. Да никак (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 192]
4. Also?	нем. И как? (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 192]
5. Barmädchen	нем. Девушка в баре (Взгляни на иероглиф) [Хазанов, 2013, с. 15]
6. Befreiungsarmee	нем. Армия-освободительница (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 235]
7. Bitte sprechen Sie langsam	нем. Говорите, пожалуйста, помедленнее (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 146]
8. BMW	нем. Аббревиатура от Bayerische Motoren Werke – Баварские моторные заводы, немецкая марка автомобиля (Ксения) [Хазанов, 2005, с. 201]

9. BRezeption нем. Стойка администратора (Сильваплана и Отель искусств) [Хазанов, URL:[http://boris-chasanow.imwerden.de.](http://boris-chasanow.imwerden.de)]
10. Burshe нем. Денщик (Ксения) [Хазанов, 2005, с. 211]
11. Darf ich? нем. Разрешите? (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 217]
12. Das Antlitz Rußlands und das Gesicht der russischen Revolution нем. Лик России и лицо русской революции (Ф.А. Степун «Лик России и лицо русской революции») (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 169]
13. Das Frühstück schmeckt gut нем. Вкусный завтрак (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 148]
14. Das ist doch nicht Ihr Ernst нем. Вы это всерьёз? (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 220]
15. Das Mädchen im Glas нем. Девушка в бокале (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 218]
16. Das reicht нем. Всё, хватит (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 193]
17. Denke daran, dass heute morgen gestern ist (Peter Weiss) нем. Помни, что сегодняшний день завтра станет вчерашним (Петер Вейс) (Аквариум) [Хазанов, 2009, с. 354]
18. Denn alles, was entsteht, ist wert, dass es zugrunde geht (W. Goethe. Faust) нем. Ибо всё, что возникает, достойно гибели (В. Гёте «Фауст») (Нагльфар в океане времён) [Хазанов, 1993, с. 96]
19. Deutsche Treue нем. Немецкая верность (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 235]
20. Die Zeit ist um нем. Время истекло (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 235]
21. Diese Bestie muss vernichtet werden нем. Этого зверюгу надо уничтожить (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 249]

22. Doch нем. Отчего же (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 197]
23. Doppelgänger нем. Двойник (Взгляни на иероглиф) [Хазанов, 2013, с. 24]
24. Ein Flittchen нем. Ветреная девушка (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 196]
25. Ein Herr нем. Один господин (Русский путь) [Хазанов, 2009, с. 230]
26. Eine russische Liebschaft нем. Интрижка с русской (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 196]
27. Entlausung нем. Уничтожение вшей (Saeculum) [Хазанов, 2009, с. 151]
28. Er hat hinabgenommen / Des Reiches Herrlichkeit / Und wird eins wiederkommen / Mit ihr, zu seiner Zeit (Friedrich Rückert. Barbarossa) нем. Величие своего царства он унёс туда с собой, но дайте срок – он вернётся, и с ним вернётся блеск его держав (Ф. Рюккерт «Барбаросса». Перевод Б. Хазанова) (Ксения) [Хазанов, 2005, с. 190]
29. Er stand vom Schreibtisch auf... (Th. Mann. Schwere Stunde) нем. Он встал от письменного стола... (Т.Манн «Трудный час». Перевод Б. Хазанова) (Трудный час или музыка бдения) [Хазанов, 2009, с. 65]
30. Es gibt kein Glück im Leben нем. Нет счастья в жизни (Час короля) [Хазанов, 1991, с. 71]
31. Fahrkarten нем. Билеты (Дорога) [Хазанов, 2001, с. 119]
32. Frau Gräfin нем. Госпожа графиня (Русский путь) [Хазанов, 2009, с. 231]; (Универсальная грамматика) [Хазанов, [URL:http://boris-chasanow.imwerden.de.](http://boris-chasanow.imwerden.de)]
33. Frau meiner Träume нем. Девушка моей мечты (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 197]

34. Gegenwart нем. Настоящее время (Нагельфар в океане времён) [Хазанов, 1993, с. 96]
35. Geschlossene Gesellschaft нем. Закрытое общество (Преодоление литературы) [Хазанов, 2009, с. 176]
36. Glasperlenspiel нем. Игра в бисер (Новая Россия) [Хазанов, URL:<http://boris-chasanow.imwerden.de.>]
37. Glockenspiel нем. Знаменитое кафе в центре Мюнхена (Циклоп) [Хазанов, 2001, с. 249]
38. Großartig. Besser kann's nicht sein нем. Изумительно. Лучше не бывает (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 198]
39. Hausmeister нем. Дворник (Гости) [Хазанов, 2009, с. 319]
40. Herr Doktor spricht deutsch? нем. Господин доктор говорит по-немецки? (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 222]
41. Herr Ludwig Graf Seydlitz-Gumbinnen нем. Господин Людвиг граф Зойдлиц Гумбиннен (Русский путь) [Хазанов, 2009, с. 230]
42. Herr Polizist нем. Господин полицейский (Взгляни на иероглиф) [Хазанов, 2013, с. 27]
43. Hinüber wall ich, / Und jede Pein / Wird einst ein Stachel / Der Wollust sein (Novalis. Hymnen an die Nacht) нем. Я уйду туда, где всякая боль превратится в укол наслаждения (Новалис «Гимны к ночи». Перевод Б. Хазанова) (Ночь Египта) [Хазанов, 2005, с.]
44. Hofgarten нем. Придворный сад (Взгляни на иероглиф) [Хазанов, 2013, с. 24]
45. Hospiz нем. Приют, полумедицинское учреждение для неизлечимо больных (Русский путь) [Хазанов, 2009, с. 233]
46. Ich нем. Я (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 147]

47. Ich bin Irma
нем. Я Ирма (Универсальная грамматика) [Хазанов, [URL:http://boris-hasanow.imwerden.de.](http://boris-hasanow.imwerden.de)]
48. Ich wünsche recht gelehrt zu werden / Und möchte gern, was auf der Erden / Und in dem Himmel ist, erfassen, / Die Wissenschaft und die Natur.
– Da seid Ihr auf der rechten Spur (W. Goethe. Faust)
нем. – Желаю стать настоящим учёным, объять всё, что есть на небе и на земле, постичь природу и все науки.
– В таком случае вы на верном пути (В. Гёте «Фауст». Перевод Б. Хазанова) (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 72]
49. Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten! (W. Goethe. Faust)
нем. Вы вновь со мной, туманные виденья. (В. Гёте «Фауст». Перевод Н. Холодковского) (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 14]
50. Im Einsatz sozusagen
нем. Так сказать, в деле (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 198]
51. In den Flüssen nördlich der Zukunft / Werf ' ich das Netz aus, das du / Zögernd beschwerst mit von Steinen / Geschriebenen Schauen (P. Celan. In den Flüssen nördlich der Zukunft)
нем. На реках к северу от будущего я забрасываю сеть, и, колеблясь, ты наполняешь её грузом теней, что написали камни (П. Целан «На реках к северу от будущего». Перевод Б. Хазанова) (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 9]
52. Kein Zweifel
нем. Без сомнения (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 90]
53. Keine Ahnung
нем. Понятия не имею (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 219]
54. Keine Bewegung an allen Fronten
нем. На всех фронтах – затишье (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 90]
55. Klammer auf, Klammer zu
нем. Открыть и закрыть скобки (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 182]
56. Klavierstück
нем. Пьеса для фортепиано (Взгляни на иероглиф) [Хазанов, 2013, с. 24]
57. Kopfsatz
нем. Первая часть (Ксения) [Хазанов, 2005, с. 188]

58. Madame! Ich habe Sie belogen. Ich bin nicht der Graf von Ganges (H. Heine. Das Buch Le Grand) нем. Сударыня, я обманул Вас. Я не граф Гангский (Г. Гейне «Идеи. Книга Легран». Перевод Б. Хазанова) (Книга ни для кого) [Хазанов, URL:<http://boris-hasanow.imwerden.de>.]
59. Marienhelfer нем. Юнга (Ксения) [Хазанов, 2005, с. 194]
60. Mein Herr нем. Мой господин, сударь (Универсальная грамматика) [Хазанов, URL:<http://boris-chasanow.imwerden.de>.]; (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 220]
61. Mein Führer! нем. Мой фюрер (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 235]
62. Meinetwegen нем. Если угодно, да (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 197]
63. Müssen нем. Долженствовать (Антивремя) [Хазанов, 2001, с. 90]
64. Na also нем. Ну вот и всё (Чудотворец) [Хазанов, 1991, с. 216]
65. Na und? нем. Ну и что? (Ксения) [Хазанов, 2005, с. 194]
66. Na wie geht's нем. Что новенького (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 192]
67. Nach langem Zögern нем. После долгих колебаний (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 202]
68. Nichts нем. Ничего (Nichts, nada) [Хазанов, URL:<http://boris-chasanow.imwerden.de>.]
69. Nur das Volk ist verloren, das sich selbst aufgibt нем. Лишь тот народ погиб, кто сдается (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 249]

70. O Mensch, gib acht! Was spricht die tiefe Mitternacht
нем. О, человек, внимли, что говорит глухая ночь (2-я симфония Г. Малера, слова Ф. Ницше. Перевод Б. Хазанова) (После нас потоп) [Хазанов, 2010а, с. 312]
71. O, Hedwig! O, Hedwig!
Die Nähmaschine geht nicht...
нем. О, Хедвихь, о, Хедвихь! Швейная машина не работает... (Немецкая народная песня. Перевод Б. Хазанова) (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 61]
72. ОКН
от нем. Oberkommando des Heeres – Верховное командование сухопутных войск (Ксения) [Хазанов, 2005, с. 217]
73. Ort
нем. Место, населённый пункт (Универсальная грамматика) [Хазанов, URL:[http://boris-chasanow.imwerden.de.](http://boris-chasanow.imwerden.de)]
74. Passierschein
нем. Пропуск (Час короля) [Хазанов, 1991, с. 49]
75. Pioniere, seid bereit
нем. Пионеры, будьте готовы! (Взгляни на иероглиф) [Хазанов, 2013, с. 23]
76. Privatgelehrte
нем. Человек с академическим образованием, научное исследование которого мотивировано личностными интересами и финансируется в частном порядке (Универсальная грамматика) [Хазанов, URL:[http://boris-hasanow.imwerden.de.](http://boris-hasanow.imwerden.de)]
77. Prost
нем. Ваше здоровье (Возвращение) [Хазанов, 2005, с. 53, 55, 88, 108]; (Русский путь) [Хазанов, 2009, с. 235]
78. Reichsbahn
нем. Имперская железная дорога (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 384]
79. Reihenhause
нем. Секционный дом (Циклоп) [Хазанов, 2001, с. 251]

80. Ritterkreuz нем. Рыцарский крест – вторая высшая ступень военного ордена (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 250]; (Русский путь) [Хазанов, 2009, с. 233]
81. S-Bahn нем. Пригородные железнодорожные линии, соединённые с сетью метрополитена (Ксения) [Хазанов, 2005, с. 201]
82. Schatz нем. Дорогая (Возвращение) [Хазанов, 2005, с. 78]
83. Schert euch alle zum Teufel нем. Катитесь вы все к черту (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 253]
84. Schiess los нем. Проваливай (Лев и звёзды) [Хазанов, URL:<http://boris-chasanow.imwerden.de.>]
85. Schlößchen нем. Небольшой замок (Возвращение) [Хазанов, 2005, с. 100]
86. Schluß нем. Кончено (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 213]
87. Sehr geehrter, lieber Herr Iwanow нем. Дорогой, многоуважаемый г-н Иванов (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 202]
88. Sie haben Besuch нем. У вас гости (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 222]
89. Sie sagen es, Frau Baronin нем. Совершенно верно, баронесса (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 218]
90. Sie wollen нем. Чего желаете (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 149]
91. Siemens нем. Сименс – немецкий концерн (Взгляни на иероглиф) [Хазанов, 2013, с. 27]
92. So ist es, Gnädigste нем. Вот так, сударыня (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 219]

93. So? нем. Вот как? (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 192]
94. Sonderkommando нем. Спецподразделение СС (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 253]
95. Teatinerkirche нем. Церковь театинерского ордена (Взгляни на иероглиф) [Хазанов, 2013, с. 25]
96. Termin нем. Приём (Гости) [Хазанов, 2009, с. 323]
97. U-Bahn нем. Метро (Взгляни на иероглиф) [Хазанов, 2013, с. 24]
98. Um Gottes Willen! нем. Ради Бога (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 235]; (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 142]
99. Und das ware? нем. А именно (Ксения) [Хазанов, 2005, с. 196]
100. Unfär нем. Некрасиво (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 197]
101. Ungefähr нем. Приблизительно (Дорога) [Хазанов, 2001, с. 114]
102. Unzeitgemäße Betrachtungen (F. Nietzsche) нем. Несвоевременные размышления (Ницше). (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 396]
103. Vor der Kaserne, vor dem großen Tor! / Wie einst Lili Marlen! / Wie einst Lili Marlen нем. Перед казармой, в свете фонаря.../ С тобой, Лили Марлен... (Песня «Лили Марлен». Перевод И. Бродского) (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 61]
104. VP 1703 нем. Немецкое патрульное судно времён Второй мировой войны (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 9]
105. Warten нем. Ждать (Нагельфар в океане времён) [Хазанов, 1993, с. 96]

106. Weg! Geschwind! нем. Прочь! Быстро! (стр. 277) (Взгляни в глаза мои суровые)
107. Wehr dich oder stirb нем. Защищайся или умри (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 249]
108. Wir sind schon Russen нем. Мы уже русские (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 252]
109. Zum Wohl нем. На здоровье (Возвращение) [Хазанов, 2005, с. 112]
110. Zwischen / Deinen нем. Между / твоими бровями / твоё родо-
Augenbrauen / Steht deine словие / шифром / из песчаного забвения.
Herkunft / Eine Chiffre / Aus der (Н. Закс. Перевод В. Микушевича) (Взгляни
Vergessenheit des Sandes (Nelly на иероглиф) [Хазанов, 2013, с. 7]
Sachs)

Французский язык

111. A votre santé! франц. На здоровье! (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 429]
112. A` l`aise франц. Непринуждённо (Возвращение) [Хазанов, 2005, с. 62]
113. Amitié amoureuse франц. Влюблённая дружба (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 231]
114. Bien sur франц. Конечно (Час короля) [Хазанов, 1991, с. 52]
115. Bureau de voyages франц. Турагентство (Корсар) [Хазанов, 2001, с. 223]
116. C`est moi. Vous êtes surpris? франц. Это я. Вы удивлены? (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 422]
117. C`est une nudité франц. Обнажённая натура (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 432]

118. Carnet франц. Записная книжка (Час короля) [Хазанов, 1991, с. 52]
119. Ce n'est pas rien франц. Это кое-что значит (Ксения) [Хазанов, 2005, с. 186]
120. Ce que me semble beau, ce que je voudrais faire, c'est un livre sur rien, un livre sans attache extérieure, qui se tiendrait de lui-même par la force interne de style. Les oeuvres les plus belles sont celles où il y a le moins de matière... C'est pour cela qu'il n'y a ni bons ni vilains sujets (Flaubert – Louise Colet) франц. Что мне кажется прекрасным, чем я хотел бы заняться, так это написать книгу ни о чём, без всякой внешней привязки, книгу, которая держалась бы одной внутренней силой стиля. Самые лучшие произведения – те, в которых ничего не происходит... вот отчего не бывает ни пошлых, ни хороших сюжетов (Флобер «Луизе Коле». Перевод Б. Хазанова) (Валерия) [Хазанов, 2005, с. 153]
121. Comment la trouvez-vous, cette peinture? франц. Как тебе нравится эта картина? (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 206, 401]
122. édit Lyonnais франц. Крупнейший французский банк (Корсар) [Хазанов, 2001, с. 241]
123. Deux magots франц. «Два мага» – знаменитое кафе в Париже (Пусть ночь придёт) [Хазанов, 2005, с. 176]
124. Dieu dans son oeuvre франц. Бог в своём творении (Нагльфар в океане времён) [Хазанов, 1993, с. 157]
125. Discretion франц. Сдержанность (Корсар) [Хазанов, 2001, с. 241]
126. Elle vit devant eux la vase presque vide et le hanap (J. Bédier. Tristan) франц. Она увидела, что перед ними стоит почти пустой сосуд и кубок (Ж. Бедье. Тристан) [Хазанов, 2009, с. 328]
127. Entends la douce nuit qui marche (Ch. Baudelaire. Les Fleurs du mal) франц. Слушай мягкую поступь ночи (Ш. Бодлер «Цветы зла». Б. Хазанова) (Город и сны) [Хазанов, 2001, с. 284]
128. Être-objet франц. Одушевленный предмет (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 45]

140. L'homme sédentaire франц. Сидячий человек (Гиббоны и облака) [Хазанов, 2005, с. 477]
141. Laissons франц. Позвольте (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 198]
142. L'alcool dégrise. Après quelques gorgées de cognac, je ne pense plus à toi (M. Yourcenar) франц. Алкоголь отрезвляет. Два-три глотка коньяку, и я о тебе больше не думаю (М. Юрсенар) (Ксения) [Хазанов, 2005, с. 198]
143. Le pays, c'est moi франц. Страна – это я (Аквариум) [Хазанов, 2009, с. 440]
144. Le temps onirique франц. Сновидческое время (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 236]
145. Littérature франц. Беллетристика (Трудный час или музыка бдения) [Хазанов, 2009, с. 108]
146. Mais c'est incroyable франц. Это уму непостижимо (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 215]
147. Mais... Vous êtes impossible франц. Вы невозможны (Далёкое зрелище лесов) [Хазанов, 2001, с. 362]
148. Marche funèbre франц. Похоронный марш (Marche funèbre) [Хазанов, 2009, с. 213]
149. Masure франц. Халупа (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 338]
150. Mon Dieu, Chacun de nous a deux patries, la nôtre et la France франц. Господи, У каждого из нас две родины: наша собственная и Франция (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 431]
151. Mon éventail. L'éventail! франц. Мой веер. Веер! (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 212]
152. N'importe. франц. Не важно (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 428]
153. Où est votre compliment? франц. Где же ваш комплимент (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 212]

154. *Parlant sans parler* франц. Говорить, ничего не говоря (Третье время) [Хазанов, 2005, с. 317]
155. *Pas du tout* франц. Не стоит благодарности (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 204]
156. *Pensées* франц. Мысли (Б. Паскаль «Мысли») (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 169]
157. *Petites madeleines* (Marcel Proust. *Du côté de chez Swann*) франц. Бисквитное пирожное (М. Пруст «По направлению к Свану». Перевод Б. Хазанова) (Ксения) [Хазанов, 2005, с. 198]
158. *Petites pommes d'amour.* франц. Яблочки любви (Корсар) [Хазанов, 2001, с. 222]
159. *Poésie de la nuit et du tombeau* франц. Поэзия ночи и могилы (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 182]
160. *Pour une demoiselle de mon age* франц. Для барышни моего возраста (Далёкое зрелище лесов) [Хазанов, 2001, с. 360]
161. *Predilection* франц. Любовь к безумию (Час короля) [Хазанов, 1991, с. 78]
162. *Qu'est-ce que c'est que ce Дукат?* франц. Что такое Дукат? (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 193]
163. *Qu'est-ce que c'est que cese* франц. Кто это, т. е. что это (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 333]
164. *Rapport de lecture* франц. Краткий пересказ содержания (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 429]
165. *Revenons au commencement* франц. Вернёмся к началу (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 326]
166. *Rien* франц. Ничего (*Nichts, nada*) [Хазанов, URL:<http://boris-chasanow.imwerden.de.>]
167. *Sainte-Geneviève-des-Bois* франц. Русское кладбище в пригороде Парижа (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 36]

168. Salon de livre
франц. Ежегодная весенняя книжная ярмарка (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 423]
169. Sans responsabilité, ou comme nous parlons en rêve (Th. Mann. Der Zauberberg)
франц. Ни за что не отвечая, как мы говорим во сне (Т. Манн «Волшебная гора». Перевод В.О. Станевич) (Третье время) [Хазанов, 2005, с. 317]
170. Sous le pont Mirabeau coule la Seine. Et nos Amours... (Guillaume Apollinaire. Pont Mirabeau)
франц. Под мостом Мирабо течёт Сена. И наша любовь... (Гийом Аполлинер «Мост Мирабо». Перевод Б. Хазанова) (Пусть ночь придёт) [Хазанов, 2005, с. 177]
171. Sous le pont Mirabeau. Les mains dans les mains restons face à face / Tandis que sous / Le pont de nos bras passé / Des éternels regards l'onde si lasse / Vienne la nuit sonne l'heure / Les jours s'en vont je demeure (Guillaume Apollinaire. Pont Mirabeau)
франц. Под мостом Мирабо...Взявшись за руки, лицом к лицу, будем стоять, пока под мостом наших рук катятся волны, усталые ответных взглядов. Пусть ночь придёт, пробьёт час. Уходят дни – я остаюсь (Гийом Аполлинер «Мост Мирабо». Перевод Б. Хазанова) (Пусть ночь придёт) [Хазанов, 2005, с. 184]
172. Spécieuse générale
франц. Универсальная характеристика (Готфрид Лейбниц) (Загадка мира) [Хазанов, URL:[http://boris-chasanow.imwerden.de.](http://boris-chasanow.imwerden.de)]
173. Tes cheveux, tes mains, ton sourire rappellent de loin quelqu'un que j'adore. Qui donc? Toi-même (M. Yourcenar. Feux)
франц. Твои волосы, твои руки, твоя улыбка напоминают мне издали кого-то, кто мне дорог. Но кого же? Тебя. (М. Юрсенар «Огни») (Третье время) [Хазанов, 2005, с. 313]
174. Tout le gouvernement
франц. Всё правительство (Антивремя) [Хазанов, 2001, с. 157]
175. Un instant
франц. Минуточку (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 430]
176. Un joli monsieur
франц. здесь: Какая всё-таки сволочь (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 375]

177. Veuillez avoir франц. Убедительная просьба не забираться с
l'obligeance de ne pas mecre vos pieds sur ногами на диван (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 193]
le canapé
178. Veuillez avoir франц. Будь добр, пожалуйста! (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 199]
l'obligeance!
179. Veuillez m'expliquer франц. Благоволите объяснить (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 199]
180. Viens sur mon coeur, âme франц. Сюда, на грудь, любимая тигрица, / Чу-
cruelle et sourde, / Tigre adoré, довище в обличье красоты! / Хотят мои дрожа-
monsrte aux airs indolents; / Je щие персты / В твою густую гриву погрузиться.
veux longtemps plonger mes / В твоих душистых юбках, у колен, / Дай мне
doigts tremblants / Dans уккрыться головой усталой / И пить дыханьем,
l'épaisseur de ta crinière как цветок завялый, / Любви моей умершей
lourde; / Dans tes jupons сладкий тлен. / Я сна хочу, хочу я сна – не жиз-
remplis de ton parfume / ни! (Ш. Бодлер «Цветы Зла». Перевод А. Эфро-
Ensevelir ma tête endolorie, / на) (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 344]
Et respirer, comme une fleur флэтрие, / Le doux relent de mon
amour défunt. / Je veux dormir!
Dormir plutôt que vivre! (Ch.
Baudelaire. Les Fleurs du mal)
181. Voici la nudité, le reste est франц. Вот нагота, а прочее – одежда. Вот оде-
vêtement. / Voici le vêtement, жда, всё прочее – украшенье. Вот чистота, про-
tout le reste est parure. / Voici чее – грязь (Шарль Пеги. Перевод Б. Хазанова)
la pureté tout le reste est (Прочее – одежда) [Хазанов, 2009, с. 180];
souillure (Charles Pégy) (Светлояр) [Хазанов, 2005, с. 379]
182. Vous avez eu raison франц. Ты был прав (Вчерашняя вечность) [Ха-
занов, 2010, с. 215]
183. – Vous êtes donc catholi- франц. Разве вы католик? – Нет, конечно. – А
que? – Bien sûr que non. – кто же вы? – Никто. – Как это понимать? – Как
Alors qui êtes-vous? – Per- хотите. Никто – это никто. В России довольно
sonne. – Que voulez-vous dire частое явление. Когда некто оказывается никем.
– Rien. Personne c'est per- (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 428]
sonne. En Russie cela arrive
assez souvent qu'une personne
découvre qu'elle n'est per-
sonne.

184. Vous êtes fou франц. Ты с ума сошёл (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 197]

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

185. A Moveable Feast англ. Передвижной праздник (Сильваплана и Отель искусств) [Хазанов, [URL:http://boris-chasanow.imwerden.de.](http://boris-chasanow.imwerden.de)]

186. Cooktown англ. Портовый город в Австралии (Новая Россия) [Хазанов, [URL:http://boris-chasanow.imwerden.de.](http://boris-chasanow.imwerden.de)]

187. Everything and nothing англ. Всё и ничего (Трудный час или музыка бдения) [Хазанов, 2009, с. 66]

188. Excuse me англ. Извините (Чудотворец) [Хазанов, 1991, с. 209]

189. Mother o'mine, o, mother o'mine... (R. Kipling) англ. О, мать моя, о, мать моя... (Р. Киплинг) (Праматерь) [Хазанов, 2001, с. 134]

190. New Russians англ. Новые русские (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 222]

191. Nothing англ. Ничего (Nichts, nada) [Хазанов, [URL:http://boris-chasanow.imwerden.de.](http://boris-chasanow.imwerden.de)]

192. Out of thy star (W. Shakespeare. Hamlet) англ. Дотянуться до него и во сне не могло бы присниться (У. Шекспир «Гамлет». Перевод Б. Хазанова) (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 413]

193. Peacock англ. Павлин (Опровержение Чёрного павлина) [Хазанов, 2005, с. 506]

194. Queen's house англ. Дом королевы (Опровержение Чёрного павлина) [Хазанов, 2005, с. 507]

195. Rover англ. Автомобиль, выпускаемый британской компанией (Универсальная грамматика) [Хазанов, [URL:http://boris-chasanow.imwerden.de.](http://boris-chasanow.imwerden.de)]

196. Space music англ. Космическая музыка (Трудный час или музыка бдения) [Хазанов, 2009, с. 65]
197. Stream of consciousness англ. Поток сознания (Взгляни на иероглиф) [Хазанов, 2013, с. 30]
198. Summing up англ. Резюмируя (Возвращение) [Хазанов, 2005, с. 107]
199. The king's hour англ. Час короля (Час короля) [Хазанов, 1991, с. 48]
200. The locked room mystery англ. Тайна закрытой комнаты (Alter ego) [Хазанов, 2005, с. 510]
201. The prophet Elija with scenes from his life! англ. Илья-пророк с житием! (Зов родины) [Хазанов, 2005, с.]
202. There are more things англ. Есть многое на свете (У. Шекспир «Гамлет». Перевод Б. Хазанова) (Опровержение Чёрного павлина) [Хазанов, 2005, с. 503]
203. This unfortunate country, <...> That's why I would in any case not undertake to guarantee it англ. Эта несчастная страна, вот почему я ни при каких обстоятельствах не поручился бы за нее (Час короля) [Хазанов, 1991, с. 35]
204. Time present and time past / Are both perhaps present in time future, / And time future contained in time past. / If all time is eternally present / All time is unredeemable. / What might have been is an abstraction / Remaining a perpetual possibility / Only in a world of speculation (T. S. Eliot. Four Quartets) англ. Время настоящее и время прошедшее Возможно оба содержатся / В будущем / А будущее – во времени прошедшем / Во всяком случае, если время вечно, / С этим уже ничего не поделаешь (Т.С. Элиот «Четыре квартета». Перевод В. Постникова) [Хазанов, URL:[http://boris-chasanow.imwerden.de.](http://boris-chasanow.imwerden.de)]
205. Twee англ. Изысканный, изящный, тонкий, шикарный, элегантный (Гиббоны и облака) [Хазанов, 2005, с. 482]

206. Well
англ. Хорошо (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 237]; (Чудотворец) [Хазанов, 1991, с. 208]
207. What on earth you're doing here
англ. Какого лешего вы здесь делаете (Зов родины) [Хазанов, 2005, с. 123]
208. What the hell?
англ. Какого лешего (Французский рассказ) [Хазанов, 2009, с. 219]
209. Words, words, words (W. Shakespeare. Hamlet)
Слова, слова, слова... (У. Шекспир «Гамлет») (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 58]
210. Your excellencies
англ. Ваше Высочество (Коллекция) [Хазанов, 2009, с. 343]

Латинский язык

211. Apollini musisque redditum.
лат. Возвращено Аполлону и музам (Город и сны) [Хазанов, 2001, с. 287]
212. Ausa et jacentem visere regiam / Vultu sereno, fortis et asperas / Tractare serpentas, ut atrum / Corpore combiberet venenum... (Horatius. Carm. I, 37)
лат. Взглянув бестрепетно на опустевший дворец, смело прижав к себе змей, чтобы выпить телом чёрный яд, решившись погибнуть... (Гораций «Оды, кн. I, 37». Перевод Б. Хазанова) (Ночь Египта) [Хазанов, 2005, с. 425]
213. Cartaphilus
лат. Картафил – одно из имён иерусалимского сапожника Агасфера, иначе Вечного Жида (Сильваплана и Отель искусств) [Хазанов, URL:<http://borischasanow.imwerden.de>.]
214. Crebra relinquendis infigimus oscula portis: / Inviti superant limina sacra pedes. / Oramus veniam lacrimis et laude litamus, / In quantum fletus currere verba sinit: / Exaudi, regina tui pulcherrima mundi, / Inter sidereos Roma recepta polos, / Exaudi, genetrix
лат. Вновь и вновь я целую ворота города, который придется покинуть. Как неохотно переступают ноги священный порог! Обливаюсь слезами, молю о прощении, воздаю хвалы, внемли, царица, моим словам, звучащим сквозь рыдания, ты, прекрасней которой нет в мире, подвластном тебе. Рим, вознесшийся к звездам! Внемли, родительница людей, родительница богов, – в храмах твоих и мы воспаряем к небу.

- hominum genetrixque deorum!
Non procul a coelo per tua
templa sumus. / Te canimus
semperque, sinent cum fata,
canemus: / Sospes nemo potest
immemor esse tui. (Rutilii Cl.
Namatiani. De reditu suo.
Laudes Romae)
- Тебя пою и буду петь вечно, покуда жив: можно ли быть счастливым, забыв тебя... (Рутилий Клавдий Намациан «О моем возвращении! Похвала Риму». Перевод Б. Хазанова) (После нас потоп) [Хазанов, 2010а, с. 272]
215. Cum sanguis regnatur a
bile diffusa
- лат. Когда кровь покоряется владычеству желчи (Лев и звезды) [Хазанов, [URL:http://boris-chasanow.imwerden.de.](http://boris-chasanow.imwerden.de)]
216. De caesaribus
- лат. «О Цезарях» – сочинение Аврелия Виктора, содержащее биографии римских императоров (Ночь Египта) [Хазанов, 2005, с. 440]
217. Ducatum
- лат. Герцогство (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 197, 333]
218. Dum pendebat Filius
(Stabat Mater)
- лат. Висел Сын (Стабат матер) (Возвращение) [Хазанов, 2005, с. 81]
219. Encyclopaedia corporis
feminini
- лат. Энциклопедия женского тела (Ночь Египта) [Хазанов, 2005, с. 453]
220. Eritis sicut Deus (W.
Goethe. Faust)
- лат. И будете, как Бог (В. Гёте «Фауст». Перевод Б. Хазанова) (К северу от будущего) [Хазанов, 2004, с. 71]
221. Et ego in Arcadia
- лат. И я в Аркадии (После нас потоп) [Хазанов, 2010а, с. 356]
222. Fari
- лат. Говорить, вещать, предрекать (Слушай шаги ночи) [Хазанов, 2009, с. 314]; (Девушка и фаталист) [Хазанов, [URL:http://boris-chasanow.imwerden.de.](http://boris-chasanow.imwerden.de)]
223. Finis aeternitatis
- лат. Конец вечности (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 448]
224. Gladius Dei (Th. Mann.
Gladius Dei)
- лат. Меч Господень (Т. Манн «Мечь Господень») (Взгляни на иероглиф) [Хазанов, 2013, с. 31]

225. Haec tantae libidinis fuit ut saepe prostiterit, tantae pulchritudinis, ut multi noctem illius morte emerint (Aurelius Victor. De Caesaribus) лат. Она отличалась такой похотливостью, что нередко продавала себя, такой красотой, что многие покупали её ночь ценой смерти (Аврелий Виктор «О Цезарях». Перевод Б. Хазанова) (Ночь Египта) [Хазанов, 2005, с. 440]
226. Historia arcana, arcanissima лат. Тайная, секретнейшая история (Третье время) [Хазанов, 2005, с. 342, 347]
227. Horologium dei лат. Часовой механизм Бога (образ сотворённого мира у Декарта и Лейбница) (Horologium Dei) [Хазанов, 2005, с. 458]
228. Id quo esse aut cogitari melius nihil potest (Aurelius Augustinus Hipponensis) лат. То, лучше которого ничего не может быть и невозможно себе представить (Блаженный Августин. Перевод Б. Хазанова) (Хроника о Картафиле) [Хазанов, 2001, с. 278]
229. Liber primus лат. Первая книга (Трудный час или музыка бдения) [Хазанов, 2009, с. 125]
230. Magisterium magnum лат. Великое учение, великий труд (Далёкое зрелище лесов) [Хазанов, 2001, с. 259]
231. Nam quidquid non describi potest, non est (De temp. Praeter. Hist. XXVIII) лат. Ибо то, что невозможно описать, не существует (Истинная история минувших времён. кн. XXVIII. Перевод Б. Хазанова) (Плюсквамперфект и другие времена) [Хазанов, 2009, с. 105]
232. Natura auctoritate decurrit лат. Природа не повинуется указаниям властей (Аквариум) [Хазанов, 2009, с. 400]
233. Nil sine magno / Vita labore detit mortalibus (Horatius. Sermones – libera I, s. IX) лат. Нам, смертным, жизнь ничего не даёт без труда (Гораций «Сатиры – кн. 1 сат. 9». Перевод М. Дмитриева) (Нагльфар в океане времён) [Хазанов, 1993, с. 90]
234. Nullipara лат. Нерожавшая женщина (Возвращение) [Хазанов, 2005, с. 110]
235. Numquam erat лат. Этого никогда не было (Аквариум) [Хазанов, 2009, с. 402]

236. *Omen fati* лат. Голос судьбы (Трудный час или музыка бдения) [Хазанов, 2009, с. 125]
237. *Opus adgredior opimum casibus, atrox proeliis, discors seditionibus, ipsa etiam pace saevum. Quattuor principes ferro interempti, trina bella civilia, plura externa ac plerumque permixta* (Tacito. *Historiae*) лат. Я приступаю к рассказу о временах, исполненных несчастий, изобилующих битвами, смутами и распрями, о временах, свирепых даже в мирную пору. Четыре принцепса заколоты; три войны гражданских, множество внешних и еще больше таких, что были одновременно и внешними, и гражданскими (Тацит «История». Перевод С.Л. Утченко) (Трудный час или музыка бдения) [Хазанов, 2009, с. 125]
238. *Opus magnum* лат. Труд жизни (Чтение) [Хазанов, 2009, с. 331]
239. *Oratio* лат. Речь (Трудный час или музыка бдения) [Хазанов, 2009, с. 111]
240. *Pavor nocturnus* лат. Ночные страхи (Преодоление литературы) [Хазанов, 2009, с. 179]
241. *Pax in terra et in hominibus benevolentia* лат. Мир на земле и в человеках благоволение (Великое славословие. Перевод Б. Хазанова) (Возвращение) [Хазанов, 2005, с. 81, 108]
242. *...Praesens autem si semper esset praesens
Nec in praeteritum transiret,
non iam esset / Tempus, sed
aeternitas* (Beati Augustini *Confess.* XI, 141) лат. ...Настоящее же, если бы оно всегда оставалось настоящим и никогда не переходило в прошлое, было бы не временем, а вечностью (Исповедь бл. Августина, кн. XI, 141) (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 192]
243. *Quid sit futurum cras, / Fuge querere et / Quem Fors dierum / Cumque dabit...* (Horatius. *Carm.* 1, 9) лат. Что завтра будет, лучше не спрашивай. Из дней какой бы рок ни послал, прими во благо... (Гораций «Ода 1,9». Перевод Ю. Верховского) (Хроника о Картафиле) [Хазанов, 2001, с. 271]
244. *Reginae fuga mihi non molesta est* лат. Бегство царицы меня не слишком огорчает (Ночь Египта) [Хазанов, 2005, с. 429]
245. *Remedia arcana* лат. Тайные средства (Лев и звезды) [Хазанов, URL:<http://boris-chasanow.imwerden.de>.]
246. *Saeculum* лат. Век (*Saeculum*) [Хазанов, 2009, с. 143]

247. Sancta Hilaria лат. Святая Илария (Корсар) [Хазанов, 2001, с. 214]
248. Sidericus rex лат. Седрик Рекс (Час короля) [Хазанов, 1991, с. 61]
249. Sine linea лат. Без строчки, без штриха (Далёкое зрелище лесов) [Хазанов, 2001, с. 362]
250. Sum ergo sum лат. Я живу – следовательно я существую (Аквариум) [Хазанов, 2009, с. 372]
251. Summatim лат. В итоге, резюме (Антивремя) [Хазанов, 2001, с. 90]
252. Tu eram ego eris лат. Я был тобой, ты будешь мною (Далёкое зрелище лесов) [Хазанов, 2001, с. 303]
253. Ubi pus, ibi incisio лат. Где гной, там сделай разрез (Откуда ты, прекрасное дитя) [Хазанов, 2009, с. 99]
254. Ultrasilvana terra лат. Страна за лесом – Трансильвания – регион в Румынии (Путешествие) [Хазанов, 2001, с. 189]
255. Un homme averti лат. Предупрежденный человек (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 424]
256. Un homme averti en vaut deux лат. Бережёного Бог бережёт (Вчерашняя вечность) [Хазанов, 2010, с. 42]

Итальянский язык

257. Abbachio alla romana итал. Римский молочный барашек под соусом (Лигурия) [Хазанов, 2009, с. 51]
258. Accademia dell'iscrizioni итал. Академия надписей (Загадка мира) [Хазанов, URL:<http://boris-chasanow.imwerden.de>.]
259. Andante con moto итал. Более быстрый темп, чем аданте (Трудный час или музыка бдения) [Хазанов, 2009, с. 65]
260. Arrosto di vitello al latte итал. Обжаренная телятина в молоке (Лигурия) [Хазанов, 2009, с. 52]

261. Cima alla genovese итал. Фаршированный ягненок по-генуэзски (Лигурия) [Хазанов, 2009, с. 51]
262. Cinghiale in salmi итал. Рагу из дикого кабанчика (Лигурия) [Хазанов, 2009, с. 54]
263. Cinque terre итал. Пять селений (Лигурия) [Хазанов, 2009, с. 48]
264. Coniglio arrasto alla ligure итал. Жареный кролик по-лигурийски (Лигурия) [Хазанов, 2009, с. 51]
265. Coraggio итал. Смелее (Лигурия) [Хазанов, 2009, с. 56]
266. Ex omnibus bonis, quae homini natura tribuit, nullum melius esse tempestiva morte (Caii Plinii Secundi) итал. Из всех благ, какими природа одарила человека, нет лучшего, чем своевременная кончина (Плиний Старший. Перевод Б. Хазанова) (Лигурия) [Хазанов, 2009, с. 53]
267. Largo appassionato итал. Широко и страстно – темп, характеризующийся широким, размеренным развёртыванием музыкальной ткани. (Трудный час или музыка бдения) [Хазанов, 2009, с. 69]
268. Ma princesse итал. Моя принцесса (Лигурия) [Хазанов, 2009, с. 54]
269. Perché la grande regina n'aveva molto! итал. Потому что у великой царицы было много... (А.С. Пушкин «Египетские ночи») (После нас потоп) [Хазанов, 2010а, с. 281]
270. Permesso итал. Разрешение (Лигурия) [Хазанов, 2009, с. 49]
271. Saltimbocca alla romana итал. Рулет по-римски с ветчиной и шалфеем (Лигурия) [Хазанов, 2009, с. 52]
272. Tortelli di patate итал. Пельмени с картошкой (Лигурия) [Хазанов, 2009, с. 54]
273. Viola tout. итал. Альт (Трудный час или музыка бдения) [Хазанов, 2009, с. 69]

Греческий язык

274. Η έπιότημη πήγη εστι τής σοφίας, αλλά ού τής άθετής
греч. Наука – источник мудрости, но не доблести (Антивремя) [Хазанов, 1991, с. 129]
275. Και ου τεκνον
греч. И мои дети (После нас потоп) [Хазанов, 2010а, с. 280]
276. Καισάριον
греч. Цезарёнок (Ночь Египта) [Хазанов, 2005, с. 429]
277. Μεγάλη τύχη της ανικήτου νεωτήρας!
греч. Велик удел Непобедимой Младшей! (Ночь Египта) [Хазанов, 2005, с. 431]
278. Σύνοδος 'αμμητοβίων
греч. Клуб «неподражаемо живущих» (Ночь Египта) [Хазанов, 2005, с. 434]

Румынский язык

279. Deranjez
рум. Беспokoить (Путешествие) [Хазанов, 2001, с. 206]
280. Doamnă contesă
рум. Госпожа графиня (Путешествие) [Хазанов, 2001, с. 197]
281. Domnule professor
рум. Господин профессор (Путешествие) [Хазанов, 2001, с. 194]

Польский язык

282. Na zdrowie
польс. На здоровье (Третье время) [Хазанов, 2005, с. 364, 365]
283. Nie rozumem
польс. Не понимаю (Третье время) [Хазанов, 2005, с. 364]
284. Przedmiot
польс. Предмет (Третье время) [Хазанов, 2005, с. 365]

Испанский язык

285. Camino del cementerio
Se encontraron dos amigos;
adiós! Dijo el vivo al muerto;
Hasta luego! El muerto al vivo
- испан. Два друга встретились на дороге к кладбищу. Прощай! – крикнул живой мёртвому. До скорого! – мёртвый живому (Испанский фольклор. Перевод Б. Хазанова) (День рождения инфанты) [Хазанов, 2005, с. 9]
286. Nada
- испан. Ничего (Nichts, nada) [Хазанов, URL:<http://boris-chasanow.imwerden.de>.]

Иврит

287. הזוהר ספר
- ивр. Блеск, сияние – каббалистическая книга Зоар (комментарий к Торе) [Хазанов, URL:<http://boris-chasanow.imwerden.de>.]